

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

А.М. Нагимова

Казанский государственный
финансово-экономический институт
E-mail: nagais@mail.ru

В статье рассматриваются теоретико-методологические подходы к исследованию проблемы качества жизни. Автор на основе анализа теоретических концепций, начиная с классиков французской и английской политической экономии, доказавших теорию «экономического человека», и кончая позитивистско-технократическим направлением, связанным с идеологией либерал-технократизма и реформизма абстрактно-гуманистического и антропологического толка, обосновывает становление научных концепций качества жизни.

Ключевые слова: качество жизни, концепция «экономического человека», объективистские концепции качества жизни, субъективистские концепции качества жизни, позитивистско-технократическое направление, структурный функционализм, либерал-технократизм, реформизм.

Theoretical Approaches to the Research of the Problem of Quality of Life

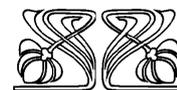
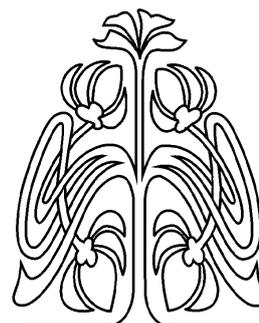
А.М. Nagimova

The article provides theoretical and methodological approaches to the research of a problem of quality of life. The author, on the basis of the analysis of theoretical concepts since the classics of the French and English political economy who has proved the theory of «the economic person», finishing the positivism and technocrat direction connected with ideology of the liberal technocratism and reformism of abstract-humanistic and anthropological sense proves formation of scientific concepts of quality of life.

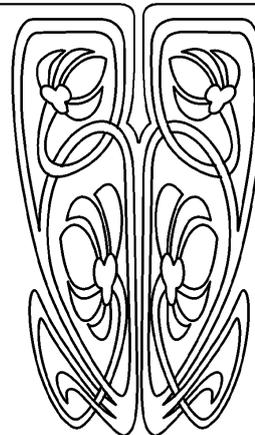
Key words: quality of life, concept of «the economic person», objectivistic concepts of quality of life, subjectivist concepts of quality of life, positivism and technocrat direction, structural functionalism, liberal technocratism, reformism.

Современное российское общество характеризуется динамичными социальными процессами, связанными с изменением системы общественных отношений, приходом и развитием рыночной системы в экономике и развитием демократии и гражданских институтов в политической системе. Сформировавшиеся в условиях либеральных реформ рыночного транзита и глобализации социальных связей, новые общественные отношения кардинально как изменили саму основу экономических отношений в обществе, так и подвергли существенной трансформации политическую и правовую сферы, а также систему ценностей и образ жизни граждан. Эти изменения происходили на фоне существенной социальной и экономической дифференциации структуры социума, влекущей за собой рост экономического неравенства, возрастание «разрыва» в возможностях удовлетворения витальных и социальных потребностей людей, гиперполяризацию и новую структуризацию общества по критерию принадлежности или непринадлежности к слоям богатых или бедных. В связи с кардинальными изменениями в сфере потребления и распределения общественных благ все большее значение стала приобретать проблема качества и уровня жизни разных слоев общества и социума в целом.

Осмыслению и освоению теоретических подходов места человека в системе общественных отношений исходя из понятия благополучия,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

благополучия, уровня и качества его жизни посвящено множество исследований начиная со времен Древней Греции. Еще Аристотель утверждал, что «цель государства – это совместное продвижение к высокому качеству жизни»¹. Однако наибольший вклад в формирование современных представлений о качестве жизни и вообще об экономических условиях существования социума внесли великие экономисты – классики французской и английской политической экономии. Так, по мнению А. Смита, человек – это «индивид, движимый двумя природными мотивами, – своекорыстным интересом и склонностью к обмену»². Идея «экономического человека» была развита в последующих учениях экономистов-классиков. Например, Дж. Бентам рассматривает проблему с точки зрения гедонистических принципов: основу всех действий человека образует принцип пользы, означающий достижение наибольшего удовольствия и стремление всячески избегать страдания. Он считал, что «природа подчинила человека власти удовольствия и страдания. Им мы обязаны всеми нашими идеями, ими обусловлены все наши суждения, все наши решения в жизни... Принцип пользы подчиняет все этим двум двигателям»³.

Однако «экономический человек» является синтезом его внутренних мотивов и внешних условий жизни и попытка описать «экономического человека» без рассмотрения его реальных условий существования подвергается критике социалистами А. Сен-Симоном, Р. Оуэном, Ш. Фурье, Л. Бланом. Они призывают изучать положение людей, а не абстрактные факторы производства. При этом акцент переносится с индивида на общественные классы, которые рассматриваются не просто как «статистические» группы, а как реальные социальные субъекты.

Наиболее последовательной критике классиков экономической науки за отрыв экономических процессов от их социальной сущности подвергает О. Конт: «Экономический или производственный анализ общества не может быть позитивно осуществлен, если не учитывать интеллектуального, морального и политического анализа, либо прошлого, либо настоящего общества»⁴.

Еще одним этапом в развитии теории «экономического человека» стало возникновение нового, маржиналистского направления, приведшего к еще большему отстранению экономической теории от «посторонних примесей» в виде политических и моральных принципов. В отличие от всех предыдущих теорий маржиналисты рассматривают человека с точки зрения его потребительского выбора – «экономический человек» представляет собой максимизатор полезности.

Несколько иной подход при рассмотрении проблемы человека в экономических условиях его существования применяют представители субъективистского направления маржинализма – К. Менгер, Е. Бем-Баверак, Ф. Визер. По их

мнению, в основе действий человека лежит его стремление как можно полнее удовлетворить свои потребности, заложенное в нем самой природой и не нуждающееся в поддержке закона или силе принуждения, свободно от всякого общественного интереса⁵. Такое понимание сущности человека уже не позволяет представлять его как «моментальный оптимизатор», а при удовлетворении своих потребностей человек не свободен от ошибок.

Особое место в создании теоретических предпосылок при экономическом осмыслении социальных проблем принадлежит Дж. Кейнсу. По его мнению, индивидуальные рациональные действия далеко не всегда приводят к соответствующему результату на социальном уровне, так как существует другая, надиндивидуальная рациональность. При изучении проблемы потребления в системе экономических отношений Кейнс выделяет воздействующие на них психологические факторы, такие как «склонность к сбережению», «предпочтение ликвидности» и т.п.

А вот Э. Дюркгейм в своих трудах подвергает критике принципы маржинализма и отрицает экономизм в объяснении социальных явлений. Так, рассматривая функции разделения труда, Дюркгейм приходит к выводу, что его экономические результаты приводят к формированию социального и морального порядка. Данный порядок способствует возникновению общественной солидарности, которую невозможно вывести из экономического интереса индивида или социальных групп и классов. Общество, с точки зрения Дюркгейма, есть нечто большее, чем совокупность индивидов, оно во многом является продуктом коллективной жизни: «Общество – не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность, наделенную своими особыми свойствами»⁶. Таким образом, Дюркгейм развил идеи структурного функционализма, основанного еще в XIX в. Гербертом Спенсером.

В отличие от Э. Дюркгейма М. Вебер в своей теории социального действия рассматривает систему социологических категорий экономического действия. Под социологическими категориями экономического действия он понимает форму социального действия, вбирающего в себя властные и социокультурные элементы⁷. При этом М. Вебер исходит из конкретно-исторического характера формирования самого экономического интереса: он отводит экономическое действие в более широкую область властных и ценностно-культурных ориентаций. В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер раскрывает механизм вызревания предпринимательского духа в недрах протестантизма. При этом он стоит на позициях методологического индивидуализма, но социальный порядок у него не образуется внешними нормативными ограничениями, а оказывается проекцией индивидуального осмысленного действия. В дальнейшем, основываясь

на теоретических воззрениях Э. Дюркгейма и М. Вебера, создается новое методологическое направление, активно применяемое учеными, в том числе и при исследовании уровня и качества жизни, – структурный функционализм, наиболее яркими представителями и основоположниками которого являются Т. Парсонс и Н. Смелзер.

При рассмотрении условий существования социального субъекта интересен подход Т. Парсонса⁸. В качестве единицы анализа у него выступает индивид как элемент более общих структур или систем действия, среди которых решающая роль отводится нормативным структурам. Впоследствии Т. Парсонс вместе с Н. Смелзером предпринимает попытку проанализировать значение и роль экономических условий жизни индивида с позиций теории систем.

Таким образом, в свете проведенного анализа можно утверждать, что идейно-теоретические основы концептуальных интерпретаций качества жизни представляют собой эклектическую смесь различных философских, экономических, социальных, психологических и политических идей и теорий. В целом, учитывая теоретико-мировоззренческое содержание, политическую и социальную направленность данных концепций и их методологические основания, концептуальные интерпретации можно разделить на два основных направления – объективистский и субъективистский подходы.

Объективистский подход, основанный на концепции «экономического человека», представляет собой синтез таких качеств индивида, как эгоизм, расчетливость и стремление к материальным благам. В соответствии с данным подходом качество жизни представляет собой качество социальной и физической окружающей среды, дающей возможность индивиду реализовать свои потребности и нужды. Объективистское направление, вышедшее из недр концепции «экономического человека», в дальнейшем приобрело вид позитивистско-технократического направления, связанного с идеологией либерал-технократизма и реформизма. В рамках данного направления качество жизни представляется неотъемлемой частью постиндустриального общества, пришедшего на смену капиталистическому обществу путем использования достижений научно-технической революции, рационализации экономики и социального регулирования.

Как и считали основоположники структурно-функционального анализа Парсонс и Смелзер, а вслед за ними и представители позитивистско-технократического направления, результатом развития общественных отношений и научно-технической революции становится формирование нового класса – класса профессионалов и специалистов. Этот «новый класс» является главным приверженцем и носителем идеалов «качества жизни» – «предпочтение духовных и интеллектуальных ценностей перед материальными, исполь-

зование социальных услуг в области образования, здравоохранения, рекреации, культуры, которые становятся желаемыми и возможными для всех»⁹.

Второе направление представлено субъективистскими концепциями абстрактно-гуманистического и антропологического толка. Субъективистский подход к качеству жизни основывается на различных социально-психологических концептах, опирающихся на рассмотрение ценностных установок и переживаний. При таком подходе элементами структуры качества жизни выступают самочувствие, счастье, удовлетворенность условиями жизнедеятельности.

Представители данного направления придерживались полярно противоположного мнения и выступали против технико-экономических ориентиров развития общества. По их мнению, экономический рост и научно-техническая революция являются факторами не улучшающими, а наоборот, ухудшающими качество жизни и способствующими дегуманизации человеческого общества. Леворадикальные представители из них считали, что стратегическое направление развития современного общества должно учитывать и опираться на духовно-нравственное совершенствование человека, изменение его сознания, характера и души. Теоретическая основа леворадикального направления сложилась под влиянием философии Франкфуртской школы и экзистенциализма. Идеи представителей Франкфуртской школы нашли свое отражение и развитие в 70-х гг. XX в. во многих странах мира, таких как США, ФРГ, Япония, Австралия, Канада и другие в виде концепции «ощущаемого качества жизни». Данная концепция представляет собой основу анализа целого направления систем социальных показателей – «субъективных показателей качества жизни». Наиболее фундаментальными в области «ощущаемого благополучия» являются работы А. Кемпбелла, Ф. Конверса, В. Роджерса, Ф. Эндрюса, С. Утни. В этих и других работах качество жизни связывается с достигнутым обществом уровнем благосостояния, с субъективным восприятием индивидуального благополучия как жизни в целом, так и в отдельных жизненных областях. Сама теория «субъективного качества жизни» вызревала в недрах неоклассической, или маржиналистской школы в политэкономии и утилитаристского направления в этике. Еще одним важным элементом теоретического базиса исследуемой концепции является политико-идеологический компонент. Под его влиянием предпринимались попытки непосредственного использования социальных показателей качества жизни как связующего звена между статистической системой информации и процедурой формирования целей общества, направленных как на благополучие всего общества, так и на счастье отдельной личности. Концепция качества жизни несомненно испытывала на протяжении своего становления влияние различных

политических и идеологических доктрин, сама при этом оказывая воздействие на формирование политических программ.

В результате проведенного анализа можно утверждать, что идейно-теоретические основы концептуальных интерпретаций качества жизни представляют собой эклектическую смесь различных философских, экономических, социальных, психологических и политических идей и теорий. Учитывая теоретико-мировоззренческие, социально-экономические содержание и направленность данных концепций, их можно разделить на две большие группы – объективистский и субъективистские подходы. Если объективистский подход базируется на концепции «экономического человека» с его стремлением к удовлетворению базовых, материальных потребностей, то для субъективистского подхода характерны такие категории из области психологии и этики, как ощущение счастья, удовлетворенность и самоактуализация личности.

Таким образом, установлено, что в ходе научных дискуссий между представителями различных школ и направлений складывалась не только научная категория, но и научная концепция качества жизни, обусловленная все более глубоким осознанием ограниченности чисто экономического подхода к решению социальных проблем.

УДК [316.334.2:316.346.2](470+571)

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Ю.А. Семёнова

Саратовский государственный университет
E-mail: Beginina IA@info.sgu.ru

Статья посвящена анализу сложной и актуальной проблемы – гендерной асимметрии предпринимательства в современном российском обществе.

Ключевые слова: предпринимательство, гендер, гендерные роли, мужчины, женщины, гендерная сегрегация.

Gender Asymmetry of Russian Enterprise

Yu. A. Semeonova

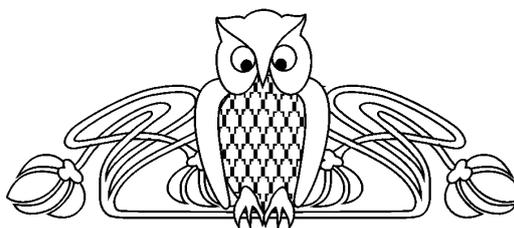
This article analyses the difficult and urgent problem – gender asymmetry of enterprise in modern Russian society.

Key words: enterprise, gender, gender roles, men, women, gender segregation.

Современный институт российского предпринимательства являет нам довольно сложный общественный феномен, в границах которого постоянно происходит сложное переплетение различных связей и отношений не только между самими предпринимателями, но и между предпринимательством как социальным институтом и его

Примечания

- 1 *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376.
- 2 *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. М.: Соцэргиз, 1935. С. 17.
- 3 *Бентам Дж.* Принципы законодательства. М.: Солдатенков, 1896. С. 4–5.
- 4 Цит. по: *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 134.
- 5 См.: *Менгер К.* Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992. С. 150–151, 195.
- 6 *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 493.
- 7 См.: *Weber M.* Economy and Society. Vol. I. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 63–211; *Idem.* The Theory of Social and Economic Organization. N.Y.; Glencoe: Free Press, 1947. Part 2.
- 8 См.: *Parsons T.* The Structure of Social Action. Glencoe: The Free Press, 1949.
- 9 *Ковынева О.А., Герасимов Б.И.* Управление качеством жизни населения. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2006. С. 42.

социальным окружением. Не последнюю роль в развитии самого института предпринимательства играют гендерные отношения. Собственно, само понятие «гендер» отражает идею социального конструирования различий между женщинами и мужчинами. Над вопросом о том, равны ли мужчины и женщины, задумывался еще древнегреческий философ Платон, задаваясь вопросом, «способна ли женская часть человеческого рода принимать участие во всех делах наряду с мужской, или же она не может участвовать ни в одном из этих дел; а может быть, к чему-то она способна, а к другому – нет». Платон пришел к выводу, что «мужчины и женщины должны выполнять одно и то же дело, хотя природа их резко различна»¹. Отметим, что гендер создается и конструируется обществом как некая социальная модель женственности и мужественности, которая и определяет положение и роль женщин и мужчин в обществе и его социальных институтах. Чаще всего гендер (от англ. *gender* – род) трактуется как совокупность представлений о личностных и поведенческих

политических и идеологических доктрин, сама при этом оказывая воздействие на формирование политических программ.

В результате проведенного анализа можно утверждать, что идейно-теоретические основы концептуальных интерпретаций качества жизни представляют собой эклектическую смесь различных философских, экономических, социальных, психологических и политических идей и теорий. Учитывая теоретико-мировоззренческие, социально-экономические содержание и направленность данных концепций, их можно разделить на две большие группы – объективистский и субъективистские подходы. Если объективистский подход базируется на концепции «экономического человека» с его стремлением к удовлетворению базовых, материальных потребностей, то для субъективистского подхода характерны такие категории из области психологии и этики, как ощущение счастья, удовлетворенность и самоактуализация личности.

Таким образом, установлено, что в ходе научных дискуссий между представителями различных школ и направлений складывалась не только научная категория, но и научная концепция качества жизни, обусловленная все более глубоким осознанием ограниченности чисто экономического подхода к решению социальных проблем.

УДК [316.334.2:316.346.2](470+571)

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Ю.А. Семёнова

Саратовский государственный университет
E-mail: Beginina IA@info.sgu.ru

Статья посвящена анализу сложной и актуальной проблемы – гендерной асимметрии предпринимательства в современном российском обществе.

Ключевые слова: предпринимательство, гендер, гендерные роли, мужчины, женщины, гендерная сегрегация.

Gender Asymmetry of Russian Enterprise

Yu. A. Semeonova

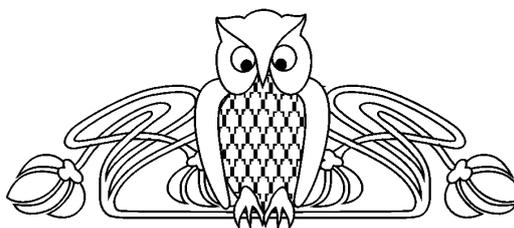
This article analyses the difficult and urgent problem – gender asymmetry of enterprise in modern Russian society.

Key words: enterprise, gender, gender roles, men, women, gender segregation.

Современный институт российского предпринимательства являет нам довольно сложный общественный феномен, в границах которого постоянно происходит сложное переплетение различных связей и отношений не только между самими предпринимателями, но и между предпринимательством как социальным институтом и его

Примечания

- 1 *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376.
- 2 *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. М.: Соцэргиз, 1935. С. 17.
- 3 *Бентам Дж.* Принципы законодательства. М.: Солдатенков, 1896. С. 4–5.
- 4 Цит. по: *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 134.
- 5 См.: *Менгер К.* Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992. С. 150–151, 195.
- 6 *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 493.
- 7 См.: *Weber M.* Economy and Society. Vol. I. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 63–211; *Idem.* The Theory of Social and Economic Organization. N.Y.; Glencoe: Free Press, 1947. Part 2.
- 8 См.: *Parsons T.* The Structure of Social Action. Glencoe: The Free Press, 1949.
- 9 *Ковынева О.А., Герасимов Б.И.* Управление качеством жизни населения. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2006. С. 42.

социальным окружением. Не последнюю роль в развитии самого института предпринимательства играют гендерные отношения. Собственно, само понятие «гендер» отражает идею социального конструирования различий между женщинами и мужчинами. Над вопросом о том, равны ли мужчины и женщины, задумывался еще древнегреческий философ Платон, задаваясь вопросом, «способна ли женская часть человеческого рода принимать участие во всех делах наряду с мужской, или же она не может участвовать ни в одном из этих дел; а может быть, к чему-то она способна, а к другому – нет». Платон пришел к выводу, что «мужчины и женщины должны выполнять одно и то же дело, хотя природа их резко различна»¹. Отметим, что гендер создается и конструируется обществом как некая социальная модель женственности и мужественности, которая и определяет положение и роль женщин и мужчин в обществе и его социальных институтах. Чаще всего гендер (от англ. *gender* – род) трактуется как совокупность представлений о личностных и поведенческих

особенностях мужчины и женщины, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Современные **гендерные идеалы** представляют собой в самом общем виде социальные ожидания мужского и женского поведения. Ожидается, что женщина должна ощущать и ощущает себя женщиной, и это ощущение соответствует общепринятому определению женственности. Имеется в виду, что она готова принять на себя роль и обязанности, традиционно связанные с ее полом.

Однако в действительности это предположение не всегда верно. Гендерные роли в разных обществах достаточно поляризованы. Типичным утверждением является следующее: женская роль – пассивная, мужская – активная, отсюда и предписания относительно поведения, связанного с гендерными ролями. Именно отсюда берет свое начало гендерная сегрегация – неравная представленность женщин и мужчин в тех или иных сферах жизни. Так, в сфере государственного управления, политики, принятия решений, крупного и среднего бизнеса преобладают мужчины. Они в основном и владеют собственностью (в том числе и семейной). Женщины в управлении, политике и бизнесе, наоборот, составляют большинство на исполнительских должностях. Женщины преобладают также и в низкооплачиваемых и малоодоходных секторах экономики. Причины гендерной асимметрии коренятся в явной или скрытой дискриминации женщин, в сексистских стереотипах. Система норм поведения, предписывающая современной российской женщине выполнение определенной роли, опирается на жесткие представления о том, что представляет собой «мужское» и «женское» в данной культуре. По существу, сегодня можно говорить о гендерной сегрегации, которая в самом общем виде означает концентрацию мужчин и женщин в разных секторах жизнедеятельности общества, в разных занятиях и профессиях. Характерной чертой гендерной сегрегации выступает концентрация женщин в малопрестижных, малооплачиваемых сферах. Основой такой сегрегации выступает традиционное деление патриархального общества на две противоположные сферы – публичную, в которой, как правило, доминируют мужчины, и частную, которая является уделом женщин. Современная идеология женского предназначения и связанные с нею сексистские стереотипы воспроизводятся в смягченном виде и в современном обществе, где женщины получили доступ в сферы политики, бизнеса и производства, но остаются на менее престижных уровнях. Сегрегация по признаку пола проявляется в соотношении мужчин и женщин, занятых в определенных отраслях и занимающих определенные должности. Исследователи используют также термин «половая типизация занятости», обозначающий принятое в культуре картографирование занятий как мужских и женских. Горизонтальная сегрегация

выражается в неравномерном распределении мужчин и женщин по профессиям и отраслям экономики (отраслевая сегрегация). Таким образом, занятость может быть охарактеризована как «мужская» (в производственном секторе) или «женская» (сфера услуг, образование, здравоохранение, торговля). Вертикальная сегрегация выражается в неравномерном распределении мужчин и женщин по позициям должностной иерархии (женщины занимают должности, характеризующиеся более низким статусом и требующие более низкой квалификации).

Предприниматель (*entrepreneur*) – человек, который идет на риск при создании новой организации или при внедрении новой идеи, продукта или услуги². По мнению экономиста и социолога Й. Шумпетера, роль предпринимателя вообще существенно отличается от роли капиталиста и рабочего, ибо предприниматель изначально не имеет капитала и не продает свой труд, зато обладает организаторскими и лидерскими способностями, инициативой, способностью идти на риск. Он мобилизует факторы производства и, получив их в распоряжение, осуществляет инновационную деятельность³. В этой связи встает вопрос, который ставил еще Платон, относительно способности женщин выполнять одинаковую с мужчинами работу.

Женское предпринимательство – относительно новое для нашей страны явление, требующее и ждущее своего исследователя. Исходные основания для развития мужского и женского предпринимательства в самом общем виде едины. Это экономическая свобода, конкурентная среда, наличие адекватной развитию страны правовой базы, регламентирующей предпринимательскую деятельность.

Базовым свойством предпринимательства как общественного феномена является экономическая свобода, то есть наличие некой совокупности прав, гарантирующих автономное, самостоятельное принятие решений по поиску и выбору вида, формы и сферы активности, методов ее осуществления, использования продукта и дохода, приносимого данной деятельностью. Другим, не менее важным свойством предпринимательства является конкурентная среда – наличие большого числа производителей, что обуславливает существование конкурентной среды, в которой происходит жесткая проверка идей и личных качеств предпринимателей, уровня их образованности, способности верно ориентироваться в окружающем мире.

При наличии сформированной инфраструктуры для развития малого предпринимательства и благоприятном отношении к нему едва ли можно ожидать интенсивного развития там, где для этого отсутствуют в должном масштабе социальный и культурный капитал, а также первоначальные финансовые ресурсы, где низка готовность населения к самозанятости, а тем более к занятию предпринимательской деятельностью.

В современном российском обществе для женщин-предпринимателей существуют особые условия. Сегодня в известной мере формируются новые модели отношений в сфере труда и производства товаров и услуг. Женщина становится востребованной обществом в силу своих природных качеств – развитой интуиции, способности вызывать доверие. Одним из успешных видов экономической активности женщин стало малое и среднее предпринимательство. Вместе с тем сегодня остаются и серьезные причины, сдерживающие реализацию женского потенциала в сфере предпринимательства. Среди них назовем трансляцию гендерных стереотипов из советского прошлого относительно роли женщины в семье и обществе. И хотя сегодня эта трансляция еще имеет место, в частности в сфере воспитания девочек, происходит заметное и постоянно возрастающее участие женщин в экономической и политической жизни. Они владеют более чем одной третью российского бизнеса. Сегодня более 25% женщин зарабатывают больше своих мужей. Это свидетельствует о том, что общее направление движения к действительному равенству мужчин и женщин, декларируемому в российской Конституции, вполне очевидно. Положительная динамика объясняется большей социальной ориентированностью женщин, высоким уровнем консолидации, относительно низким потенциалом конфликта интересов, ори-

ентацией на деловые стратегии, низким уровнем коррупции. Вместе с тем женское предпринимательство на пути своего развития встречает массу трудностей и проблем. Среди них и проблемы профессиональной компетенции, организации безопасности предпринимательства, особенности политического и экономического сознания и поведения женщины, отсутствие адекватной современному состоянию российского общества системы взаимодействия власти и бизнеса. Серьезной проблемой являются заниженная самооценка женщин, административные барьеры, сложившиеся стереотипы в оценке деловых качеств женщин.

По-прежнему превалирует преобладание мужчин над женщинами в сфере предпринимательства, что свидетельствует о том, что гендерное неравенство сегодня еще сохраняется в достаточно серьезном объеме, и это свидетельствует о необходимости серьезных практических мер в данном направлении.

Примечания

- 1 Платон. Государство // Сочинения: В 3 т. М., 1971. Т. 3. С. 248.
- 2 См.: Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1992. С. 691.
- 3 Там же.

УДК [316:61] (470+571)

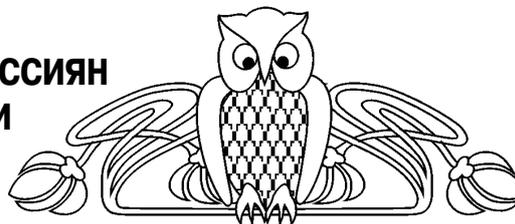
ПРОТИВОРЕЧИЯ В КУЛЬТУРЕ ПИТАНИЯ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ (по результатам социологического исследования)

М.С. Ивченкова

Российская академия
государственной службы при Президенте РФ, Москва
E-mail: m.ivchenkova@gmail.com

В статье изложены некоторые результаты социологического исследования, проведенного Социологическим центром РАГС в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации. На основании полученных социологических данных автор анализирует отношение россиян к правильному питанию как одной из практик реализации здорового образа жизни.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, культура питания, режим питания, практика реализации здорового образа жизни.

Antagonisms of Dietary Lifestyle in the Context of Healthy Lifestyle (the Findings of Sociological Research)

M.S. Ivchenkova

The article deals with some data of a sociological research made by the Sociology Center RAPA within the bounds of federal project “Scientific and Pedagogic Human Recourses of Innovative Russia” 2009-2013 with support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Based on those findings the author analyzes a healthy eating behavior of Russians as a practice of healthy lifestyle realization.
Key words: healthy lifestyle, dietary lifestyle, dietary habits, practice of healthy lifestyle realization.

В современном обществе здоровье человека является важнейшей социальной ценностью

В современном российском обществе для женщин-предпринимателей существуют особые условия. Сегодня в известной мере формируются новые модели отношений в сфере труда и производства товаров и услуг. Женщина становится востребованной обществом в силу своих природных качеств – развитой интуиции, способности вызывать доверие. Одним из успешных видов экономической активности женщин стало малое и среднее предпринимательство. Вместе с тем сегодня остаются и серьезные причины, сдерживающие реализацию женского потенциала в сфере предпринимательства. Среди них назовем трансляцию гендерных стереотипов из советского прошлого относительно роли женщины в семье и обществе. И хотя сегодня эта трансляция еще имеет место, в частности в сфере воспитания девочек, происходит заметное и постоянно возрастающее участие женщин в экономической и политической жизни. Они владеют более чем одной третью российского бизнеса. Сегодня более 25% женщин зарабатывают больше своих мужей. Это свидетельствует о том, что общее направление движения к действительному равенству мужчин и женщин, декларируемому в российской Конституции, вполне очевидно. Положительная динамика объясняется большей социальной ориентированностью женщин, высоким уровнем консолидации, относительно низким потенциалом конфликта интересов, ори-

ентацией на деловые стратегии, низким уровнем коррупции. Вместе с тем женское предпринимательство на пути своего развития встречает массу трудностей и проблем. Среди них и проблемы профессиональной компетенции, организации безопасности предпринимательства, особенности политического и экономического сознания и поведения женщины, отсутствие адекватной современному состоянию российского общества системы взаимодействия власти и бизнеса. Серьезной проблемой являются заниженная самооценка женщин, административные барьеры, сложившиеся стереотипы в оценке деловых качеств женщин.

По-прежнему превалирует преобладание мужчин над женщинами в сфере предпринимательства, что свидетельствует о том, что гендерное неравенство сегодня еще сохраняется в достаточно серьезном объеме, и это свидетельствует о необходимости серьезных практических мер в данном направлении.

Примечания

- 1 Платон. Государство // Сочинения: В 3 т. М., 1971. Т. 3. С. 248.
- 2 См.: Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1992. С. 691.
- 3 Там же.

УДК [316:61] (470+571)

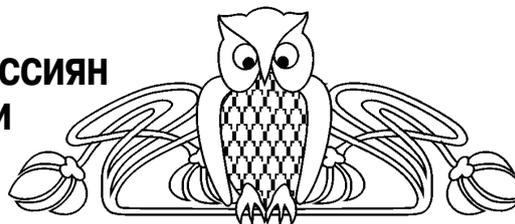
ПРОТИВОРЕЧИЯ В КУЛЬТУРЕ ПИТАНИЯ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ (по результатам социологического исследования)

М.С. Ивченкова

Российская академия
государственной службы при Президенте РФ, Москва
E-mail: m.ivchenkova@gmail.com

В статье изложены некоторые результаты социологического исследования, проведенного Социологическим центром РАГС в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации. На основании полученных социологических данных автор анализирует отношение россиян к правильному питанию как одной из практик реализации здорового образа жизни.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, культура питания, режим питания, практика реализации здорового образа жизни.

Antagonisms of Dietary Lifestyle in the Context of Healthy Lifestyle (the Findings of Sociological Research)

M.S. Ivchenkova

The article deals with some data of a sociological research made by the Sociology Center RAPA within the bounds of federal project “Scientific and Pedagogic Human Recourses of Innovative Russia” 2009-2013 with support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Based on those findings the author analyzes a healthy eating behavior of Russians as a practice of healthy lifestyle realization.
Key words: healthy lifestyle, dietary lifestyle, dietary habits, practice of healthy lifestyle realization.

В современном обществе здоровье человека является важнейшей социальной ценностью

и главным фактором социально-экономического прогресса. Обеспечение высокого уровня здоровья нации – это прерогатива государства, судьба которого напрямую и в решающей степени определяется именно здоровьем его граждан. На фоне продолжающегося ухудшения состояния здоровья россиян в условиях затянувшегося перехода к новым экономическим отношениям проблема сохранения здоровья нации и каждого человека становится все более актуальной.

В связи с этим возрастает необходимость социологического изучения образа и качества жизни различных категорий россиян. Социологический взгляд на проблемы поддержания здорового образа жизни предполагает учет комплекса условий или характеристик внешней и внутренней среды индивида, анализ различных аспектов его поведения.

По заказу Министерства образования и науки РФ в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. в июне 2010 г. Социологическим центром РАГС было проведено исследование федерального уровня «Здоровый образ жизни как социальная ценность и реальная практика»¹.

Одним из факторов, объективно и значимо влияющих на состояние здоровья населения, является культура питания. В проведенном исследовании правильное питание рассматривалось как одна из практик реализации здорового образа жизни.

Субъективная оценка значимости влияния отдельных факторов на здоровье населения показала, что 52,8% населения и 65,8% экспертов связывают понятие здорового образа жизни с рациональным питанием. Но лишь треть респондентов (31,4%), ведущих, по их мнению, здоровый образ жизни, правильно питается. Для 26,5% населения неправильное питание становится обстоятельством, мешающим поддерживать здоровье в хорошем состоянии, в основном так считает молодое поколение в возрасте от 18 до 24 лет – 35,9%, для респондентов старше 60 лет данное обстоятельство менее важно – 16,5%. Правильное питание для пожилого населения (от 60 лет и старше) становится основным способом поддержания здорового образа жизни (37,7%).

Объективно оценить культуру питания населения достаточно сложно. Социологический взгляд на проблемы питания предполагает, что поступки или события, связанные с питанием, не являются простым отражением жизненных условий. Они совершаются в результате преломления ситуации через систему ценностей самого человека, его привычки и предпочтения, а также его собственное представление о правильном питании.

По данным исследования, проведенного Социологическим центром РАГС в 2008 г.², меньше половины респондентов (44,3%) имеют пред-

ставление о сбалансированном рациональном питании, слабо представляют 32,4%, а вообще ничего не знают 19,3% опрошенных.

В рамках разработки методологии исследования «Здоровый образ жизни как социальная ценность и реальная практика» был выделен ряд факторов, с помощью которых возможен анализ субъективных представлений населения о культуре питания. Было определено, что соблюдение режима питания, предпочтения в выборе продуктов, частота употребления фаст-фуд являются показателями, определяющими культуру питания индивида.

На прямой вопрос о соблюдении режима питания треть опрошенных (30,6%) ответила утвердительно, почти половина респондентов (48,8%) отрицает соблюдение режима в приеме пищи, 20,6% затруднились ответить. Основной причиной, по которой население не соблюдает режима питания, являются нехватка времени и отсутствие привычки, что определяет в целом культуру питания населения.

Корреляционный анализ позволил выделить закономерности между соблюдением режима питания и объективными социально-демографическими факторами. Например, соблюдают режим питания 20,4% молодежи до 24 лет и 46,6% населения старше 60 лет. Женщины внимательнее следят за своим питанием, чем мужчины. Материальное положение респондентов почти не влияет на соблюдение режима питания. Нехватка денег, конечно, является причиной нерационального питания для респондентов с низким уровнем доходов, но все же остается незначительной (15,2%), основной причиной для опрошенных как с высоким уровнем дохода, так и с низким все же является отсутствие привычки соблюдать режим питания (43,2% и 46,8% соответственно).

Уровень образования не оказывает особого влияния на соблюдение режима питания, но причины отсутствия системы в питании различаются в группах с разным уровнем образования. Респонденты с высшим и неоконченным высшим образованием как причину несоблюдения режима питания определяют нехватку времени (52,9%), а для 34,9% из них причиной является отсутствие привычки. Для респондентов со средним специальным, полным средним, неполным средним и начальным образованием ограниченность во времени становится менее важным фактором.

Рассматривая общую культуру питания, следует отметить, чем руководствуется население в выборе продуктов. Для респондентов с низким уровнем доходов главным критерием становится стоимость приобретаемой пищи (65,0%), только треть из них выбирает продукты, полезные для здоровья. Для опрошенных с высоким уровнем доходов главное – это вкусовые характеристики продукта (56,9%) и его качество (54,5%), 46,3% материально обеспеченных респондентов отмечают в продуктах важность пользы для здоровья.

Молодежь выбирает продукты, которые можно легко приготовить, особенно это становится важным для тех, кто проживает в столичных, краевых или областных центрах (33,3%), для сельской молодежи легкость в приготовлении не так принципиальна (23,0%). Пожилые респонденты также не определяют этот фактор как основной, легкость в приготовлении важна для 19% опрошенных от 60 лет и старше. Вероятно, необходимость быстроты приготовления пищи связана с занятостью населения на работе и учебе.

Быстрый ритм жизни заставляет людей экономить время, особенно в крупных городах. Городская суэта проявляется во всем. Питание – не исключение. Предприятия быстрого питания становятся все более популярными, это подтверждают и результаты исследования. Почти половина жителей больших городов (43,7%) пользуются услугами сетевых предприятий фаст-фуд, для более мелких городов доля такой практики снижается, в селах 75,0% населения вообще не питаются в ресторанах быстрого питания. Очевидно, это связано с их отсутствием в деревнях. Фаст-фуд чаще употребляется мужчинами и, что занимательно, респондентами с высоким уровнем доходов. Быстрое питание особо популярно среди учащейся молодежи: постоянно пользуются услугами сетевых предприятий быстрого питания 15,5% опрошенных, иногда – 56,3% и только 28,3% не едят фаст-фуд.

Одним из существенных нарушений рационального питания является перекусы или еда всухомятку. По полученным данным, постоянно питаются всухомятку 15,8% опрошенных, среди молодых людей до 24 лет доля таких составляет 27,9%.

Достаточно недавнее изобретение пищевой промышленности – энергетические напитки – широко распространено в нашей стране. Так как эти напитки предназначены для всех тех, кто устал, но должен чувствовать себя бодрым и полным энергии, употребляют их в основном молодежь, студенты, среди респондентов до 24 лет доля употребляющих энергетики составляет 38,6%. Мужчины чаще пьют энергетические напитки, чем женщины (22,7% и 13,1% соответственно). Материальное положение, социальный статус, место жительства не оказывают существенного влияния на долю респондентов, употребляющих энергетические напитки. Процент опрошенных, не пьющих вредных для здоровья напитков, стимулирующих нервную систему, в целом по России высокий и составляет 82,7%. Таким образом, можно утверждать, что энергетические напитки не слишком популярны, но об их вреде не следует забывать, особенно молодым людям.

Тема здорового питания активно культивируется в различных медиа. В настоящее время сведения о питании в средствах массовой информации представлены достаточно ярко и широко. Существуют специализированные печатные СМИ, посвященные гастрономии и культуре

питания. Почти все телевизионные медиа, входящие в обязательный общедоступный список телеканалов, представляют зрителю передачи о вкусной и здоровой пище. Известные люди от шоу-бизнеса учат правильно питаться и готовить, создавая у населения образ успеха, красоты, здоровья. В данном случае закладывается идеология консюмеризма, основные тезисы которой сводятся к тому, что социальные проблемы решаются через стиль потребления.

Первый канал с 2009 г. запустил телепроект «Среда обитания» – документальное кино, посвященное в основном качеству потребляемых населением продуктов питания. Шокирующие факты, актуальные темы, известные медийные персонажи поднимают рейтинги программ о питании, об отражении жизненных условий населения. Таким образом, различные механизмы, влияющие на массовое сознание, по средствам медиа способны формировать некоторые мотивационные установки на поддержание здорового образа жизни каждого отдельного индивида.

Почти половина экспертов (46,7%) считает, что телевидение в целом положительно влияет на приобщение людей к здоровому образу жизни, но 24,2% отмечают, что влияние это носит скорее отрицательный, нежели положительный характер. На вопрос о том, кто должен формировать корректное представление о здоровом образе жизни, 60,0% опрошенных отдали пальму первенства средствам массовой информации наряду с органами власти различных уровней. Но главным мотивирующим элементом для формирования здорового образа жизни все же является каждый отдельный индивид, так считают 70,8% опрошенных.

63,3% экспертов отмечают положительный эффект от телепередач о здоровом питании при ориентации населения на поддержание здоровья. В качестве просвещения и пропаганды здорового образа жизни одним из самых эффективных способов эксперты считают телепередачи и публикации в СМИ именно о здоровом питании.

Резюмируя полученные в ходе исследования данные, можно утверждать, что население хотя и идентифицирует здоровый образ жизни в первую очередь с рациональным питанием, но не придерживается такой практики. Анализ данных показывает, что в более мелких городах или селах следить за рационом немного легче вследствие меньшей занятости населения и отсутствия развитой системы общественного питания. Активный ритм жизни, работа, учеба отнимают много времени у молодежи и работающих взрослых в городах, режим питания является второстепенным обстоятельством. Рационально питаться может себе позволить более пожилое поколение, зачастую находящееся на пенсии и не работающее, но при этом сдерживающим фактором становится материальный вопрос.

Немаловажным обстоятельством становится то, что у большей части населения

отсутствует привычка правильно питаться, а познания о здоровой пище и рационе поверхностны. Потребителя интересуют вкусовые качества продуктов и легкость приготовления. Именно такие характеристики лежат в основе еды от предприятий быстрого питания, таким образом, становясь фаворитом у занятой и активной молодежи.

Подводя итог, можно говорить о неоднозначном, двойственном отношении российского населения к правильному питанию. Декларативно заявляя, что рациональное питание важно, придерживаются его единицы. У населения в целом формируется образ жизни, не идентифицирующийся со здоровьем, несмотря на то что по опросам важность крепкого здоровья оценивается респондентами по максимальной шкале (73,4%). В нашем обществе пока не сформирована культура здорового образа жизни, у населения отсутствует установка, привычка ежедневно заботиться о своем здоровье.

УДК 316.334.5

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

М.В. Калининкова

Саратовский государственный университет
E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

В статье современное общество рассматривается как социоприродная система, охватывающая разные сферы жизни людей. Показано, что в условиях глобального экологического кризиса компромисс между потребностью социума и возможностями биосферы может быть достигнут путем кардинальной экологической трансформации всей жизнедеятельности человека и общества. Выделены характерные черты экологизации современного общества.

Ключевые слова: ноосфера, техносфера, экологическое общество.

Social Aspects of Modern Society's Ecologization

M.V. Kalinnikova

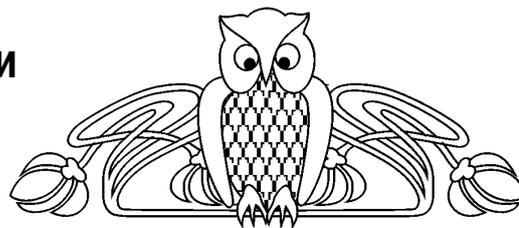
In this article modern society is considered as a social-nature's system which is enveloping different spheres of people's life. It was proved that in case of global ecology crisis compromises between people's wants and biosphere's possibilities may be found by the cardinal ecology transformation of life-activity of man and society. It was distinguished particular characters of modern society's ecologization.

Key words: noosphere, technosphere, ecology society.

Проблема экологизации общества активно обсуждается и исследуется современной наукой под влиянием глобальных изменений планетарной оболочки Земли, вызванных научно-техническим прогрессом.

Примечания

- ¹ Исследование проведено с 14 по 21 июня 2010 года. Опрошено 2400 человек в возрасте от 18 лет в 24 субъектах Российской Федерации по многоступенчатой квотной выборке, репрезентирующей размещение населения, соотношение жителей разных типов поселений, социально-профессиональные и демографические группы людей. Опрошено 240 экспертов в тех же субъектах РФ, в качестве которых выступали представители органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудники предприятий государственной, частной и смешанной форм собственности.
- ² «Совершенствование информационной базы системы здравоохранения и медицинских услуг посредством проведения выборочных статистических наблюдений» – исследование проведено Социологическим центром РАГС в 2008 г. методом анкетирования. Опрошено 2204 человека в возрасте от 15 лет в 24 субъектах Российской Федерации по общероссийской репрезентативной выборке.

О необходимости кардинальной перестройки всего общественного сознания путем предельно широкой его экологизации говорилось еще в трудах Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, В.В. Докучаева, В.Н. Сукачёва, В.Н. Тимофеева-Ресовского, Т. де Шардена, К.Э. Циолковского, Н.Ф. Реймерса и др. Французский философ, ближайший предшественник классической социологии Шарль Монтескьё, размышляя над всеобщими законами человеческой природы, видел главную цель общества в сохранении человека и среды его обитания. Эта идея была созвучна направлению русской философии второй половины XIX в., которое мы сегодня называем русским космизмом. Как в естественно-научном течении русского космизма (Н.Г. Умов, Н.Г. Холодный, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский), так и в религиозно-философских изысканиях (Н.Ф. Фёдоров, Н.А. Бердяев и др.) обосновано целостное видение мира, разумное включение человека в Природу, в Космос.

Дифференциация экологических знаний, формирование предпосылок социальной экологии, социологии города, институциональной социологии в 20–30-х гг. XX столетия приводят к выделению экологического фактора общественной жизни в

отсутствует привычка правильно питаться, а познания о здоровой пище и рационе поверхностны. Потребителя интересуют вкусовые качества продуктов и легкость приготовления. Именно такие характеристики лежат в основе еды от предприятий быстрого питания, таким образом, становясь фаворитом у занятой и активной молодежи.

Подводя итог, можно говорить о неоднозначном, двойственном отношении российского населения к правильному питанию. Декларативно заявляя, что рациональное питание важно, придерживаются его единицы. У населения в целом формируется образ жизни, не идентифицирующийся со здоровьем, несмотря на то что по опросам важность крепкого здоровья оценивается респондентами по максимальной шкале (73,4%). В нашем обществе пока не сформирована культура здорового образа жизни, у населения отсутствует установка, привычка ежедневно заботиться о своем здоровье.

УДК 316.334.5

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

М.В. Калининкова

Саратовский государственный университет
E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

В статье современное общество рассматривается как социоприродная система, охватывающая разные сферы жизни людей. Показано, что в условиях глобального экологического кризиса компромисс между потребностью социума и возможностями биосферы может быть достигнут путем кардинальной экологической трансформации всей жизнедеятельности человека и общества. Выделены характерные черты экологизации современного общества.

Ключевые слова: ноосфера, техносфера, экологическое общество.

Social Aspects of Modern Society's Ecologization

M.V. Kalinnikova

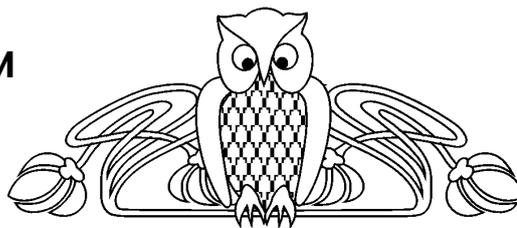
In this article modern society is considered as a social-nature's system which is enveloping different spheres of people's life. It was proved that in case of global ecology crisis compromises between people's wants and biosphere's possibilities may be found by the cardinal ecology transformation of life-activity of man and society. It was distinguished particular characters of modern society's ecologization.

Key words: noosphere, technosphere, ecology society.

Проблема экологизации общества активно обсуждается и исследуется современной наукой под влиянием глобальных изменений планетарной оболочки Земли, вызванных научно-техническим прогрессом.

Примечания

- ¹ Исследование проведено с 14 по 21 июня 2010 года. Опрошено 2400 человек в возрасте от 18 лет в 24 субъектах Российской Федерации по многоступенчатой квотной выборке, репрезентирующей размещение населения, соотношение жителей разных типов поселений, социально-профессиональные и демографические группы людей. Опрошено 240 экспертов в тех же субъектах РФ, в качестве которых выступали представители органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудники предприятий государственной, частной и смешанной форм собственности.
- ² «Совершенствование информационной базы системы здравоохранения и медицинских услуг посредством проведения выборочных статистических наблюдений» – исследование проведено Социологическим центром РАГС в 2008 г. методом анкетирования. Опрошено 2204 человека в возрасте от 15 лет в 24 субъектах Российской Федерации по общероссийской репрезентативной выборке.

О необходимости кардинальной перестройки всего общественного сознания путем предельно широкой его экологизации говорилось еще в трудах Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, В.В. Докучаева, В.Н. Сукачёва, В.Н. Тимофеева-Ресовского, Т. де Шардена, К.Э. Циолковского, Н.Ф. Реймерса и др. Французский философ, ближайший предшественник классической социологии Шарль Монтескьё, размышляя над всеобщими законами человеческой природы, видел главную цель общества в сохранении человека и среды его обитания. Эта идея была созвучна направлению русской философии второй половины XIX в., которое мы сегодня называем русским космизмом. Как в естественно-научном течении русского космизма (Н.Г. Умов, Н.Г. Холодный, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский), так и в религиозно-философских изысканиях (Н.Ф. Фёдоров, Н.А. Бердяев и др.) обосновано целостное видение мира, разумное включение человека в Природу, в Космос.

Дифференциация экологических знаний, формирование предпосылок социальной экологии, социологии города, институциональной социологии в 20–30-х гг. XX столетия приводят к выделению экологического фактора общественной жизни в

самостоятельный объект социологического знания. Американский социолог, один из основателей социальной экологии Роберт Парк разрабатывает проблему экологического порядка, устанавливает его связь с экономическим, политическим, культурным компонентами общественной жизни.

В настоящее время уровень социоэкологического знания дает возможность определить современное общество как социоприродную систему, которая охватывает сферы жизни людей, территориальные формы расселения, социальные институты и социокультурные ценности, регулирующие природные процессы и деятельность социальных общностей.

Важнейшим структурным элементом системы представляются экологические сферы жизни людей: агросфера, техносфера, ноосфера¹.

Агросфера – это преобразованная людьми природная среда, различные виды хозяйственной деятельности и сложившееся на основе земледельческой культуры жизненное пространство.

Техносфера – жизненное пространство цивилизации, возникшее под влиянием промышленной и технической революции. Существуют различные уровни техносферы:

- мир искусственных предметов, созданных для преобразования природной среды и удовлетворения непрямых потребностей человека;

- технические навыки, опыт, знания, инновационные технологии, образующие интеллектуальное ядро техносферы;

- социальные институты, технико-организационные связи, посредством которых люди создают функциональные отрасли техносферы, обеспечивают ее функционирование и развитие.

Созданная в Европе в эпоху промышленных переворотов система «машина – человек», где человек перестает быть основой технологического процесса, передавая свои трудовые функции машине, изменяет жизненное пространство цивилизации. Техносфера превращается в доминирующий фактор формирования общества индустриального типа. Техногенные факторы² образуются вследствие создания многоотраслевого промышленного производства. Концентрация отраслей тяжелого машиностроения, химического производства, топливной и других энергоемких отраслей промышленности приводит к возникновению зон экологического риска. Повышенная плотность населения в промышленных районах с многоэтажной застройкой аккумулирует неблагоприятное действие климатических, физических, химических, производственных факторов, оказывая патогенное влияние на человека, способствует повышению заболеваемости среди населения. В результате техносфера перестает быть простым проводником влияния общества на природу и образует вертикальную структуру общественной жизни, влияя на экономику, политику, культуру и сознание людей.

По мере количественного и качественного расширения системы «человек – техника – общество – природа» увеличиваются функциональные отрасли техносферы. Индустриальная техника влияет на промышленное производство и рыночную экономику. Военная техника значительно усиливает мощь государства и становится источником давления в мировой политике. Техническое оснащение научных исследований, образования, средств коммуникации способствует массовизации культуры, образования, науки. Следовательно, агросфера и техносфера образуют ранние стадии возникновения ноосферы – сферы разума.

Ноосфера – это живая оболочка Земли (биосфера), охваченная сознательной, гуманной деятельностью людей и обеспечивающая прогресс человечества. Понятие «ноосфера» неотделимо от научной картины мира, сложившейся в XX столетии. Создатели концепции ноосферы – палеонтолог Эдуард Леруа, философ-теолог Пьер Тейяр де Шарден и ученый-естествоиспытатель Владимир Иванович Вернадский – одинаково подходили к оценке человеческой истории и выделяли эту сферу в качестве особой организации разумной жизни на планете.

Ноосфера представляет собой такое единство природы и общества, в котором человек и его разум, а также деятельность являются доминирующими, становятся геологическим фактором в эволюционном процессе. Этот фактор предполагает значительное усиление разумного аспекта человеческой деятельности, ответственности за все принимаемые решения. «Человек впервые реально понял, что он житель планеты и может – должен мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но в планетном аспекте»³. Связывая дальнейшую эволюцию биосферы прежде всего с развитием человеческого общества и его производительных сил, Вернадский пишет: «Человек своим трудом и своим сознательным отношением к жизни перерабатывает земную оболочку – геологическую область жизни, биосферу. Он переводит ее в новое геологическое состояние: его трудом и сознанием биосфера переходит в ноосферу»⁴.

Однако В.И. Вернадский не раз писал о том, что совместное согласованное развитие с Природой потребует создания специальных структур, которые будут способны обеспечить это совместное согласованное развитие. По мнению В.И. Вернадского, ноосфера – это не просто общество, существующее в определенной среде, служащей пассивным поставщиком вещества и энергии, и не сама по себе отдельно взятая среда, хотя бы и подвергшаяся сильному воздействию социальной жизни. Это некое единое целое, в котором сливаются развивающееся общество и изменяемая им природа, взаимодействующие самым тесным образом.

Можно с уверенностью сказать, что здесь действуют особые закономерности, в которых сложнейшим образом переплетаются законы неживой и живой природы, законы общества и законы человеческого мышления. О наличии таких интегральных законов мало что известно и их отыскание – задача огромной трудности. Трудность усугубляется еще и тем обстоятельством, что сам объект, в котором действуют такие закономерности, формируется, можно сказать, на наших глазах и еще полностью не обрел, вероятно, всех своих отличительных специфических черт. Однако поиски этих законов имеют колоссальную не только теоретическую, но и сугубо практическую важность⁵. Таким образом, ноосфера – это целостное единство общества и природы, осознанно и целесообразно изменяемой человеком.

Качественный скачок в становлении ноосферы связан с появлением биотехносферы – экологической сферы, создаваемой людьми на основе синтеза живой природы и технических систем. Используя достижения биологических и технических, социальных наук, кибернетики и экологии, развитые страны разрабатывают модели стойких экосистем на урбанизированных и техногенных территориях.

Однако происходящее глобальное загрязнение окружающей среды, разрушение экологических систем под воздействием машинного производства никак не назовешь разумным отношением человека к природе. Преодоление глобальных и региональных кризисов в системе «общество – природа» остается важнейшей целью становления ноосферы как планетарного образования, необходимого для выживания и безопасного прогресса человеческой цивилизации.

Необходимость структурной, эколого-экономической перестройки общества впервые начала осознаваться в индустриально развитых странах, которые приступили к экономии энергии, сырья, материалов, стали использовать экологически чистые высокие технологии на базе средств информатики. И это понятно и оправданно: ведь проживающее на их территориях население составляет лишь 20% от населения земного шара, но загрязняет природную среду более чем наполовину и тратит 60% энергии, получаемой во всем мире. Экологическая проблема – это глобальная проблема, и лидеры информатизации неслучайно становятся и лидерами экологизации.

В настоящее время формируется пространство поиска новой системы ценностей, в каче-

стве которой может выступать экологическое общество, включающее в качестве стержневых ценности, способные задать русло нового канала эволюции, цивилизационного развития. Основопологающими принципами такого развития являются экологический императив и свобода личности. Механизм его реализации – устойчивое развитие, коэволюция, оптимизация взаимодействия биосферы и человека⁶.

Таким образом, характерными чертами экологизации современного общества являются следующие:

- 1) эффективное решение экологических проблем, предотвращение экологической катастрофы;
- 2) интенсивно-коэволюционные способы взаимодействия общества и природы;
- 3) выполнение экологического императива, приоритет эконотребностей и экоценностей;
- 4) высокая экологическая культура, мораль, сознание у каждого человека и социальной общности;
- 5) эффективное исследование новейших средств информации и информационных технологий для обеспечения рационального планетарного экоразвития;
- 6) существенное снижение антропогенного давления на биосферу (и на планету в целом);
- 7) высокий уровень социальной справедливости и социальной защищенности членов общества;
- 8) наиболее полное использование интеллектуального потенциала общества и его интенсивное наращивание.

Примечания

- 1 См.: Устьянцев В.Б. Пространство личности. Опыт философско-социологического исследования // Личность в пространстве России. Саратов, 2000. С. 5–18.
- 2 См.: Устьянцев В.Б. Проблемы экологического риска в развитии большого города: опыт системно-генетического анализа // Методология экологических исследований. Тематический сборник / Под ред. Л.А. Анисимова. Саратов, 1992. С. 21–22.
- 3 Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М., 1991. С. 28.
- 4 Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2004. С. 612.
- 5 См.: Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 509.
- 6 См.: Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М., 1990. 440 с.

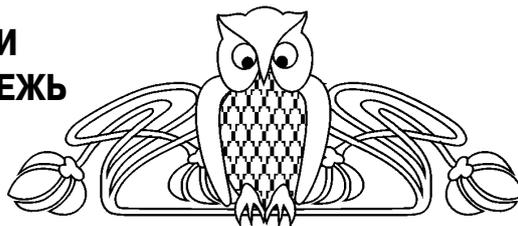

УДК 316.013

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ РЕКЛАМА: ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННУЮ МОЛОДЕЖЬ

А.А. Кошелев

Саратовский государственный университет
E-mail: Koshelev76@mail.ru

В статье затрагиваются вопросы специфики воздействия рекламы на молодежную аудиторию. В процессе исследования автором выявлены особенности отношения молодежи к телевизионной рекламе. Кроме того, результаты исследования позволили сделать выводы о роли рекламы в формировании образа жизни современной молодежи.

Ключевые слова: реклама, рекламный ролик, опрос, анализ.

TV Advertising: Features of Influence on Modern Youth

A.A. Koshelev

In the article is examined are questions of specificity of influence of advertising on a youth audience are mentioned. In the course of research by the author features of the relation of youth to TV advertising are revealed. Besides, results of research have allowed to draw conclusions on an advertising role in formation of a way of life of modern youth.

Key words: advertising, preview trailer, interrogation, analysis.

Реклама – чрезвычайно важный общественный феномен, способный влиять на все сферы жизнедеятельности социальной системы. В настоящее время в гуманитарных и социальных науках реклама представлена в двойственном статусе. С одной стороны, данная форма маркетинговых коммуникаций воспринимается как вульгарный трюк, манипулирование поведением потребителей, с другой – рассматривается как инструмент социализации личности, обеспечивающий планомерное усвоение молодым поколением ценностных норм и стереотипов, свойственных тому или иному социуму.

Для выявления особенностей восприятия телерекламы молодым поколением осенью 2008 г. было проведено социологическое исследование, организованное Центром региональных социологических исследований при СГУ им. Н.Г. Чернышевского¹.

Анализ результатов данного опроса позволил выявить следующие особенности восприятия молодой аудиторией телевизионных трансляций: до одного часа в день телевизор смотрит 41% опрошенных, от одного до трех часов в сутки просмотру телевизионных передач посвящает наибольшее количество респондентов – 45%. От четырех до шести часов телевизор смотрят 5% респондентов, а более шести часов – всего 6%. Таким образом, можно отметить, что у большинства респондентов просмотр телевидения занимает в

среднем от одного до трех часов, что является также своеобразной досуговой деятельностью молодежи.

При этом зрительский интерес к рекламным блокам является несколько противоречивым. Более половины респондентов указали, что внимание к рекламе «зависит от настроения» – 50,7%. Игнорируют рекламу, переключая каналы, 18,7% опрошенных. Выходят из комнаты, чтобы заняться какими-либо своими делами, 8,7%, смотрят от начала до конца – только 8% респондентов. 14% опрошенных затруднились ответить. Гипотетически можно предположить, что позитивное настроение молодой аудитории напрямую зависит от оригинальности и формы подачи рекламного сообщения.

Что касается проблемы «эффекта 25-го кадра», которому посвящен ряд вопросов в анкете, ответы респондентов распределились в следующем порядке. Достаточно информированы по данному вопросу 10% респондентов; 44,7% что-то слышали; слышали, но не знают об этом 20,7%; не слышали совсем 10% опрошенных. Следовательно, для большинства молодых людей «эффект 25-го кадра» – просто знакомое понятие, часто встречаемое в обыденной жизни, но не более.

В целом характеристики телевизионной аудитории отличаются массовостью, которая дифференцируется в зависимости от времени суток, дней недели и особенностей телепрограммы. Это, в свою очередь, позволяет рекламодателю четко определить нужный сегмент молодой аудитории. Так, 51,3% опрошенных указали, что чаще всего они смотрят телевизор в вечернее время, 18% – в утреннее, 12,7% – в дневное, 10% – в ночное и 8% – в послеобеденное. Таким образом, чаще всего респонденты смотрят телевизор по вечерам, после работы или учебы, возможно, чтобы отдохнуть и расслабиться. Наиболее продуктивным, как видно из ответов респондентов, является использование в рекламных целях вечернего времени.

Что касается узнаваемости рекламного слогана фирм, представленных на телевидении, то лишь 34,7% респондентов подтвердили, что иногда при просмотре рекламных блоков такое случается. 23,3% не обращали на это внимания и 42% затруднились ответить на этот вопрос. Данные результаты свидетельствуют, на наш взгляд, о низком уровне технологий производства рекламы и отсутствии оригинальных идей.

Как показал опрос, большинство молодежи (42,7%) не употребляет рекламные фразы в повседневной жизни, поскольку «как-то редко это бывает в тему и к месту». Но все же 30% молодых респондентов признались, что иногда такая ситуация возможна. То есть почти у трети опрошенных фразы из рекламных роликов переходят в активную коммуникативную форму, молодежь начинает пользоваться ими в своей повседневной жизни (наиболее популярные фразы: «Не тормози – сникерсни!», « – Айс? – Не, не айс!», «Ред Бул окрыля-я-яет!»).

При определении наиболее популярного рекламного ролика были получены следующие результаты. 13,3% респондентов указали рекламный ролик компании «Pepsi» с девушкой, которая на пляже умирает от жажды и, чтобы не наступать на горячий песок, снимает с себя по одной части одежды. 11,3% респондентов также выбрали рекламу напитка, только «Sprite». В этой рекламе девушка не знает, звонить ей парню или нет, ей все дают разные советы, она делает глоток «Sprite» и все-таки звонит ему. Рекламный ролик энергетического напитка «Red Bull» запомнился 8% респондентов. Рекламу коммуникатора с демонстрацией его возможностей и рекламу «Киндер-шоколада» указали по 4,7% респондентов. Чуть меньше опрошенных – 4,67% – выбрали рекламу сотовой компании МТС. Реклама «Эльдорадо» с резидентом «Комеди-клуб» запомнилась 4% респондентов; 3,3% выбрали новую рекламу «Макдоналдс». 2,7% респондентов запомнили серию рекламных роликов «Орбит» с «с синеволобой девушкой», по 2% опрошенных указали рекламу жевательной резинки «Стиморол айс», пива «Три медведя», рекламу автомобилей «Хонда Аккорд» и «Лексус», 13% респондентов указали в качестве наиболее запомнившейся рекламу Дня города по местному телевидению.

Анализ результатов исследования позволил выявить эмоциональный фон респондентов в момент просмотра телевизионных передач². Большинство из них отметило, что во время просмотра телерекламы чаще всего возникают такие противоположные чувства, как интерес (41,4%) и безразличие (23,1%). Многие указывали, что все зависит от того, какая реклама. Если она профессиональная, «цепляет», то вызывает искренний интерес. Если же это обычная реклама, каких много, ничем не привлекающая внимание, тогда превалирует такое чувство, как безразличие. 10,2% респондентов реклама раздражает, 9,7% – злит. 15,6% опрошенных затруднились ответить на этот вопрос.

Наиболее привлекательными, по мнению респондентов, оказались эстетические и музыкальные рекламные ролики – 24,6% и 24,3% соответственно. Современная молодежь любит и ценит красоту, поэтому эстетические и музыкальные рекламные ролики оказались ближе, чем художественные (16%), мультипликационные и

спортивные, которым респонденты отдали по 9,9% голосов. Сюжетные и проблемные ролики указали в качестве наиболее привлекательных 8% и 1,6% респондентов соответственно. Скорее всего, подобная картина связана с тем, что молодежь устала от разного рода сериалов, которые в последнее время насытили телеэфир ведущих компаний. При этом, по мнению большинства экспертов в области телерекламы, процент запоминаемости именно сюжетных рекламных роликов достаточно велик³. 5,8% опрошенных затруднились указать свои предпочтения. Полученные результаты продемонстрировали противоречие: респонденты в этом вопросе наиболее привлекательными считают эстетические и музыкальные рекламные ролики, а наиболее запоминаются и употребляются в повседневной жизни фразы из игровых, шуточных сценариев. Это еще раз подчеркивает склонность молодежи к оригинальным, нестандартным ходам, что, собственно, свойственно данному возрастному периоду.

Оценка эффективности рекламных роликов выявлялась посредством анализа результатов ответов на моделирование в анкете ситуации, когда респондентам предлагалось определиться с выбором рекламируемого товара. Наиболее разрекламированный товар предпочитают 22,7% молодежи. Товар, который стоит дешевле, предпочли бы купить 18,7% респондентов, более дорогой – 13,3% (видимо, опираясь на стереотип «чем выше цена, тем выше качество»). Товар, упаковка которого выделяется цветом, материалом, рисунками, предпочли выбрать 8% из числа опрошенных. Совершенно незнакомый товар предпочитают выбрать 1,3% респондентов. Полученные данные свидетельствуют о повышении уровня интереса молодежи к рекламной информации, которая становится важной составляющей жизнедеятельности человека в рыночных условиях. Положительное отношение к рекламе, на наш взгляд, также обеспечивает динамичное развитие конкуренции, что вынуждает производителя больше внимания уделять качественным характеристикам товара. «Как только потребитель, – пишет Дж. Хэмилтон, – осознает, что у него есть выбор, производитель вынужден поднять свои стандарты, чтобы конкурировать за деньги покупателей»⁴. Поэтому неслучайно большинство респондентов считает, что характеристики товара в настоящий период соответствуют рекламным обещаниям и утверждениям.

Значительный интерес вызывают результаты прогнозов респондентов относительно последствий дальнейшего развития рекламных технологий. Более половины респондентов (53%) указали, что в дальнейшем развитие рекламы может привести к расширению кругозора потребителей рекламы; 30,8% отметили, что это будет способствовать улучшению состояния экономики. 8,1% опрошенных считают, что развитие рекламных технологий – это дополнительный источник дохо-

да для государства, 6,5% посчитали, что развитие рекламных технологий неизбежно приведет к падению культуры, а 1,6% считают, что это приведет к деградации человека.

Таким образом, большинство респондентов настроено все же оптимистично – больше половины ответов пришлось на вариант «расширение кругозора потребителей рекламы». Безусловно, не может не радовать то, что у респондентов, как отмечено, постепенно пропадает явно негативный настрой по отношению к рекламе как социальному явлению. Именно с развитием новых технологий, креативных ходов и решений реклама стала восприниматься потенциальным потребителем несколько лояльнее.

Несомненно, ключевым аргументом дальнейшего положительного отношения к рекламе будет являться повышение качественных характеристик ее производства. Наиболее привлекательными сторонами рекламных роликов респондентами назывались красота (10,5%), оригинальный сценарий (9,9%) и хорошая музыка (9,2%). Далее следуют такие качества, как сексуальная символика и эротика (7,6%), доброта, позитивное отношение к животным (по 7,5%), юмор и положительное отношение к детям (по 7,4%), освещение проблем окружающей среды (7,2%), приятный голос героев ролика (6,5%), уважительное отношение к людям старшего возраста (6,2%), возможность получить новую информацию (5,1%). Употребление молодежного сленга привлекает лишь 2,8% из числа опрошенных⁵. Следовательно, можно утверждать, что молодежь сегодня уделяет большое внимание эстетичности – красоте, качеству выполнения и оригинальному музыкальному сопровождению.

Среди отрицательных характеристик современной рекламы респонденты отмечали неправдоподобность ситуаций (9,1%), глупый сюжет (8,7%) и неприятный голос героев; так ответили 8,6% опрошенных. Далее респонденты указывали несоответствующую их вкусам музыку (8,3%), использование в рекламе тематики конфликта (8,2%), хамство и эгоизм (по 7,7%), неприятных персонажей (7,6%), неграмотный текст, фразы (7,5%), сексуальную символика и эротика (7,2%), употребление молодежного сленга (6,8%), плохую игру актеров (6,6%) и негативное отношение к людям старшего возраста (5,9%). Как показывают результаты исследования, некоторые качества, которые нравятся респондентам в телерекламе, одновременно вызывают и негативные эмоции.

В то же время следует отметить возрастающий уровень доверия молодого поколения к рекламным сообщениям. Полностью доверяют телерекламе 10,7% респондентов; доверяют, но частично 56%; не доверяют совсем 10,7% и 22,7% опрошенных затруднились ответить. Несмотря на выявленный рост интереса к рекламной информации, уровень доверия к ней со стороны молодых людей остается неоднозначным. Большинство

респондентов предпочитает вести себя более осторожно, тщательно продумывая свой выбор.

Подводя итог, необходимо отметить положительную динамику в отношении молодежи к феномену рекламы как способу формирования потребительского спроса на товары либо услуги. На наш взгляд, это связано с повышением качественных характеристик современной рекламы, которая не только оказывает влияние на потребительское поведение, но и формирует определенный стиль взаимодействия субъектов в обыденной жизни (30% опрошенных используют фразы из рекламных роликов при общении между собой). Привлекательность рекламных роликов обеспечивается не простыми, примитивными приемами, а посредством использования нестандартных методов (например, ролики-игры с элементами юмора или флирта). Также в качестве наиболее запомнившихся указывались фразы из динамичных, грамотно спроектированных рекламных роликов о спортивной одежде, технических новинках.

Тем не менее большинство респондентов во время просмотра телерекламы чаще испытывает такие противоречивые чувства, как интерес (41,4%) и безразличие (23,1%). Многие указывают, что все зависит от технической стороны рекламного ролика. Если он достаточно качественно сделан, имеет оригинальный сценарий, то такая реклама вызывает у респондентов интерес. Если же это обычная реклама, ничем не привлекающая внимание, тогда превалирует такое чувство как безразличие. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что респонденты учитывают информацию, полученную из рекламных роликов (наиболее «разрекламированный» товар предпочитают 22,7% опрошенных). Что касается уровня соответствия товара рекламе, то здесь респонденты указали, что приобретенный товар соответствует тому, что повествует о нем реклама, но не по всем характеристикам.

Конструктивные оценки последствий развития рекламы преобладают над деструктивными, то есть большинство респондентов фиксирует значимость рекламы для современного общества. Что касается положительных характеристик в современной рекламе, то здесь преобладают такие показатели, как красота (10,5%), технология (9,9%) и хорошая музыка (9,2%). Иными словами, современное молодое поколение обращает внимание на красоту и эстетику в противовес рационализму и прагматизму. Отрицательные эмоции по-прежнему вызывают нереальность ситуаций (9,1%), глупый сюжет (8,7%) и неприятный голос героев (8,6% опрошенных).

Таким образом, реклама становится одним из основных элементов маркетинга, обеспечивающих превосходство субъектов рынка в процессе острой конкурентной борьбы. Постепенно уходит в прошлое негативное отношение к рекламе, и все чаще данный социальный феномен воспринимается как инструмент конструирования цивили-

зованных отношений в системах, где приоритет отдается рыночным механизмам взаимодействия. Особенно заметна данная тенденция среди молодежи, что, несомненно, положительно, ведь данная социально-демографическая группа наиболее адаптирована к инновациям и преобразованиям на пути к построению цивилизованных способов коммерческой и иной деятельности.

Примечания

¹ Социологическое исследование «Особенности социально-психологического воздействия телерекламы на молодежь» проводилось методом формализован-

ного интервью. В результате бесповторной квотной стратифицированной выборки было опрошено 400 респондентов по Саратовской области в возрасте от 14 до 30 лет.

² Итоговое значение в данном вопросе превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

³ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politech.ru/124404> (дата обращения: 16.11.08).

⁴ Хэлтион Дж. Маркетинговые исследования // Социс. 1994. № 5. С.73.

⁵ Итоговое значение в данном вопросе превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

УДК [316.74:2+315.74:37] (470+571)

ПРАВОСЛАВИЕ НА ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.Г. Сабаев

Саратовский государственный университет
E-mail: Bratevgeny@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты православия, его традиционные духовно-мировоззренческие идеи, религиозно влияющие через одухотворенность общественного самосознания на общество и в конечном итоге способствующие выведению его из идеологического кризиса.

Ключевые слова: православие, самосознание, идеология.

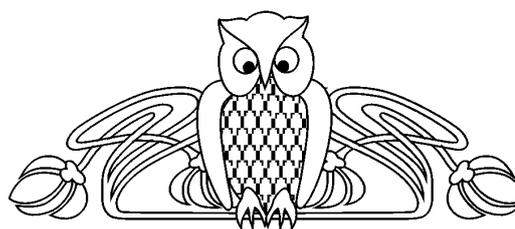
Christianity Overcoming the Ideological Crisis in Modern Society

E.G. Sabaev

Some aspects of Christianity, its traditional spiritual ideas and views (which influence the society through the inspiration of social self-consciousness and finally prevent it from the ideological crisis) are analyzed.

Key words: Christianity, self-consciousness, ideology.

Сегодня Россия переживает кризис во всех его проявлениях – политических, общественно-социальных, экономических, исторических и т.д. И чем дальше затягивается этот процесс, чем больше политических иллюзий о «возрождении России» уходит в небытие, тем более глубоким становится данное осознание. Кризис не носит только внешний, экономический или политический характер, но простирается в самые глубокие внутренние сферы российской действительности, включая традиционные формы национальной идеологии, самосознание и национальную идентичность. Реализм истории со всей очевидностью обнажил тотальность нашего национально-государственного и культурно-идеологического распада.

Некоторые политические силы, средства массовой информации до настоящего времени усматривают в этом процессе последствия деструктивного семидесятилетнего коммунистического правления, якобы виновного в разрушении национального бытия и самого архетипа русского народа. Но это объяснение слишком поверхностно и иллюзорно. Реальный же анализ требует осознать данное явление как глубокий цивилизационный кризис всей исторической России, пришедшей на исходе прошлого века к необходимости новой государственно-исторической самоидентификации. Только при таком понимании найдет свое объяснение неэффективность всех без исключения традиционных рецептов национального возрождения. Нужен новый масштаб преобразования во всех социальных сферах и переход в качественно новую форму исторического существования. Возможен ли такой переход? В реальной истории ответ необходимо сформулировать на значительно более предметном уровне – в форме идеологии. Эта задача и является самым принципиальным национальным вопросом нашего времени.

Нынешний идеологический кризис можно рассматривать как борьбу тех или иных традиционных идеологий, а также как время подведения общих идеологических итогов. «Не самый кризис оказывает то благотворное влияние, – замечает Э. Дюркгейм, – которое мы только что установили, но социальная борьба, которая этот кризис создает. Так как борьба эта заставляет людей сближаться между собой перед лицом общей

зованных отношений в системах, где приоритет отдается рыночным механизмам взаимодействия. Особенно заметна данная тенденция среди молодежи, что, несомненно, положительно, ведь данная социально-демографическая группа наиболее адаптирована к инновациям и преобразованиям на пути к построению цивилизованных способов коммерческой и иной деятельности.

Примечания

¹ Социологическое исследование «Особенности социально-психологического воздействия телерекламы на молодежь» проводилось методом формализован-

ного интервью. В результате бесповторной квотной стратифицированной выборки было опрошено 400 респондентов по Саратовской области в возрасте от 14 до 30 лет.

² Итоговое значение в данном вопросе превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

³ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politech.ru/124404> (дата обращения: 16.11.08).

⁴ Хэлтион Дж. Маркетинговые исследования // Социс. 1994. № 5. С.73.

⁵ Итоговое значение в данном вопросе превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

УДК [316.74:2+315.74:37] (470+571)

ПРАВОСЛАВИЕ НА ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.Г. Сабаев

Саратовский государственный университет
E-mail: Bratevgeny@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты православия, его традиционные духовно-мировоззренческие идеи, религиозно влияющие через одухотворенность общественного самосознания на общество и в конечном итоге способствующие выведению его из идеологического кризиса.

Ключевые слова: православие, самосознание, идеология.

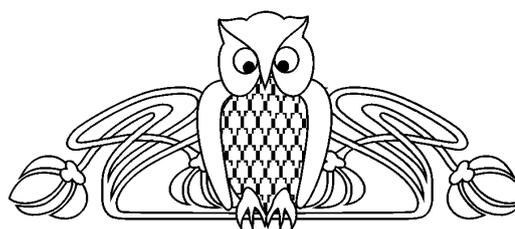
Christianity Overcoming the Ideological Crisis in Modern Society

E.G. Sabaev

Some aspects of Christianity, its traditional spiritual ideas and views (which influence the society through the inspiration of social self-consciousness and finally prevent it from the ideological crisis) are analyzed.

Key words: Christianity, self-consciousness, ideology.

Сегодня Россия переживает кризис во всех его проявлениях – политических, общественно-социальных, экономических, исторических и т.д. И чем дальше затягивается этот процесс, чем больше политических иллюзий о «возрождении России» уходит в небытие, тем более глубоким становится данное осознание. Кризис не носит только внешний, экономический или политический характер, но простирается в самые глубокие внутренние сферы российской действительности, включая традиционные формы национальной идеологии, самосознание и национальную идентичность. Реализм истории со всей очевидностью обнажил тотальность нашего национально-государственного и культурно-идеологического распада.

Некоторые политические силы, средства массовой информации до настоящего времени усматривают в этом процессе последствия деструктивного семидесятилетнего коммунистического правления, якобы виновного в разрушении национального бытия и самого архетипа русского народа. Но это объяснение слишком поверхностно и иллюзорно. Реальный же анализ требует осознать данное явление как глубокий цивилизационный кризис всей исторической России, пришедшей на исходе прошлого века к необходимости новой государственно-исторической самоидентификации. Только при таком понимании найдет свое объяснение неэффективность всех без исключения традиционных рецептов национального возрождения. Нужен новый масштаб преобразования во всех социальных сферах и переход в качественно новую форму исторического существования. Возможен ли такой переход? В реальной истории ответ необходимо сформулировать на значительно более предметном уровне – в форме идеологии. Эта задача и является самым принципиальным национальным вопросом нашего времени.

Нынешний идеологический кризис можно рассматривать как борьбу тех или иных традиционных идеологий, а также как время подведения общих идеологических итогов. «Не самый кризис оказывает то благотворное влияние, – замечает Э. Дюркгейм, – которое мы только что установили, но социальная борьба, которая этот кризис создает. Так как борьба эта заставляет людей сближаться между собой перед лицом общей

опасности, отдельные лица начинают меньше думать о себе, больше об общем деле»¹. Поэтому задача истинного идеологического самоопределения общества, обретения фундаментальности национального бытия остается поистине жизненно важной.

Идеология в эпоху информационных войн становится важнейшим стратегическим достоянием, главным онтологическим рубежом национальной обороны. Это новый и значительно более продуктивный ракурс, выводящий идеологическую проблематику в конструктивное русло – не выбор между тем или этим, а полное переосмысление национальной истории за весь ее тысячелетний период. Нам нужна новая национальная идея как единственная онтологически надежная опора, которая должна уцелеть под обломками рухнувших идеологических конструкций. Вместе с тем национальная идея метафизична по своей природе, поиск ее есть духовный процесс, так как нынешний идеологический кризис есть кризис мировоззренческий, связанный с задачей нового духовного самоопределения национального самосознания. Попытки форсировать его, выдвигая в качестве базы нового государственного строительства уже отработанные традиционные идеологические формы, не могут что-либо изменить в состоянии общественного сознания. Однако Д. Гэлбрейт замечает: «Если общественное самосознание достигнет определенного уровня и будет признано существование естественного различия между целями планирующей системы и целями общества, то меры, направленные на размежевание, будут носить не только не исключительный, а совершенно нормальный характер»².

Дополнительную остроту ситуации придает и само историческое время, которое не стоит на месте и не может ждать, когда мы соберемся с мыслями. На неокрепшее, растерянное национальное самосознание льется постоянный «поток» западных мировоззренческих ценностей и соответствующих идеологических формул. Это объективный процесс, который также требует национально-мировоззренческого выбора. Совместимы ли эти ценности с национальным архетипом, с традиционными нравственными приоритетами, христианскими по своему звучанию православной России, с западным вариантом по типу собственнического индивидуализма? Выбрать ли богатство или примирить эти вещи и уподобиться христианской аксиоме о трудности «богату войти в Царство Божие»? Жизнь – логически организованное, внутренне дифференцированное, систематизированное построение. Это самое сложное живое образование, охватывающее весь объем бытия. Но бесконечная череда мелких будничных дел и забот, безостановочная погоня за удовольствиями и преходящими жизненными благами угнетает личность, лишает ее свободы, уводит от главной духовной идеи.

Стремительное развитие средств массовой информации, дающее возможность целенаправленно манипулировать общественным сознанием, позволяет использовать их как идеологический наркотик, лишаящий людей понятия о политических реалиях окружающего мира. Общество, находящееся под наркозом средств массовой информации, утрачивает инстинкт самосохранения, теряет государственный, религиозный, культурный иммунитет, становится слепым и беспомощным перед лицом грозящей ему опасности. Нынешний противник в общем-то нематериален, и битва идет в невидимой области духа. Именно здесь мы должны собрать свое духовно-национальное ополчение и именно здесь, в невидимой области духа, мы должны в первую очередь победить, ибо все нравственно-ценностные и социально-религиозные опоры традиционных национальных представлений брошены в машину идеологической переработки – понимание истории, отношение к государству, культура, воспитание, этика, отношение к труду, гражданскому долгу и т.д. Очевидно, что этим невидимым силам поставлена задача все оставшиеся островки традиционного русского мировоззрения и гражданского самосознания превратить в пыль.

Ясно, что единственным противодействием данному губительному вмешательству в святая святых национальной жизни должна стать сознательная консолидация общества на национально-консервативных мировоззренческих началах с преобразованием этой тенденции в полноценную национально-государственную идеологию. Здесь необходим интеллект одухотворенный, укорененный в национальной духовной традиции, всецело определяемой православием. Но именно одухотворенная научно-образовательная сфера, органы власти и другая интеллигенция как интеллектуальная совесть нации должны встать в первых рядах защитников Отечества, образовать на себе новое народно-идеологическое построение, способное на духовно-мировоззренческом уровне объединить, сплотить и в конечном счете возродить наше общество.

Реальный путь к национальному возрождению на основе качественного преображения общественного бытия и переосмысления сегодняшних идеологических реалий в контексте стратегической динамики национальной идеи необходимо начать, во-первых, с преемственности. Это должно быть традиционно народное мировоззрение и самосознание, значит, истинная духовно-нравственная идеология должна быть онтологически и исторически укорененной в национальном бытии, являться непосредственным проявлением национальной идеи в эмпирическом плане национальной жизни. «Подобная онтологическая преемственность национальной идеологии, – замечает В.И. Добренков, – подразумевает наличие в ней духовной глубины (или одухотворенности) как безусловной органической

приверженности идеологии к национальной религиозной традиции. Вне этого критерия идеология мертва и губительна для национальной жизни. При этом преемственность национальной идеологии может пониматься и как ее консервативность, т.е. опора на традиционную систему ценностей, предопределяющих подлинную эволюционность и идентичность национально-исторического развития»³.

Во-вторых, истинная национальная идеология должна быть исторически адекватной, соответствовать времени и месту реальной истории. Она должна быть практически убедительной – иметь политические формы, адекватные времени исторической эпохи и месту нации в геополитическом окружении. Так, Р. Арон, вспоминая о родоначальнике позитивизма, пишет: «В контексте условий своего времени Конт, проанализировав общество, в котором живет, делает вывод: основным условием общественной реформы служит реформа интеллектуальная. Случайности революции или насилия не обеспечивают перестройки общества, переживающего кризис. Для этого необходим синтез наук и формирование позитивной политики»⁴. Идеальное начало идеологии должно быть до конца конвертировано в реальные формы политической практики, соответствующие уровню политического, экономического и культурного развития общества. Это означает адекватность ответа национального самосознания на вызовы реальной истории.

В-третьих, главное свойство истинной идеологии должно заключаться в ее патриотизме как безусловном утверждении приоритетов самобытного и независимого национально-государственного бытия перед лицом истории. Патриотизм как всеохватывающее чувство любви к Родине включает в себя весь спектр критериев истинности идеологии – онтологических, духовных и конкретно-исторических. Он предельно близок живому национальному бытию и в своих идеологических предпочтениях всегда конкретен – это важнейший показатель актуальности национальной идеологии. «Сегодня выживание России и русского народа, – пишет митрополит Иоанн, – зависит от того, как скоро смогут православные, национально-патриотические силы сформулировать и представить обществу четкую, ясную, осмысленную идеологию русского возрождения – поддержанную конкретной, практической,

положительной программой, включающую в себя все важнейшие области человеческого бытия от религии до экономики, опирающуюся на многовековой исторический опыт народа»⁵. Актуализация идеологического потенциала православия способна кардинально преобразить русский патриотизм, придав ему единый позитивно-исторический облик как осмысленную устремленность к будущему.

Если понять до конца эти формы, их онтологическую, методологическую и историческую логику в контексте национального самосознания, то можно прийти к вполне позитивным выводам. «Будучи проявлением последних, – отмечает П.А. Сорокин, – верования, облагораживая эти чувства, инстинкты, аппетиты, покрывая их пудрой благородных слов, в свою очередь влияют, усиливают их, дают им святость и благородство. Не приходится поэтому удивляться тому, что их влияние на поведение людей и ход истории сказывается весьма ясно»⁶. Православие в этом контексте в своем предельном значении оказывается мировоззренческим полюсом национального самосознания или проекцией Русской идеи в ее земном и небесном отражении. Это есть главная социально-религиозная предпосылка для фундаментального обоснования необходимости новой национальной идеологии, способной преодолеть все противоречия внутри национального самосознания и вывести Россию из идеологического, экономического, политического кризиса, довести в справедливом социальном устройстве общество до логического завершения – его духовно-нравственного преобразования и религиозно-мировоззренческого преображения.

Примечания

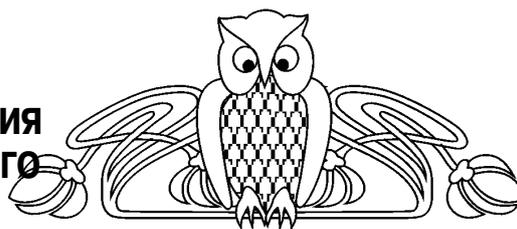
- ¹ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994. Гл.3. С. 274.
- ² Гэлбрейт Д. Экономические теории и цели общества. М., 1979. С. 274.
- ³ Добренков В.И. России необходима национальная идеология//Социология. 2006. № 3/4. С. 13.
- ⁴ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 87.
- ⁵ Снычев И. митрополит. Одоление смуты. СПб., 1995. С. 118.
- ⁶ Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии.

М., 1994. С. 151.

УДК 316.334:37

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

Е.В. Песегова

Поволжская академия государственной службы
E-mail: c_pesegova@mail.ru

Статья посвящена научной рефлексии проблемы социализации детей и молодежи в контексте социокультурной безопасности российского общества. Автор ориентирован на выявление повседневных контекстов общественного воспитания.

Ключевые слова: теоретико-методологические стратегии, социология повседневности, общественное воспитание, социализация.

Theoretical and Methodological and Applied Research Strategies of Social Upbringing and Education Daily Practice

E.V. Pesegova

The article is devoted to scientific reflection problem is children and youth socialization in the context of Russian society safety. The author is oriented toward revelation of social education daily contexts.

Key words: theoretical and methodological strategies, daily sociology, social education, socialization.

Проблематика социального негатива, последовавшего за радикальным преобразованием основания российской локальной цивилизации последнего десятилетия XX в., стала общим местом множества научных, публицистических и художественных произведений современности. Вопрос о безопасном будущем России сегодня, в истекающем первом десятилетии XXI в., – это не просто предмет научного интереса, но проблема гражданского общества. Более того, в России, как и в мире в целом, формируется особый тип общества, в котором риски и угрозы становятся социогенным фактором существования людей.

Взаимозависимость человека и общества, проблема справедливости и смысла жизни, пронизывающая отечественную социальную мысль в общем и социологию в частности, имеют давнюю традицию. Зависимость развития социологии в России от других отраслей обществознания, религии и художественного творчества, массового сознания, от практики социальной жизни можно проследить на любом социальном феномене. Именно это обстоятельство, по всей видимости, традиционно обеспечивает российскую социологию оригинальными идеями и концепциями, влияющими на российское социогуманитарное знание.

На современном этапе существования социологической науки явственно проявляется тенденция к умножению теорий среднего уровня. «Отраслевой» характер исследований свидетельствует прежде всего о бурно растущем интересе не только к изучению общества как целостного организма, включающего основные макросоциологические структуры, но и к исследованию различных их элементов, то есть явлений экономической, социальной, политической, духовной сфер жизни. Общество стремится познать механизмы и тенденции собственного развития и обращается с этой целью к науке, выдвигая требование о конкретном анализе локальных социальных явлений и процессов.

Реагируя на соответствующие общественные потребности, социологическая наука в рамках отраслевой социологии реализует имеющийся у нее существенный ресурс, обращая особое внимание на специальное и углубленное изучение отдельных сфер, явлений и процессов. Этот научный интерес приводит и к более глубокому познанию общества, его конкретных практик с целью их совершенствования, и к развитию самого социологического знания, которое все более дифференцируется.

Любая отрасль социологического знания имеет свой предмет и объект исследования и представляет собой специальную систему знаний с установившимся категориальным аппаратом, операциональными дефинициями, специфическими методами теоретического и эмпирического исследования, принципами взаимосвязи с другими, смежными отраслями науки. В структуре отрасли социологии должно быть представлено и теоретическое, и эмпирическое, и прикладное знание.

При анализе проблематики социокультурной безопасности, социологии образования, социологии семьи и институциональных форм воспитания очевидной становится область, составляющая проблемное поле социализации посредством такого явления, как культура воспитания и образования и константных базовых ценностей. Россия на протяжении всей своей истории формировалась как государство, соприкасающееся с локальными социокультурными цивилизационными пространствами, находящимися на разных стадиях экономического и политического развития. Поэтому вопрос соотношения базовых ценностей отечественной культуры и унифицированного ев-

ропейского образовательного проекта диктует проведение разумной, взвешенной и стабилизирующей государственной политики в сфере образования, а также мобилизации профессионального сообщества на теоретико-методологические исследования глобальных, социетальных, духовных рисков и возможных способов их упреждения и/или ослабления. Феномен социализации, на наш взгляд, должен анализироваться не только в парадигме теорий среднего уровня, но и на уровне эстетической и нравственной компоненты, и что особенно важно, на микроуровне – уровне повседневности.

Повседневность рассматривается в разной интерпретации, но особое внимание, полагаем, должно уделяться моменту понимания того, что «повседневность» сложно поддается рефлексии. Повседневные социальные феномены – данность, представляющая как видимая, но не замечаемая на уровне обыденного сознания. Понятно, что человек в любой момент его повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, то есть в определенной им самим физической и социокультурной среде, в которой он занимает свою позицию. Это не только позиция в физическом пространстве и внешнем времени, не только статус и роль в рамках социальной системы – это также моральная и идеологическая позиция.

Мы убеждены, что современный российский социум сохранил некоторые базовые ценности, характерные для граждан страны на протяжении всего прошедшего XX в. Более того, по данным исследований РНИС и НП, во всех поколенческих группах и когортах, кроме самой первой (от 16 до 24 лет), число людей, отдающих предпочтение советским ценностям и нормам, является явно доминирующим. И самое главное, исследователи констатируют, что после 1998 г. сглаживается разрыв в позициях и ценностях между старшими и молодыми поколениями: вырастить «поколение пепси» и создать его руками «новую страну» – затея изначально утопическая, и следовательно, она успеха не имела. Поэтому авторы делают вывод достаточно определенный, что в ближайшие десять лет «советская тональность сознания россиян сохранится и будет в значительной степени определять характер их самоидентификации»¹.

Дополнительной иллюстрацией к сказанному являются результаты фокус-групп со студентами Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина, выбравшими своей будущей специальностью работу с молодежью². Респонденты единодушно во мнении, что портрет современных подростков в основной своей массе – как бездельно слоняющихся и склонных к девиациям: «бесполезно проводят время, лежат на диване, смотрят телевизор»; «матерятся»; «пьют, курят»; «им ничего не интересно».

Понятно, что участники фокус-групп строят свои представления о современных подростках не

столько на основе непосредственных контактов с ними, сколько исходя из различных социальных стереотипов. Справедливости ради отметим, что о своих младших родственниках, знакомых подростках и о «детях своего круга» опрашиваемые высказываются не столь критично.

Большинство участников фокус-группы считает, что в детской среде перечисленные «пороки» распространены в основном из-за того, что сейчас в стране плохо развита система социализации подрастающего поколения, мало детских организаций наподобие пионерской, секций, кружков внешкольного досуга и прочее: «будет финансироваться организация детского досуга, дети не будут употреблять те же наркотики, не будут сами как-то добывать деньги противозаконными путями»; «им, бедным, заняться нечем»; «все предоставлено не себе, родителям некогда, государство не хочет»; «их досуг не организован ни взрослыми, ни государством»; «дети и подростки не могут заниматься спортом, ходить в театры и кино, словом, организовано проводить свой досуг, не только из-за отсутствия соответствующих организаций, но и по причине того, что финансовые возможности их родителей ограничены»; «даже бесплатные кружки и секции все равно требуют от родителей дополнительных финансовых вложений, что далеко не каждый может себе позволить»; «посещение бесплатное, а атрибутика, если фигурное катание – коньки, еще что-то, если борьба – кимоно и т. д., то есть все равно капитальные вложения нужны в любые занятия».

Участники фокус-групп были единодушны во мнении, что на государстве лежит обязанность обеспечить людям такой уровень жизни, чтобы они были в состоянии оплатить услуги подобных организаций, в том числе и негосударственных. Неудивительно, что при столь высокой степени неудовлетворенности современными социальными институтами, ответственными за социализацию подрастающего поколения, участники фокус-групп испытывают «ностальгию со слов старших» по соответствующим институтам советского прошлого.

Полагаем, что такой высокий уровень поддержки идеи возрождения советской системы общественного воспитания обусловлен не столько стремлением к реставрации советского прошлого, сколько существующей в нынешнем российском обществе острой потребностью в общедоступных структурах, организующих досуг не только подрастающего поколения, но представителей разных возрастных категорий.

Рассматривая теоретико-методологические основания и используя различные стратегии исследования как феномена социализации, так и проблем, связанных с эстетикой и идеологией общественного воспитания, мы оказались в двойной зависимости от научной рефлексии социологического интеллектуального пространства и мира повседневных общественных практик.

Чтобы свести воедино эти различные знания, следует, на наш взгляд, анализировать не отдельные виды общественных повседневных воспитательных практик в отрыве от общей совокупности, а пространство всех проявлений общественного воспитания как систему, каждый элемент которой получает свое значение.

Необходимо, по нашему мнению, установить связь пространства общественного воспитания с отображающимся в нем социальным пространством, чтобы избежать ошибок, связанных с установлением прямой связи, которую подсказывает обыденная интуиция, между проблематикой относительной бедности и социальными девиациями, присущими только одной или нескольким социальным группам, например мигрантам. Становится очевидным складывающееся сегодня особое отношение между флешмобом, «качалками», «эмо-плачем» и средним классом, стремящимся к черте бедности, или дайвингом и тому подобных – с экономической, политической и прочими элитами российского общества.

Социологическое видение проблемы позволяет выявить социально существенные свойства для установления родства между отдельными практиками общественного воспитания и интересами, вкусами, предпочтениями определенной социальной категории. Элементы, детерминирующие систему предпочтений, часто ассоциируются с социальной позицией, с первоначальным опытом социального мира и агентами первичной социализации.

Пространство разнообразных практик общественного воспитания – не замкнутый в себе мир. Оно включено и в мир всех уровней образовательных практик, и в мир потребления, в свою очередь, структурированный и конституированный в систему. Имеются все основания рассматривать проявление практик общественного воспитания как относительно автономное пространство, но не следует забывать, что оно является местом сил, приложимых не только к нему одному, то есть нельзя изучать феномен какого-либо общественного потребления независимо от досугового потребления, спроса на образовательные услуги в целом.

Например, досугово-воспитательные практики, регистрируемые статистическим анкетным опросом, могут быть описаны как результирующие отношения между спросом и предложением, точнее, между пространством предлагаемых в данный момент продуктов и пространством склонностей (ассоциирующихся с занимаемой позицией в социальном пространстве и способных отображаться в другом потреблении в связи с другим пространством предложения).

Дифференцированное распределение общественных воспитательных практик является результатом установления связи между двумя гомологичными пространствами – пространством возможных практик (предложением) и простран-

ством склонности к определенной практике (повседневным спросом).

Изучение повседневности, как уже отмечалось, сложно оснащено в методологическом отношении, так как невозможно обойти ни дисциплинарные порядки, ни «душевные структуры». Именно благодаря обращению к повседневности социология обретает действенные инструменты анализа, способность к пониманию и объяснению социальной реальности, оказывается востребованной для экспертизы и терапии не только институционализированных социальных связей и процессов, но и индивидуальных человеческих проблем.

Поведение, нормы, ценности тех или иных социально-статусных групп в лучшем случае представляются необычными для посторонних наблюдателей. Но эти «странности» могут говорить о важных моментах жизнедеятельности общества, его глубинных аксиологических процессах. Повседневная жизнь – область микросоциологии, связанная с анализом практик, взаимодействия и культурной организации повседневной жизни, в ходе которого подвергаются критике анонимность, отчужденность и отдаленность от индивида формальных макроинститутов.

Теоретико-методологические стратегии исследования общественного воспитания и образования, на наш взгляд, должны включать в себя самые широкие традиции отечественной интеллектуальной практики. Русская дореволюционная социологическая мысль, не отрицая потребности в объективных методах, впервые подвергла это положение критике и полагала, что этого не достаточно.

Обоснование необходимости применения субъективного метода представлено в школе русской субъективной социологии П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и Н.И. Кареева. Использование субъективного метода в социологии обосновывалось следующим образом: основная единица общества – не класс, группа или коллектив, а личность³.

На социальную деятельность личности влияют субъективные помыслы и цели, а не разные внешние факторы. Данные субъективные помыслы и цели не познаваемы объективными методами. Субъект познания (социолог) может изучать личность только используя принцип «сопереживания», когда, по словам Михайловского, наблюдатель ставит себя в положение наблюдаемого. Он должен дополнить свой личный опыт сочувственным опытом, то есть переживанием чужой жизни как своей, поставить себя на место другого. Михайловский писал: «...Мыслящий субъект только в таком случае может дойти до истины, когда вполне сольется с мыслимым объектом и ни на минуту не различится с ним, т.е. войдет в его интересы, переживет его жизнь, перемыслит его мысль, перечувствует его чувство, перестрадает его страдание, переплачет его слезами»⁴.

Среди современных концепций выделяется концепция габитуса П. Бурдьё, который предложил данное понятие для характеристики мира повседневности как системы определенных практик, выражающих основные предпочтения и вкусы в отношении предметов, ценностей и людей. Габитус определяет реакцию на реальность, организуя наши предпочтения в систему различий, структурирующих социальную реальность, и предстает как культурная организация повседневных практик, включающих вкус и эмоции⁵.

Социология повседневности занимается субъективным аспектом реальной практики отношений, которые количественная социология рассматривает как взаимодействие структур, социальных институтов и организаций (например, социализации и системы образования как социальных институтов: каковы их функции и отношения между ними в данном обществе). Из сказанного, однако, не следует, что социология повседневности совершенно чужда «большим теориям» или «большим нарративам». Плодотворной в теоретико-методологическом плане представляется научная позиция новейшей французской социологии повседневности, в частности идея инверсионной интерпретации повседневности М. Маффесоли⁶.

Исторический опыт свидетельствует, что в русской культуре воспитание и образование (высшая школа как сегмент этого феномена) сложились в самостоятельную социальную ценность. Российская специфика институционализации образования и воспитания заключается в том, что в обществе традиционно господствует убеждение, что Россия – это часть Европы и если таковой не является в настоящий момент, то по прошествии некоторого времени обязательно ею станет. Различные теоретико-методологические и прикладные стратегии исследования повседневных практик общественного воспитания и образования позволяют собрать и систематизировать богатый эмпирический материал, раскрывающий взаимоотношения государственной власти и образования, которые в России всегда были противоречивыми, полными драматизма.

На протяжении всей истории России общественное воспитание и образование кристаллизуются в особый тип культурного достояния русской цивилизации. Развитие системы образования в России – это процесс зарождения, становления, расцвета и упадка разных типов учебных заведений, череда сменяющих друг друга прогресса и регресса, это не однолинейный процесс, а история не только достижений, но и утрат.

В многонациональной обширной стране развитие образования протекало проблематично. В России практически отсутствовал какой-либо опыт организации народного образования, что усугублялось полным отсутствием единства в понимании целей просвещения в правящих кругах, а высшая школа в русском обществе на протяжении всей своей истории развивалась в чрезвычайно трудных условиях. Таким образом, можно утверждать, что специфичность динамики исторического развития общественного воспитания и образования в России демонстрирует неустойчивый модернизационный плеоназм образовательных идеологий в противоположность идеям классической системы образования.

Примечания

- ¹ *Королёв С.* Долгие проводы советской эпохи // НГ-Сценарии. 2001. № 1. С. 15.
- ² Саратов, сентябрь 2010 г.; участников – по 12 человек в 5 группах; N – 60.
- ³ См.: *Кареев Н.* Основы русской социологии. СПб., 1996.; *Лавров П.* Биография – исповедь 1885–1889. Философия и социология. Избр. произв.: В 2 т. М., 1965.
- ⁴ *Михайловский И.* Что такое прогресс? Пг., 1922. С. 84.
- ⁵ См.: *Бурдьё П.* Структура, габитус, практика. СПб, 2003; Практический смысл. М., 2001.
- ⁶ Инверсионная интерпретация повседневности вытекает из систематической переоценки реалий сегодняшнего общества, выразившейся в сознательном переходе от индивидуалистической парадигмы к парадигме социальной. См. подробнее: *Маффесоли М.* Околдованность мира, или Божественное социальное // Социологос. М., 1991. С. 133–137; *Фантастический мир каждого дня* // Художественный журнал. 1997. № 17. С. 14–16.

УДК 301 (Дар)

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ О СОСТОЯНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН (по результатам социологического исследования)

М.М. Шахбанова

Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский научный центр РАН
E-mail: ahmed.77.77@mail.ru

В статье с привлечением результатов социологического исследования изучаются состояние межнациональной толерантности в Республике Дагестан, существующие в общественном сознании дагестанцев установки на толерантное сознание и поведение, причины, способствующие формированию интолерантных установок.

Ключевые слова: межэтническая толерантность, интолерантность.

Public Opinion of Dagestan People about the Condition of Interethnic Tolerance and Intolerance in Dagestan Republic (by the Results of Sociological Research)

М.М. Shakhbanova

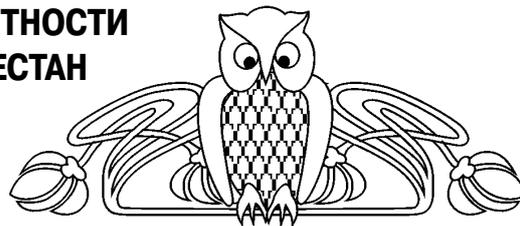
Attracting the results of sociological research the author of the article analyses the condition of interethnic tolerance in Dagestan Republic and the directions towards tolerant consciousness and behavior existing in public consciousness of Dagestan people as well as the reasons promoting the forming of intolerant purposes.

Key words: interethnic tolerance, intolerance.

Под понятием «толерантность» понимают морально-нравственную установку на терпимость, снисходительность, понимание другого. Современная обществоведческая литература рассматривает толерантность как определенную мировоззренческую и нравственно-психологическую установку личности на то, в какой мере ей принимать или не принимать различные прежде чуждые идеи, обычаи, культуру, нормы поведения и т.д.

Республика Дагестан – полиэтничный регион, в начале 90-х гг. прошлого столетия характеризовавшийся сложной межнациональной обстановкой. Массовый отъезд из республики русскоязычного населения, политические убийства и террористические акты, появление чуждого для дагестанских верующих экстремистского течения «ваххабизм», низкий уровень жизни населения, массовая безработица, существование национальных движений, преследовавших свои узконациональные интересы, вносили дестабилизацию в политическую жизнь дагестанского общества.

Единое многонациональное государство на территории Дагестана со всей атрибутикой госу-

дарственной власти сформировалось лишь при советском строе. Многие века до этого на территории современного Дагестана существовало множество феодально-политических, национальных образований во главе с ханами, уцмиями, шамхалами. В этих условиях постоянно враждовавшие между собой дагестанские этносы, чтобы сохраниться, находили эффективные политические решения, обеспечивающие мирное совместное существование и созидательную жизнь на общей для них территории.

Для дагестанских народов характерным является сохранение устойчивых родоплеменных связей. Если представить их в виде пирамиды, то можно увидеть, что в ее основании находятся семейные узы, затем интересы тухума, то есть рода, включающего ближних и дальних родственников. Над ними располагается земляческая приверженность к представителям своего села, района, национальности, и лишь на следующей, верхней ступени отдается предпочтение укреплению межнациональных связей. При этом приоритетность в целом ослабевает по мере продвижения снизу вверх. Нужно отметить, что в данном случае речь, скорее, идет о стереотипах поведения, чем о строго закрепленных правилах. Вместе с тем указанный механизм национальных приоритетов почти всегда срабатывает там, где идут процессы накопления капитала, перераспределения и удержания собственности, дележа власти, занятия доходных мест, управления экономикой. Именно вследствие указанных причин возрастает роль государственной власти в защите интересов всего многонационального сообщества Дагестана. Его пассивность чревата развитием межэтнических конфликтов, центробежных тенденций в дагестанском обществе, в свою очередь, угрожая сохранению целостности республики.

Как известно, начало 90-х гг. прошлого столетия для республики оказалось очень сложным, ибо существовавший ранее дух терпимости и межнационального согласия в одночасье оказался разрушенным. История же свидетельствует об ином: «...известно, что народы Дагестана никогда не воевали друг против друга. В течение веков здесь стихийно складывались механизмы саморегулирования межнациональных отношений, утверждались дух терпимости, гуманистические

по своей сущности принципы и институты межнационального общения»¹.

В качестве факторов, способствующих обострению межнациональных отношений в Дагестане, выделяются: 1) экономические; 2) политика массового переселения из горных районов республики на равнину, которая привела к тому, что непродуманное переселение с гор несоизмерно большому числу населения аварской и частично даргинской народностей, неорганизованная миграция (более 300 тыс. человек), застройка зимних пастбищ горных районов осложнили положение в кумыкских районах; 3) деятельность национальных движений, ставивших вопрос о федеративном переустройстве республики². Видимо, к этим трем факторам следует отнести и четвертый, надо

полагать, не менее значимый – проблему репрессированных (чеченцы-аккинцы) и насильственно переселенных на их территорию народов (аварцев и лакцев), создающую реальную почву для формирования интолерантного сознания и поведения в их общественном сознании и поведении.

В связи с обозначенными проблемами в данной статье хотелось бы изложить результаты исследования состояния межэтнической толерантности и интолерантности в современном дагестанском обществе и ее отражения в общественном сознании народов, проживающих на территории республики.

В социологических опросах, проведенных в разные периоды³, прослеживалась динамика межэтнических отношений в республике (табл. 1–3).

Таблица 1

Какие из тенденций в наибольшей степени проявляются во взаимоотношениях народностей Дагестана в современный период? (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Национальность	Вариант ответов					
	Стремление жить отдельно, но в дружбе		Стремление объединиться в единую сильную дагестанскую нацию		Жить отдельно друг от друга и заботиться только о своем народе	
	1996 г.	2006 г.	1996 г.	2006 г.	1996 г.	2006 г.
Русские	59,1	25,0	13,6	33,3	13,6	20,8
Даргинцы	36,4	17,4	43,2	47,8	4,3	17,4
Кумыки	25,0	42,3	62,5	28,8	12,5	11,5
Чеченцы-аккинцы	51,2	35,7	23,3	28,6	11,6	31,0
Лезгины	53,8	50,0	38,5	22,7	19,2	22,3
Лакцы	40,0	21,1	46,7	49,1	0	17,5
Аварцы	37,2	35,4	37,2	28,3	17,0	13,1
Ногайцы	–	38,3	–	38,3	–	12,8
Всего	43,5	34,1	35,0	32,6	12,3	20,0

По данным табл. 1 можно сделать вывод о том, что в общественном сознании дагестанцев прочно укрепилось, что Дагестан – многонациональный регион, в котором не один век вместе сосуществуют многие народы, не вступавшие в конфликт ни на межнациональной, ни на религиозной почве, соответственно, можно было прогнозировать, что общественному мнению дагестанских народов изначально должно быть присуще стремление объединиться в единую сильную дагестанскую нацию. Такая тенденция существует, по мнению опрошенных даргинцев и лакцев.

По сравнению с предыдущим опросом (1996–1997 гг.) изменилась позиция кумыков. В последнем исследовании они выбрали вариант «стремление жить отдельно, но в дружбе», в противоположность «стремлению объединиться в единую сильную дагестанскую нацию». Также возросло почти в 3 раза число чеченцев-аккинцев, выбравших вариант «жить отдельно друг от друга и заботиться только о своем народе», и по значимости они его поставили на 2 место.

Таким образом, опрошенные придерживаются той же позиции, что и в предыдущем исследовании (1996–1997 гг.) – «стремление дагестанских народов жить отдельно, но в дружбе». Причина, видимо, кроется в боязни потерять свое «национальное», «раствориться» в других народах, если произойдет слияние. И, что интересно, в опросе 2006 г. произошли изменения в общественном мнении русских: если раньше им была ближе позиция «стремление жить отдельно, но в дружбе», то сейчас важнее «стремление объединиться в единую сильную дагестанскую нацию». Может быть, призывы руководства государства к консолидации общества с целью укрепления его основ, защиты населения от сохраняющейся угрозы развязывания межнационального конфликта, угроза террористических актов на территории республики побуждают русскоязычное население к поиску точек соприкосновения со всеми народами, проживающими на территории Дагестана.

Таблица 2

Как Вы отнеслись бы к тому, что в Ваш населенный пункт по тем или иным причинам поселили бы большую группу лиц? (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных, опрос 1996–1997 гг.)

Национальность	Вариант ответов					
	Мне все равно		Иной национальности		Вашей национальности	
	Иной нац-ти	Вашей нац-ти	Положительно	Отрицательно	Положительно	Отрицательно
Русские	40,9	36,4	31,8	13,6	31,8	2,3
Даргинцы	18,2	9,1	31,8	20,5	38,6	2,3
Кумыки	25,0	25,0	25,0	12,5	25,0	37,5
Чеченцы-аккинцы	9,3	2,3	2,3	23,3	51,2	4,7
Лезгины	3,8	26,9	19,2	15,4	50,0	7,7
Аварцы	9,6	7,4	28,7	36,2	30,9	18,1
Лакцы	20,0	26,7	13,3	20,0	26,7	0
Всего	13,8	12,7	22,7	24,6	36,9	10,8

Таблица 3

Данные опроса 2006 г., %

Национальность	Варианты ответов					
	Мне все равно		Иной национальности		Вашей национальности	
	Иной нац-ти	Вашей нац-ти	Положительно	Отрицательно	Положительно	Отрицательно
Русские	37,5	29,2	12,5	29,2	29,2	2,3
Даргинцы	21,7	39,1	30,4	20,5	39,1	–
Кумыки	7,7	5,8	3,8	59,6	53,8	23,1
Чеченцы-аккинцы	8,7	4,0	4,0	65,1	34,1	25,4
Лезгины	50,0	45,5	4,5	18,2	27,3	4,5
Аварцы	23,2	23,2	33,3	27,3	52,5	11,1
Лакцы	12,3	21,1	33,3	36,8	27,3	14,0
Ногайцы	4,3	10,6	25,5	43,3	45,4	14,9
Всего	15,7	13,9	18,0	43,3	45,4	16,1

Из данных табл. 1–3 можно сделать выводы, что если респонденты 1-го опроса были более терпимы к переселению в их населенный пункт по тем или иным причинам представителей другого народа, за исключением аварцев и чеченцев-аккинцев, то результаты 2-го опроса диаметрально отличаются. Отрицательно к процессу переселения в их населенный пункт представителей другого народа относятся русские, кумыки, чеченцы-аккинцы, лакцы и ногайцы, при этом количество относящихся отрицательно увеличилось в 2–3 раза по сравнению с опросом 1996–1997 гг., за исключением даргинцев, мнение которых за данный период не изменилось. Из всех опрошенных только лезгины оказались наиболее толерантными к переселению в их населенный пункт представителей иного народа. Скорее всего, существование такого мнения в их общественном сознании объясняется отсутствием конфликта и противостояния из-за территории проживания, ибо опрашиваемые в качестве одной из причин

возникновения межнациональной нетерпимости указывали *территориальные споры*.

При выяснении степени существующей толерантности в общественном сознании дагестанских народов была применена шкала Богардуса. Все опрошенные готовы принять человека другой национальности в качестве *гражданина своей республики*. Такой позиции придерживаются 92,9% лакцев, 89,3% лезгин, 85,7% даргинцев, 85,0% аварцев, 77,8% кумыков, 68,8% чеченцев-аккинцев и 60,0% русских. В качестве *партнера для совместной деятельности* человека иной национальности готовы принять 100% даргинцев, 89,3% лезгин, 80,4% лакцев, 70,4% кумыков, 52,5% аварцев (вместе с тем 25,0% опрошенных аварцев против этого), 60,0% русских и 46,8% чеченцев-аккинцев. В качестве *непосредственного начальника* человека иной национальности готовы принять 85,7% лезгин, 71,4% лакцев, 71,4% даргинцев, 60,0% русских, 42,9% чеченцев-аккинцев и 40,7% кумыков. При этом 37,5%

аварцев отрицательно отнеслись к тому, чтобы иметь начальником человека иной национальности (против 33,8%). *Соседом по дому, квартире* человека иной национальности готовы принять 100% русских, 92,9% лезгин, 83,9% лакцев, 71,4% даргинцев, 70,0% аварцев, 40,7% кумыков (такое же количество опрошенных кумыков не готово принять человека иной национальности в качестве соседа по дому, квартире) и 54,5% чеченцев-аккинцев. *В качестве коллеги по работе* человека иной национальности готовы принять 92,9% лезгин, 85,7% даргинцев, 83,9% лакцев, 80,0% русских, 74,1% кумыков, 70,0% аварцев и 67,5% чеченцев-аккинцев. Вместе с тем картина меняется, когда ставится вопрос, *человека какой национальности предпочел бы иметь в качестве супруга(и)*: 53,6% лезгин, 48,2% лакцев, 44,4% кумыков, 41,3% аварцев и 33,8% чеченцев-аккинцев не готовы принять человека иной национальности в качестве такового.

Таким образом, по всей совокупности опрошенных через этнический признак *гражданином своей республики человека иной национальности* готовы принять 81,1%, *коллеги по работе* – 75,5%, *соседом по дому, квартире* – 67,8%, *в качестве партнера в совместной деятельности* – 62,9%, *непосредственного начальника* – 50,7%, но против *принятия в качестве супруга(и) своих детей* – 39,9% опрошенных. Видимо, для респондентов при всем их интернационализме характерно четкое отделение сферы своей жизнедеятельности от семейно-бытового уклада, и здесь сохраняется некоторый консерватизм, обусловленный бытовым изречением, что жить с человеком своей национальности легче, ибо схожесть языка, образа жизни, традиций и обычаев помогает преодолевать сложности, могущие возникнуть между супругами в процессе совместного проживания.

При состоянии межнациональной терпимости в республике представляется необходимым отдельно остановиться на ее проявлении в молодежной среде, ибо в социологических исследованиях, проведенных в основном не дагестанскими исследователями, отмечается, что существуют региональные различия в степени толерантности, особенно выделяются среди субъектов Федерации Республика Тыва и Дагестан, где уровень толерантности ниже, особенно среди молодежи⁴.

Тем интереснее данные, полученные в нашем исследовании. На вопрос **«Как Вы оцениваете то, что в Дагестане проживает много народов?»** молодежь в возрасте до 20 лет отметила *«положительно»* – 77,9%, и от 20 до 30 лет аналогичного мнения придерживается 75,2% опрошенных. Вместе с тем *«отрицательно, тем самым создается почва для возникновения межнациональной напряженности»* считают 7,4% в возрасте до 20 лет, и их в 2 раза больше в категории от 20 до 30 лет – 15,6% опрошенных.

Констатация межнациональной нетерпимости в общественном сознании дагестанской

молодежи в российских исследованиях не подтверждается при дальнейшем анализе полученных результатов. Респондентам был задан вопрос: **«Если Вы испытываете неприязнь к людям других национальностей, то к каким конкретно?»**. Опрошенные в возрастных категориях до 20 лет и от 20 до 30 лет придерживаются позиции *«не испытываю»* – 42,6% и 23,9% соответственно, хотя во второй категории их доля существенно ниже, чем в первой, а если испытывают, то в незначительном количестве.

Выводом является то, что всем возрастным категориям опрошенных народов больше присущи терпимость и интернационализм, чем национализм, а в национальной молодежной среде отсутствуют какие-либо группировки, объединенные идеологией, например, национал-фашизма, существующие в российских городах. Также для общественного сознания дагестанских народов не характерны националистические выступления и выпады в адрес других народов, за исключением, может быть, лжелидеров, использующих свой статус для удовлетворения личных амбиций и достижения политических целей.

Несмотря на то что подавляющее количество респондентов оценивает межнациональные отношения в республике как терпимые, определенные проблемы в межнациональной и религиозной сферах, конечно же, существуют. Прежде всего, это не разрешенная и по сей день проблема репрессированных и насильственно переселенных народов, вносящая определенный диссонанс в политическую жизнь общества. Надо отметить, что, хотя под руководством Народного Собрания республики проводятся конференции, посвященные формированию гражданского общества в Дагестане, почему-то политические лидеры мало внимания, если не сказать никакого, уделяют составляющей гражданского общества – воспитанию толерантности.

С целью выяснения факторов, способствующих формированию межатнической терпимости у дагестанских народов, в социологическом исследовании⁵ респондентам был задан вопрос: **«Что должно играть главную роль в формировании толерантности между дагестанскими народами?»**. По мнению опрошенных аварцев – *«политика дагестанского правительства, учитывающая интересы всех народов республики»* (64,6%), *«воспитание интернационализма у всех дагестанских народов»* (45,5%) и *«деятельность неформальных лидеров народов, способствующих укреплению дружбы между народами»* (27,3% опрошенных). Кумыки придерживаются аналогичного мнения – 71,2% и 51,9% соответственно. Далее даргинцам также близки первые две позиции – 69,6% и 52,2% соответственно, – и 30,4% указали на *«межнациональные браки»*. Лезгины указали на *«политику дагестанского правительства, учитывающую интересы всех народов республики»* (72,7%), *«воспитание интернацио-*

нализма у всех дагестанских народов» (45,5%) и «межнациональные браки» (31,8% опрошенных). Лакцы важными факторами формирования межнациональной толерантности считают «политику дагестанского правительства, учитывающую интересы всех народов республики» (56,1%), «воспитание интернационализма у всех дагестанских народов» (36,8%), «деятельность неформальных лидеров народов, способствующих укреплению дружбы между народами» (21,1% опрошенных). Первые две позиции близки и чеченцам-аккинцам – 89,7% и 42,1% соответственно. Далее русские и ногайцы указали на «политику дагестанского правительства, учитывающую интересы всех народов республики» и «воспитание интернационализма у всех дагестанских народов» – 87,5% и 85,1%, 62,5% и 57,4% соответственно.

Таким образом, если посмотреть полученные результаты по всей совокупности опрошенных через этнический признак, то, по мнению респондентов, главную роль в формировании толерантности дагестанских народов должны сыграть «политика дагестанского правительства, учитывающая интересы всех народов республики» (75,0%) и «воспитание интернационализма у всех дагестанских народов» (47,8% опрошенных).

Факторы интолерантности. Эксперты отмечают распространенность в современной России этно- и религиозных фобий. В первой выделяются кавказофобия, антисемитизм и синофобия. Термин «кавказофобия» в общественной литературе появился сравнительно недавно и, по мнению специалистов, обусловлен преобразованиями социально-экономического и политического характера, затронувшими российское общество в конце 80 – начале 90-х гг. прошлого столетия. В современный период исследователи кавказофобии отмечают, что она является самым распространенным и самым интенсивным по степени эмоционального неприятия типом ксенофобии в российском обществе. Из года в год социологи ВЦИОМ констатируют в своих отчетах, что «основную массу этнического негативизма по-прежнему образуют антикавказские установки»⁶. По данным социологов, в Санкт-Петербурге 70–80% опрошенных убеждены, что «чем меньше в городе приезжих с Кавказа, тем спокойнее»⁷. В средствах массовой информации звучат мысли о «чернофобии», о том, что «москвичи не любят кавказцев», что они ощущают «исходящую от них угрозу»⁸. Существующая в межнациональной сфере тенденция является далеко не безоблачной, существование вышеназванных терминов порождает неприятие, нетерпимость и является основой для проявления национализма в самой негативной форме, националистических взглядов, а соответственно, и агрессивного отношения к представителям других народов.

Проведенная в рамках федеральной программы толерантности диагностика показывает рост социальной напряженности. В наибольшей

степени напряженность присуща межнациональной и религиозной сферам. Самым нежелательным в общественном сознании является восприятие жестокости, интолерантности, агрессии большим пластом населения как нормы. У экспертов-правозащитников особую удрученность вызывает отсутствие реальных механизмов решения проблем интолерантного поведения. Судебная практика показала, что защитить граждан от дискриминации российский суд или не хочет, или не может. По мнению президента Центра развития демократии и прав человека Ю. Джибладзе, успешных судебных процессов единицы. Экстремистские же газеты издаются по всей стране абсолютно свободно, в то время как люди, противостоящие дискриминации и экстремизму, каждый день сталкиваются с огромными трудностями в своей деятельности. Российские скинхеды еженедельно нападают и избивают представителей этнических меньшинств, граждан африканских стран, нормой становятся зверские убийства. Власти и правоохранительные органы пока еще редко и робко принимают адекватные меры против откровенно экстремистских, расистских, неонацистских и ксенофобских групп молодежи, стараются не замечать преступлений на почве национальной и религиозной ненависти и не применять Закон о предотвращении экстремизма и ст. 282 УК РФ. Многие преступления на почве национальной ненависти квалифицируются как хулиганство. Создается ощущение появления «управляемой ксенофобии», используемой в ряде регионов для манипулирования общественным мнением или для расправы с неудобными группами и даже целыми народами»⁹.

В 2004 г. в Москве состоялась Всероссийская конференция «Пути преодоления ксенофобии, расовой дискриминации, антисемитизма в многонациональной России». По мнению организаторов, реализация проекта будет способствовать созданию эффективной коалиции государственных и общественных организаций в борьбе с шовинизмом, политическим экстремизмом, всеми видами ксенофобии, с преступлениями на основе межнациональной и межрелигиозной ненависти. С точки зрения правозащитников, необходимые шаги для преодоления нетерпимости в обществе – соответствующая политика государства, законодательная база и правильное применение законов.

Прежде чем перейти к выявлению причин проявления интолерантности, необходимо выделить социальные типы проявления нетерпимости. К ним относятся: 1) расизм; 2) ксенофобия; 3) этноцентризм; 4) агрессивный национализм; 5) религиозный фанатизм.

Несомненным фактом является то, что интолерантность стимулируется социальными противоречиями, ибо усиливающееся расслоение на богатых и бедных в массовом сознании последних формирует жесткий стереотип агрес-

сивности и неприязни. Социальная неудовлетворенность может перейти в сферу межэтнического взаимодействия, а на проявление нетерпимости в межнациональной сфере, видимо, будет оказывать влияние реальное и мнимое неравенство, к которому можно отнести: 1) неравное участие во власти; 2) ущемление национального достоинства, неуважение к национальной культуре, языку, отсутствие возможностей для самобытного развития. Соответственно, представляется необходимым рассмотреть вышеназванные факторы и их влияние на формирование интолерантного сознания и поведения.

С целью выявления факторов возникновения интолерантности между дагестанскими этносами респондентам был задан вопрос: **«Каковы причины возникновения межнациональной нетерпимости между дагестанскими народами?»**. Позиции *«проживание на исторической территории одного народа других народов»* придерживаются 93,7% чеченцев-аккинцев, 44,4% аварцев, 42,1% лакцев, 41,7% ногайцев и 36,5% кумыков. Не менее значимым, оказываются и *«территориальные споры»*, в частности, для 63,6% аварцев, 62,5% русских, 61,7% ногайцев, 61,5% кумыков, 54,5% лезгин, 52,2% даргинцев, 35,1% лакцев и 34,1% чеченцев-аккинцев. Далее, 54,5% лезгин, 39,1% даргинцев, 34,3% аварцев, 29,2% русских, 22,8% лакцев и 15,1% чеченцев-аккинцев как причину возникновения межнациональной нетерпимости между дагестанскими народами указали *«непредставленность многих народов республики в структурах государственной власти республики»*. По всей совокупности опрошенных через этнический признак причинами, способствующими возникновению нетерпимости между народами, являются: *«проживание на исторической территории одного народа других народов»* (52,2%), *«территориальные споры»* (50,0%) и *«непредставленность многих народов республики в структурах государственной власти республики»* (25,7% опрошенных).

В качестве причины возникновения интолерантности в общественном сознании исследователи выделяют фактор малой представленности или непредставленности некоторых народов в органах государственной власти республики, поэтому в ходе исследования респондентам был задан вопрос: **«Усиливает ли напряженность между народами Дагестана то, что некоторые из них недостаточно (плохо) представлены в структурах власти?»**. Мнения, что *«руководящий пост может занимать представитель не моей национальности, если он защищает интересы всех народов»*, разделяют 91,7% русских, 81,8% лезгин, 79,8% аварцев, 78,3% даргинцев, 76,6% ногайцев, 53,8% кумыков, 50,9% лакцев и 43,7% чеченцев-аккинцев. Позиции *«только представитель моего народа должен занимать руководящий пост, чтобы защищать национальные интересы своего народа»*

придерживаются 47,4% лакцев, 42,3% кумыков и 34,1% чеченцев-аккинцев.

Учитывая злободневность проблемы, респондентам был задан вопрос уточняющего характера: **«Как должен решаться кадровый вопрос в межнациональном регионе?»**. По мнению 95,8% русских, 95,5% лезгин, 91,5% ногайцев, 91,3% даргинцев, 91,3% чеченцев-аккинцев и 85,9% аварцев, *«руководящий пост должен занимать только профессионал своего дела (компетентный и учитывающий национальные интересы всех народов, проживающих в данном населенном пункте, районе, регионе), независимо от национальной принадлежности»*. Разброс мнений по данному вопросу наблюдается в общественном мнении кумыков и лакцев: *«руководящий пост должен занимать только профессионал своего дела (компетентный и учитывающий национальные интересы всех народов, проживающих в данном населенном пункте, районе, регионе) независимо от национальной принадлежности»* 69,2% и 57,9% соответственно, а 23,1% и 38,6% опрошенных считают, что *«руководящий пост должен занимать только представитель моего народа»*. По ответам на эти два вопроса можно сделать вывод, что национальная принадлежность руководителя отодвигается на второй план подавляющим количеством опрошенных, если ставится вопрос о профессионализме, но это не является основанием для утверждения, что в массовом сознании отсутствует важность этнической принадлежности руководителя.

Несмотря на важность интернационализма руководителя, на который указали респонденты, видимо, в общественном сознании опрошенных народов сохраняется тенденция, что искренне сочувствовать, переживать и защищать интересы данного народа может только его представитель, ибо только он может глубоко вникнуть в этнические проблемы и сопереживать своим соплеменникам. При анализе полученных социологических данных, особенно в межнациональной сфере, возникает ощущение, что респонденты не всегда искренни в своих ответах. Например, ни для кого не является секретом, что во многих госучреждениях, вузах республики в основном к работе привлекаются не по принципу профессионализма, а по национальной принадлежности руководителя. Практика последних лет свидетельствует совершенно об ином и, несмотря на незначительное количество респондентов по всей совокупности, отметивших, что *«руководящий пост должен занимать представитель моего народа»*, цифра 25,9% заслуживает определенного внимания.

Следующей причиной возникновения межэтнической нетерпимости может стать угроза сохранению самобытности народа и национальной культуры, и соответственно, респондентам был задан вопрос: **«Существует ли, по Вашему мнению, угроза для Вашей национальной куль-**

туры?». Вариант *«нет, национальная культура моего народа развивается самостоятельно, не испытывая на себе влияния чужой национальной культуры»* близок 48,9% ногайцев, 46,5% аварцев, 41,7% русских, 39,1% даргинцев, 38,5% кумыков, 33,3% чеченцев-аккинцев и 31,8% лезгин. Далее, что не существует угрозы для их национальной культуры, ибо *«из чужих национальных культур культура моего народа берет только самое лучшее»*, отметили 65,2% даргинцев, 59,1% лезгин, 50,0% русских, 46,5% аварцев, 42,6% ногайцев, 38,6% лакцев и 38,5% кумыков. Наряду с этим опрошенные также отмечают и негативное воздействие иноэтнической культуры, заключающееся в том, что *«национальная культура моего народа теряет свою самобытность и неповторимость»*, в частности 45,5% лезгин, 44,4% чеченцев-аккинцев, 34,0% ногайцев, 29,8% лакцев, 26,3% аварцев, 21,2% кумыков, 20,8% русских и 20,6% чеченцев-аккинцев. Мнение, что *«влияние национальной культуры других народов мешает развитию национальной культуры моего народа»*, разделяют 32,3% аварцев, 29,8% лакцев, 26,1% даргинцев, 23,1% кумыков, 22,7% лезгин и 20,6% чеченцев-аккинцев. По всей совокупности опрошенных через этнический признак общественному сознанию опрошенных характерны следующие позиции: *«из чужих национальных культур культура моего народа берет только самое лучшее»* (39,8%), *«национальная культура моего народа развивается самостоятельно, не испытывая на себе влияния чужой национальной культуры»* (37,0%), *«национальная культура моего народа теряет свою самобытность и неповторимость»* (31,5%), *«влияние национальной культуры других народов мешает развитию национальной культуры моего народа»* (23,7% опрошенных). Из полученных результатов можно сделать вывод, что дагестанские народы осознают важность культуры как стабилизирующего фактора, поэтому возрождение, дальнейшее ее развитие и проведение диалога на основе национальных культур народов, проживающих в республике, является необходимым условием достижения стабильности как в межнациональных, так и в межконфессиональных отношениях.

В опросе 2006 г. респондентам был задан вопрос: **«Что больше всего способствует появлению межнациональной нетерпимости и конфликтов между народами?»**. По мнению 73,7% чеченцев-аккинцев, 68,4% кумыков, 61,5% лезгин, 54,2% аварцев, 51,9% лакцев, 50,0% даргинцев и 50,0% русских, это *«оскорбление национальных чувств и национальной принадлежности человека»*. Далее, 28,0% аварцев и 17,3% лакцев указали на *«оскорбление религиозных чувств человека»*, а 19,8% лакцев, 15,8% чеченцев-аккинцев, 15,3% аварцев и 13,6% даргинцев отметили вариант *«осквернение религиозных символов (карикатуры, насмешки, анекдоты)»*.

Если опрошенные отмечают *«важность взаимопочтения к национальной культуре, традициям всех дагестанских народов»* при формировании межэтнической толерантности, то как факторы, приводящие к появлению межнациональной нетерпимости и конфликтов между народами, отмечают *«оскорбление национальных чувств и национальной принадлежности человека»* (56,8%) и *«оскорбление религиозных чувств человека»* (16,9% опрошенных).

В обществоведческой, научной литературе встречается мнение, что в формировании межнациональной толерантности огромную роль могут сыграть межнациональные браки. В ходе опроса был задан следующий вопрос: **«Как Вы отнеслись бы к тому, что Ваш близкий родственник вступил в межнациональный брак?»**. Позитивно межнациональный брак воспринимают 66,7% русских, 52,2% даргинцев, 42,6% ногайцев, 41,4% аварцев, 38,6% лакцев, 36,5% кумыков и 31,8% лезгин, ибо *«он способствует укреплению терпимости между народами»*. Вариант *«национальность в браке не имеет значения, если супруг (а) соблюдает традиции и обычаи моего народа»* отметили 59,1% лезгин, 50,8% чеченцев-аккинцев, 48,9% ногайцев, 48,5% аварцев, 48,1% кумыков, 47,8% даргинцев и 35,1% лакцев. Негативно межэтнический брак оценили 34,1% чеченцев-аккинцев, 24,6% лакцев, 17,0% ногайцев, 13,6% лезгин, 13,5% кумыков и 12,5% русских, ибо *«межнациональный брак способствует потере самобытности и национального своеобразия народа»*.

В опросе 2007 г.¹⁰ респондентам был задан вопрос конкретизирующего характера: **«В какой степени для Вас важна национальная принадлежность человека при выборе супруга (и)?»**. Позицию *«для меня очень важна национальная принадлежность человека при выборе супруга (и)»* отметили 47,8% даргинцев, 45,3% кумыков, 45,1% лезгин и 43,6% аварцев. Вариант *«для меня национальная принадлежность человека при выборе брачного партнера является несущественной»* выбрали 66,7% русских, 48,9% чеченцев-аккинцев, 45,3% кумыков, 42,3% аварцев, 37,7% даргинцев и 35,4% лезгин. Как видно из полученных данных, некоторое противоречие отмечается в общественном мнении чеченцев-аккинцев: с одной стороны, они отмечают отрицательное отношение к межнациональным бракам, которые, по их мнению, способствуют потере самобытности и национального своеобразия народа, а с другой – что для них несущественна национальная принадлежность человека при выборе супруга (и). Далее, придерживаются позиции *«предпочел бы человека своей национальности, но возражать не стал бы»* 56,5% даргинцев, 51,9% русских, 51,2% лезгин, 48,4% кумыков, 42,6% лакцев и 40,3% аварцев, а 51,9% чеченцев-аккинцев отметили *«положительно»*.

Таким образом, в общественном сознании опрошенных преобладает точка зрения, что *«национальность в браке не имеет значения, если супруг (а) соблюдает традиции и обычаи моего народа»* (46,1%), *«межнациональный брак способствует укреплению терпимости между народами»* (34,1%) и *«межнациональный брак способствует потере самобытности и национальной своеобразия народа»* (18,9%). Отрицательную сторону межнационального брака отметили чеченцы-аккинцы и среди них наименьшее количество тех, кто считает, что *«межнациональный брак способствует укреплению терпимости между народами»*.

Несмотря на кажущееся противостояние дагестанских народов, связанное со сферой влияния в различных областях деятельности, на быденном уровне однозначно можно сказать, что национальность не имеет существенного значения для респондентов. При ответе на вопрос *«Кого Вы хотели бы иметь соседом по квартире, по дому?»* респонденты акцентируют внимание не на этнической принадлежности, а на человеческих качествах – порядочности, доброте, доброжелательности, взаимопомощи и т.д. Иными словами, для всех опрошенных народов предпочтительным оказалось *«мне все равно, был бы хороший человек»* (69,1%), *«представителя своей национальной»* выбрали 19,3% и *«представителя иной национальной»* – 7,4% опрошенных. Если рассмотреть по национальному признаку полученные результаты, то вариант *«мне все равно, был бы хороший человек»* выбрали 93,7% даргинцев и 73,7% аварцев, а 17,2% аварцев хотели бы иметь соседом *«представителя своей национальной»*. Позицию *«мне все равно, был бы хороший человек»* отмечают 69,2% кумыков и 28,8% – *«представителя своей национальной»*. Лезгины и лакцы также придерживаются аналогичного с другими народами мнения: *«мне все равно, был бы хороший человек»* – 86,4% и 49,1% соответственно, – при этом незначительное число лезгин выбрало вариант *«представителя своей национальной»* (9,1%) и *«представителя иной национальной»* (4,5%). Далее, 21,1% лакцев предпочли *«представителя моей национальной»* и 8,8% – *«представителя иной национальной»*. Несмотря на то что существуют определенная межнациональная нетерпимость и противостояние между репрессированными и насильственно переселенными народами, 60,3% чеченцев-аккинцев выбрали вариант *«мне все равно, был бы хороший человек»*, при этом сравнительно большое количество хотело иметь рядом *«представителя своей национальной»* (24,6%) и *«представителя иной национальной»* (14,3%). С представителями своей национальной предпочитают жить 17,0% опрошенных ногайцев, а 79,7% опрошенных важным посчитало человеческие качества. Вместе с тем, если бы опрашиваемые народы оказались вдали от своего народа, они

предпочитают жить с *«русскими»*, за исключением лезгин и лакцев, выбравших *«аварцев»*, а также чеченцев-аккинцев, указавших на *«даргинцев»*. За пределами своей родины респонденты предпочитают все-таки жить с представителями своей национальности, о чем свидетельствуют данные опроса: аварцы *«с аварцами»* – 41,4%, *«с русскими»* – 32,2%; даргинцы *«с даргинцами»* – 21,7%; кумыки *«с кумыками»* – 55,8%, *«с русскими»* – 13,5%; лезгины *«с аварцами»* – 18,2%, *«с лезгинами»* – 50,0%; лакцы *«с аварцами»* – 21,1%, *«с лакцами»* – 45,6%; чеченцы-аккинцы *«с даргинцами»* – 10,3%, *«с русскими»* – 10,3%; русские *«с русскими»* – 29,2%; ногайцы *«с русскими»* – 36,2%.

Вместе с тем более терпимо опрошенные относятся к переселению к ним лиц их национальности, хотя в некоторой степени проявляется равнодушие и безразличие, ибо определение *«историческая территория своего народа»* четко увязывается с *«территорией, на которой жили предки моего народа»*, то есть священность земли, которая должна передаваться из поколения в поколение. В наибольшей степени такая констатация свойственна национальному самосознанию чеченцев-аккинцев, которые *«потеряли»* историческую родину в результате репрессий и по сей день не могут восстановить ранее существовавший Ауховский район, и вряд ли в такой сложной межнациональной ситуации, особенно в районах совместного проживания насильственно переселенных и репрессированных народов (Казбековский и Новоллакский районы), можно говорить о существовании толерантности.

Исследование феномена толерантности и его проявления в любой из сфер человеческой жизнедеятельности позволяет сделать вывод, что это процесс далеко не простой, а чреватый противоречиями, особенно в полиэтническом регионе. Рассматривая механизм трансформации социальной напряженности в межнациональную, следует в качестве приоритетных выделить определенное состояние массового сознания и особенности проявления национальной психологии. Несмотря на существование фактора многонациональности в республике, следует отметить, что в общественном сознании дагестанцев на быденном уровне отсутствует негативное восприятие окружающих народов. По полученным результатам социологического опроса можно проследить четко обозначающиеся в общественном сознании опрошенных народов две тенденции: 1) самое благоприятное проявление толерантного сознания и поведения народов на бытовом уровне; 2) проявление нетерпимости, если вопрос ставится в иной плоскости – политической, территориальной, социально-экономической, кадровой.

В процессе формирования терпимости между дагестанскими народами респонденты в большей степени надежду возлагают на дагестанское правительство, хотя республиканскими органами власти в данном направлении работа проводится

довольно слабо, несмотря на существование федеральной программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)». На ее основе, видимо, дагестанское руководство должно предпринять определенные шаги на пути преодоления существующей в общественном сознании опрошенных народов в латентной форме интолерантности. К сожалению, в данном направлении республиканскими органами власти не было принято ни одного документа, и мало того, политическая республиканская элита имеет слабое представление о данной программе. Сам собой напрашивается вопрос: можно ли проводить эффективную национальную политику, в основе которой заложены принципы толерантности, культуры межнационального общения и согласия в республике с массой межэтнических проблем и с сохраняющейся угрозой терроризма, если о ней не знают? Видимо, в ближайшие годы в сфере межнациональной политики дагестанского руководства должна произойти смена ценностных ориентаций.

Примечания

- ¹ Гасанов Н.Н., Зачёсов К.Я., Казимов А.К. Межнациональное согласие в Дагестане: проблемы и перспективы // Полис. 1993. № 3. С. 51–52.
- ² Там же. С. 51.
- ³ Опрос проведен методом случайного отбора в 1996–1997 гг. в Казбековском, Хасавюртовском, Каякентском районах Республики Дагестан и в г. Махачкале. Опро-

шено 359 человек. В 2006 г. опрос проведен методом случайного отбора, охватив при этом все 3 географические зоны республики (равнинную, предгорную, горную), различающиеся между собой как своим социально-экономическим развитием, так и полиэтничностью. Анкета была обсуждена в отделе социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. В структуру выборки вошли наиболее многочисленные национальности республики, а также все социальные прослойки с учетом образовательного уровня и половозрастной специфики, отношения к религии, что определяет репрезентативность выборки. Социологический опрос проведен в 2006 г. в Казбековском, Новолакском, Каякентском, Хасавюртовском, Ногайском районах и в гг. Махачкале и Кизляре. Опрошено 495 человек.

- ⁴ См.: Наумова Т.В., Смоленцева А.Ю. Толерантность российской молодежи: этнический аспект // Молодежь XXI века: толерантность как способ мировосприятия. Н. Новгород, 2001. С. 276.
- ⁵ Опрос 2006 г.
- ⁶ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1994. № 1. С. 17.
- ⁷ Сикевич З. Расколотое сознание (этносоциологические очерки). СПб., 1996. С. 77.
- ⁸ Искандарян А. Чернофобия // Новое время. 1996. № 2. С. 21.
- ⁹ Против отчуждения и нетерпимости // Северный Кавказ. 2004. 20 апреля. № 15. С. 5.
- ¹⁰ Опрос проведен автором в 2007 г. в Казбековском, Хасавюртовском, Кайтагском, Дербентском районах и в гг. Махачкале и Буйнакске. Методом случайного отбора опрошено 533 человека.

УДК 316.3

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ДЕПРИВАЦИЯ КАК ИНДИКАТОР НЕСТАБИЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Н.А. Скобелина

Волгоградский государственный технический университет
E-mail: volnatmax@mail.ru

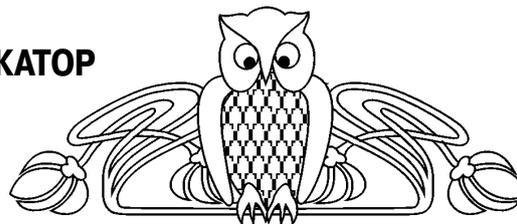
В статье рассматривается феномен относительной депривации как индикатор нестабильного общества. Выделяются показатели социального самочувствия современного российского общества. **Ключевые слова:** относительная депривация, прогрессивная депривация, нестабильное общество, социальное самочувствие.

Relative Deprivation as the Indicator of Unstable Society

N.A. Skobelina

In article the phenomenon relative deprivation as the indicator of unstable society is considered. Indicators of social state of health of a modern Russian society are allocated.

Key words: relative deprivation, unstable society, social state of health.

В социологической науке теория относительной депривации представлена Л. Киллианом, Т. Гарром, Ф. Робайе, В. Рансименом и другими учеными. Авторы данной концепции связывают возникновение агрессивного поведения, протестных ориентаций с объективными и субъективными депривациями, учитывая при этом как психологические, так и социальные факторы. «Взаимосвязанные понятия неудовлетворенности и депривации объединяют в себе большинство из психологических состояний, явных или выраженных неотчетливо, в таких теоретических понятиях, как фрустрация, отчуждение, управляемые и целенаправленные конфликты, острая

довольно слабо, несмотря на существование федеральной программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)». На ее основе, видимо, дагестанское руководство должно предпринять определенные шаги на пути преодоления существующей в общественном сознании опрошенных народов в латентной форме интолерантности. К сожалению, в данном направлении республиканскими органами власти не было принято ни одного документа, и мало того, политическая республиканская элита имеет слабое представление о данной программе. Сам собой напрашивается вопрос: можно ли проводить эффективную национальную политику, в основе которой заложены принципы толерантности, культуры межнационального общения и согласия в республике с массой межэтнических проблем и с сохраняющейся угрозой терроризма, если о ней не знают? Видимо, в ближайшие годы в сфере межнациональной политики дагестанского руководства должна произойти смена ценностных ориентаций.

Примечания

- ¹ Гасанов Н.Н., Зачёсов К.Я., Казимов А.К. Межнациональное согласие в Дагестане: проблемы и перспективы // Полис. 1993. № 3. С. 51–52.
- ² Там же. С. 51.
- ³ Опрос проведен методом случайного отбора в 1996–1997 гг. в Казбековском, Хасавюртовском, Каякентском районах Республики Дагестан и в г. Махачкале. Опро-

шено 359 человек. В 2006 г. опрос проведен методом случайного отбора, охватив при этом все 3 географические зоны республики (равнинную, предгорную, горную), различающиеся между собой как своим социально-экономическим развитием, так и полиэтничностью. Анкета была обсуждена в отделе социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. В структуру выборки вошли наиболее многочисленные национальности республики, а также все социальные прослойки с учетом образовательного уровня и половозрастной специфики, отношения к религии, что определяет репрезентативность выборки. Социологический опрос проведен в 2006 г. в Казбековском, Новолакском, Каякентском, Хасавюртовском, Ногайском районах и в гг. Махачкале и Кизляре. Опрошено 495 человек.

- ⁴ См.: Наумова Т.В., Смоленцева А.Ю. Толерантность российской молодежи: этнический аспект // Молодежь XXI века: толерантность как способ мировосприятия. Н. Новгород, 2001. С. 276.
- ⁵ Опрос 2006 г.
- ⁶ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1994. № 1. С. 17.
- ⁷ Сикевич З. Расколотое сознание (этносоциологические очерки). СПб., 1996. С. 77.
- ⁸ Искандарян А. Чернофобия // Новое время. 1996. № 2. С. 21.
- ⁹ Против отчуждения и нетерпимости // Северный Кавказ. 2004. 20 апреля. № 15. С. 5.
- ¹⁰ Опрос проведен автором в 2007 г. в Казбековском, Хасавюртовском, Кайтагском, Дербентском районах и в гг. Махачкале и Буйнакске. Методом случайного отбора опрошено 533 человека.

УДК 316.3

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ДЕПРИВАЦИЯ КАК ИНДИКАТОР НЕСТАБИЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Н.А. Скобелина

Волгоградский государственный технический университет
E-mail: volnatmax@mail.ru

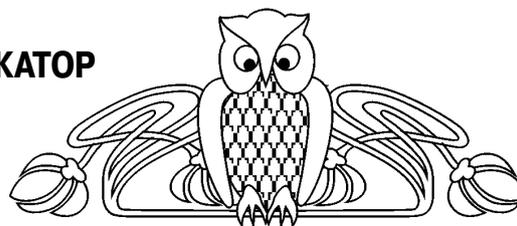
В статье рассматривается феномен относительной депривации как индикатор нестабильного общества. Выделяются показатели социального самочувствия современного российского общества. **Ключевые слова:** относительная депривация, прогрессивная депривация, нестабильное общество, социальное самочувствие.

Relative Deprivation as the Indicator of Unstable Society

N.A. Skobelina

In article the phenomenon relative deprivation as the indicator of unstable society is considered. Indicators of social state of health of a modern Russian society are allocated.

Key words: relative deprivation, unstable society, social state of health.

В социологической науке теория относительной депривации представлена Л. Киллианом, Т. Гарром, Ф. Робайе, В. Рансименом и другими учеными. Авторы данной концепции связывают возникновение агрессивного поведения, протестных ориентаций с объективными и субъективными депривациями, учитывая при этом как психологические, так и социальные факторы. «Взаимосвязанные понятия неудовлетворенности и депривации объединяют в себе большинство из психологических состояний, явных или выраженных неотчетливо, в таких теоретических понятиях, как фрустрация, отчуждение, управляемые и целенаправленные конфликты, острая

необходимость и напряжение»¹. Несмотря на то что в центре исследования находятся индивиды, социологи по ряду причин уделяют довольно большое внимание социальным факторам. К социальным переменным относятся «длительность культурных и субкультурных санкций на открытую агрессию; длительность и степень успеха политического насилия в прошлом; отчетливость и распространенность символических призывов, оправдывающих насилие; легитимность политической системы и типы ответов, которые она дает на относительную депривацию»². Практика показывает, что социальные факторы влияют на восприятие населением социальной реальности, на уровень удовлетворенности жизнью, на соотношение уровня ожиданий и достижений.

Центральным понятием указанной выше теории является «относительная депривация», которая в социологическом словаре определяется как «испытываемые чувства и вырабатываемые суждения, когда индивидум (члены группы) считает себя – особенно свое социальное положение – неблагоприятным по сравнению с другим индивидумом в пределах своей или другой группы»³. Л. Бляхер предлагает социально-философскую трактовку, где относительная депривация не проявляется в виде «конкретных и явных протестных действий и служит идентификатором социального хаоса»⁴. По своей природе это коммуникативное понятие «существует только в процессе социальной коммуникации, как возможность/невозможность утвердить перед Другим свои ценности, смыслы и т.д.»⁵. Т. Гарр в свою очередь под «относительной депривацией» понимает «воспринимаемое индивидами расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями»⁶.

Таким образом, данное понятие отражает важность не абсолютных, а относительных стандартов или представлений людей и учитывает разрыв между ожиданиями и возможностями. Относительная депривация основана на осознании различия того, что имеют люди в сравнении с другими. Ценностные ожидания – это ожидания людей, «те блага и условия жизни, на которые люди могут претендовать», по их убеждению. Ценностные возможности – это то, что личность может иметь в реальности, «в состоянии реально достичь или удержать»⁷. Несоответствие возможностей и ожиданий, по мнению представителей

теории относительной депривации, увеличивает интенсивность неудовлетворенности, влечет за собой депривацию, что следует представлять в качестве условий, способствующих протестному поведению личности. Т. Гарр уверен в том, что к протестным действиям людей приводит крушение их надежд, расхождение между уровнем потребности в каком-то благе и социальными условиями, на которые они в состоянии реально рассчитывать. Социолог акцентирует внимание на развитии неудовлетворенности, ее политизации и реализации в насильственном действии.

Дезорганизация социума, разрушение социальной структуры – причина дезинтеграции различных групп, утраты старой формы коллективного единства, что в итоге ведет к отчуждению от общества и способствует чувству неудовлетворенности. При определенных условиях происходит нарастание неудовлетворенности жизнью в обществе и повышается уровень протестной активности, увеличивается количество девиаций, при этом учитываются показатели самочувствия населения – такие переменные, как уровень ожиданий и уровень достижений.

Что касается современной России, изменения достижений и ожиданий происходят в нестабильном обществе. Это отражается в социальных настроениях населения. Такие показатели, как «стабильность/нестабильность социума», «защищенность/незащищенность», «удовлетворенность/неудовлетворенность жизнью», характеризуют социальное самочувствие рядовых граждан. В последние десятилетия произошли коренные изменения во всех сферах российского общества. Слабость общепринятых, игнорирование старых норм и правил, появление «новых» (большой части обществу непонятных, особенно на начальных этапах трансформации социума) – все это при определенных условиях негативно влияет на личность, ее ощущения и настроение. Поскольку из-за не сформировавшейся нормативной системы, четко не определенных ценностных ориентаций личность чувствует себя неуверенно, для нее отсутствует безопасность в социальных отношениях. По результатам социологического исследования, проведенного в январе-феврале 2008 г. в рамках научного проекта⁸ при участии автора статьи, большинство опрошенных жителей Волгоградской области выбрало вариант «ощущаю себя незащищенным в обществе» (табл. 1).

Таблица 1

Оценка ощущения безопасности своего существования (по Волгоградской области)

Вариант ответа	% от числа опрошенных
Чувствую себя в безопасности	24,1
Ощущаю себя незащищенным в обществе	51,8
Затрудняюсь ответить	22
Отказ	2,1

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что больше половины респондентов не чувствуют себя в безопасности. Это влечет за собой напряженность, появляется ощущение неудовлетворенности существующим социальным порядком. Стабильность – то, без чего невозможно представить

себе перспективное развитие общества, – является одной из наиболее значимых целей и ценностей как для властвующего режима, так и для социума в целом. Современную социально-политическую ситуацию в качестве «нестабильной» оценили более 50% опрошенных волгоградцев (табл. 2).

Таблица 2
Оценка респондентами современной социально-политической ситуации в России (по Волгоградской области)

Вариант ответа	% от числа опрошенных
Устойчивое развитие	10,8
Стабильность	25,9
Нестабильность	50,2
Кризис	8,1
Затрудняюсь ответить	5
Отказ	0

41% респондентов считает, что «жизнь немного улучшилась» и 10% – «существенно улучшилась». Как видно из результатов социологического исследования, население Волго-

градского региона представляет себе российское общество динамично развивающимся, постоянно изменяющимся. Об этом свидетельствуют данные табл. 3.

Таблица 3
Оценка степени изменения жизни населения за последние 2–3 года (по Волгоградской области)

Характер ответа	% от числа опрошенных
Существенно улучшилась	10
Немного улучшилась	41,3
Осталась без изменений	12,7
Стала несколько более сложной	25,8
Значительно осложнилась	10,2
Затрудняюсь ответить	0

Больше половины респондентов (55,5%) отмечают увеличение числа антисоциальных явлений, что представляет угрозу обществу, способствует распространению девиаций. Постоянное увеличение количества девиаций – это признак нарастающего неблагополучия в обществе.

Как оценивает свою жизнь население всей России? Современная ситуация представляется привлекательной примерно только для каждого четвертого россиянина (27%)⁹, что не является позитивным и стабилизирующим показателем. Образ жизни как субкатегория социальных изменений жителей Волгоградской области в полной мере отражается в оценке своего социального настроения, самочувствия, ситуации в области, а также приоритетных проблем, которые волнуют рядовых граждан. Эмпирические данные по этим показателям образа жизни свидетельствуют о том, что за последние 2–3 года чувство стабильности и социального удовлетворения от условий жизнедеятельности у наших граждан не сформировалось¹⁰. В целом российское общество оценивает

современную ситуацию как «нестабильную». Каковы причины таких оценок?

На рубеже XX–XXI в. произошли коренные изменения во всех сферах общественной жизни, что отразилось на социальных настроениях населения. Если наблюдается возрастание ожиданий и снижаются реальные возможности достижения благ, то в обществе имеет место феномен относительной депривации. В 90-е гг. XX в. большинство населения не имело реальной возможности для достижения основополагающих благ и услуг. Большая часть населения и в настоящее время не может приобрести жилья, все-сторонне пользоваться медицинскими услугами, иметь «достойную» заработную плату. В связи с переходом в новое информационное общество с рыночными отношениями экспектации возрастают, а возможности для приобретения благ либо уменьшаются, либо остаются прежними. И это выступало и имеет место в настоящее время в качестве предрасполагающих факторов различных девиаций, которые являются показателем

деорганизованного общества. Маргинализация, отклоняющаяся социализация, отчуждение личности являются следствием трансформации российского общества. Степень социальной отчужденности зависит от соотношения между личностной неуверенностью в достижении целей, способах их достижения и ценностными возможностями. Последнее десятилетие прошлого века – это период деидеологизации российского общества, трансформации его социальной структуры, деформации старых традиционных институтов и появления новых, разрушения социальных стандартов, управляющих поведением индивидов. За незначительный по временным рамкам период российское общество перешло к рыночным отношениям, следствием чего является приобретение новых, потребительских, финансовых ценностей.

Т. Гарр выделяет убывающую, устремленную и прогрессивную депривации. Убывающая депривация характерна для общества, где групповые ценностные экспектации остаются относительно постоянными, а ценностные возможности воспринимаются людьми как снижающиеся. Обществу, в котором возможности относительно статичны, в то время как экспектации возрастают, соответствует устремленная депривация. Прогрессивная депривация имеет место там, где наблюдается существенное и одновременное возрастание экспектаций и снижение возможностей. Возрастают ожидания, в то время как реальные возможности для достижения этих экспектаций воспринимаются снижающимися либо остающимися на прежнем уровне¹¹.

Прогрессивная депривация как способ нарушения равновесия характерна для современной России, сущность которой заключается в следующем: расширяются социальные и экономические горизонты, увеличивается степень экспектаций у населения, при этом большая часть российского общества не имеет реальной возможности их приобрести. Феномен депривации характерен для нестабильных обществ, развивающихся в условиях социального хаоса. Л. Бляхером он представляется в качестве специфического состояния социальной реальности «между двумя устойчивыми социальными системами, когда одна из них уже разрушена, а другая еще не создана»¹². Личность, погруженная в социальный хаос, стремится компенсировать лишенность. Она ищет группу, в которой возможно «обретение желательной статусной ренты, воссоздание наглядности картины мира. Такая разнонаправленная коммуникация-поиск составляет пространство социального хаоса»¹³. Если в стабильном обществе «смысловые постройку» принимаются личностью как собственные, то социальный хаос предоставляет большой выбор, новые социальные смыслы. Это служит источником разнонаправленных жизненных практик, всевозможных движений, виртуальных социальных образований. В обществе нет согласия относительно базовых ценностей, риск

становится постепенно нормой повседневной жизни, а безопасность – основным ориентиром деятельности социальных акторов. Иными словами, современное российское общество следует трактовать как общество всеобщего риска¹⁴, что и подтверждают эмпирические данные.

Таким образом, в последние десятилетия социально-экономические и политические реформы повлекли за собой снижение экономической стабильности и безопасности в российском обществе. Это привело к увеличению разрыва между желаниями и возможностями индивидов, а в итоге – к снижению общего уровня удовлетворенности различными аспектами жизненной ситуации и жизнью в конкретной стране в целом, чем и объясняется наличие в российском обществе феномена прогрессивной депривации.

Примечания

- 1 Гарр Т. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. С. 51.
- 2 Там же. С. 52.
- 3 Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1 (А-О) / Пер. с англ. М.: Вече; АСТ, 2001. С. 534.
- 4 Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 2005. С. 143.
- 5 Там же. С. 135.
- 6 Гарр Т. Указ. соч. С. 51.
- 7 Там же. С. 52.
- 8 В Волгоградской области исследование выполнялось при поддержке РГНФ (проект № 070320305 а/В) авторской группой кафедры политологии ВолгГТУ при участии автора, полевой этап исследования проходил в январе-феврале 2008 г., $n = 2000$ – Волгоградская область. Выборка стратифицированная, квотируемая. Квотирование производилось по признакам «пол», «возраст». Максимальная статистическая погрешность для Волгоградской области составляет 2,16%.
- 9 См.: Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя. Исследование выполнено рабочей группой ИКСИ РАН в составе: М.К. Горшков, В.В. Петухов, Е.Н. Кофанова, Е.И. Пахомова, Н.И. Седов, Ф.Э. Шереги // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 35.
- 10 См.: Байдалова О.В. Образ жизни как индикатор демократических реформ постсоветской России: региональный аспект // Общественные отношения и права человека на Юге России: история, современность и перспективы: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2006. С. 254.
- 11 См.: Гарр Т. Указ. соч. С. 84.
- 12 Бляхер Л.Е. Указ. соч. С. 19.
- 13 Там же. С. 8.
- 14 См.: Яницкий О.Н. Россия как общество всеобщего риска // Социология и общество. Труды Первого всерос. социол. конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» / Под ред. В.В. Васильковой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. СПб.: Социол. о-во им. М.М. Ковалевского, 2002. С. 10.

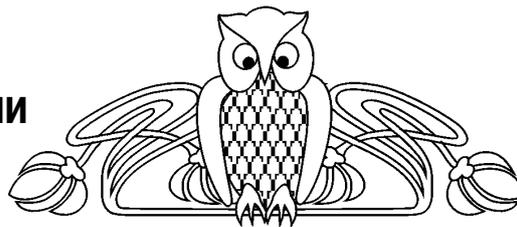

УДК 316.354.2

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

М.Б. Перфильева

Санкт-Петербургский государственный
инженерно-экономический университет
E-mail: pmb05@list.ru

Управление качеством требует новых подходов в управлении персоналом. Концепция управления человеческими ресурсами рассматривает персонал как главный стратегический ресурс организации и определяет новые способы управления им. Практика использования этой концепции открывает возможность изменить в лучшую сторону качество человеческого труда, превратив его не только в деятельность, приносящую человеку средства к существованию, но и в способ его самоактуализации.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, качество трудовой жизни, гуманизация труда.

Formation of Concept Human Resources Management

M.B. Perfiljeva

Quality management demands new approaches in management of the personnel. The concept «managements of human resources» considers the personnel as the main strategic resource of the organization and defines new ways of management of it. Practice of use of this concept opens possibility to change to the best quality of human work, having transformed it into the activity, bringing to the person not only means of subsistence, but also a way of its self-actualization.

Key words: human resources management, quality of a working life, work humanization.

Введение

Сложившийся в настоящее время подход в управлении персоналом исходит из того, что следует различать два понятия¹ – «управление кадрами» и «управление человеческими ресурсами». Первое отражает историческое прошлое и классический технократический подход, второе – настоящее науку управления персоналом и современный гуманистический подход к управлению работниками. Классический подход характеризуется отношением к людям как «винтикам» с ориентацией на авторитарный стиль руководства, требованием безусловного подчинения работников руководству и трудовым операциям, стремлением к минимизации затрат на привлечение и повышение квалификации кадров, а также на решение социальных вопросов, использованием преимущественно прямых стимулов (среди которых значительное место занимают денежные), индивидуальной организацией труда и его жесткой регламентацией, сосредоточенностью кадровых служб исключительно на «бумажной» работе, не выходящей за рамки фиксации процессов найма, перемещения и увольнения, планирования

потребности в кадрах в соответствии с заданиями производственных планов. Все управление персоналом в этих условиях сосредоточивается в отделе кадров и направлено на то, чтобы обеспечить наличие нужных людей в нужное время в нужном месте, а также освобождение от ненужного персонала. Здесь не рассматривались вопросы ни о качестве рабочей силы, ни о качестве трудовой жизни, в управлении господствовала ориентация на производительность, эффективность труда человека.

Это объясняется тем, что в XIX–XX вв., в эпоху *индустриализма*, управление персоналом выражалось формулой «*эффективность труда*». И труд оценивался прежде всего с точки зрения увеличения количества произведенной продукции и минимизации затрат на нее (производительности и рентабельности). Подчеркнем, в индустриальную эпоху выигрывал и захватывал рынок тот, кто отличался более высокой эффективностью, то есть меньшими затратами и возможностью выпустить за короткий период столько продукции, сколько требуется, чтобы удовлетворить запросы потребителя раньше конкурентов. Соответственно и управление персоналом было ориентировано на рост эффективности человеческого труда: больше сделал, больше получил. Нельзя отрицать, что вопросы качества продукции не интересовали производителей, но только в той мере, насколько это «качество» давало преимущество перед конкурентами.

Именно в индустриальную эпоху сложились механизмы управления трудом, основанные, с одной стороны, на моделях эффективной организации труда, а с другой – на постоянном совершенствовании методов стимулирования труда, которые должны были мотивировать работника трудиться производительно и с высокой отдачей. Оба эти механизма обеспечивали рост эффективности труда. Таким образом, работник должен работать, подчиняясь жестко заданным параметрам производства, при этом под влиянием стимулов увеличивать свою производительность. В ориентации на эффективность и заключается суть *технократического* подхода, который в сфере управления людьми обозначался как *управление кадрами*.

Однако на рынке с высокой плотностью конкурентов главным преимуществом оказываются не столько высокая производительность и

низкие затраты (так как и производительность, и рентабельность бессмысленны на затоваренных рынках), но и способность предложить потребителям качественный товар (товар, обладающий таким набором свойств, которых ожидают потребители). Поэтому производительность в определенной мере утрачивает свое значение, но начинает играть важную роль участие работника (от рабочего до инженера) в постоянном совершенствовании параметров производственной деятельности. Для производства качественной продукции необходимы, как минимум, два взаимодополняющих процесса, которые должен осуществлять работник: во-первых, строгое подчинение нормам производства; во-вторых, интеллектуальный поиск способов совершенствования продукции и участие в совершенствовании технологии производства.

Если четкого подчинения производственным нормам можно добиться при помощи использования отлаженных способов стимулирования, опирающихся на количественную оценку результатов труда, то необходимость активного квалифицированного участия в процессе производства ставит новую проблему – как побудить работника искать и внедрять то, что способствует совершенствованию качества продукции (отметим, что такие действия работника обычно снижают количественные показатели его трудовой деятельности). Таким образом, к концу XX в. возникла проблема, требующая создания таких методов управления трудом, которые должны мотивировать работника на создание качественной продукции. А это, с одной стороны, предполагает дальнейшее совершенствование организации труда, а с другой – принципиально иной тип мотивации работника, мотивации не стимулом (по формуле «больше сделал, больше получил»), а с помощью создания таких условий, которые пробуждают интерес работника к созданию качественного продукта (в некоторых случаях, может быть, и в ущерб производительности). Эти обе стороны характеризуют новый подход к управлению трудом – *управление человеческими ресурсами*.

Предпосылки зарождения концепции управления человеческими ресурсами

Исходя из того что «управление человеческими ресурсами» предполагает два взаимосвязанных процесса – организацию труда и мотивацию работников, – раскроем содержание рассматриваемой концепции через сопоставление ее с «технократическим» подходом.

Организация труда тесно связана с условиями и содержанием труда. Поэтому различают организацию труда в техническом смысле и в социальном. В техническом смысле под организацией труда, рассматривая ее как некую *технологию*, следует понимать определенную систему труда,

имеющую свою структуру, сложившийся способ и порядок действий, который обеспечивает соединение живого (человек) и овеществленного (оборудование) труда. Организация труда определяет, рационально или нет соединяется работник с орудиями труда.

Между тем организация труда предполагает и *социальный смысл*, исходя из которого под организацией труда надо понимать то, насколько средства, предмет и процесс труда соответствуют ожиданиям и ценностям работника, способствует или нет данное рабочее место росту квалификации и профессионализма, повышению удовлетворенности и мотивации, развитию межличностных отношений.

В техническом смысле «организация труда»² подразумевает три ключевых компонента: во-первых, разделение труда (специализацию); во-вторых, кооперацию труда (функциональную взаимосвязь работников) и распределение работ (заданий); в-третьих, контроль за их исполнением (штрафные санкции, нормы и регламенты – технологические и юридические). Различное сочетание этих компонентов порождает различные формы организации труда. Одна из них, наиболее распространенная в XX в., предполагала:

- узкую специализацию,
- выполнение одной или двух операций,
- детальный контроль,
- ограниченную кооперацию с другими работниками,
- высокую интенсивность,
- однообразие труда.

Эта форма и именуется *технократической организацией труда*. Часто ее называют еще *тейлоризмом*. Именно данная форма обеспечивает эффективность труда.

В отличие от нее *современная (новая) форма организации труда* учитывает роль как человеческого фактора, так и социально-психологических отношений. Учет и управление этими факторами способствуют повышению производительности труда, обеспечивают оптимальное распределение рабочей силы, способствуют рационализации рабочих мест, а также положительно влияют на мотивацию работников. Данные методы призваны сократить монотонность, повысить удовлетворенность работой и одновременно производительность труда. Исходя из этого в современных условиях совершенствование организации труда включает две важнейшие стратегии управления персоналом и технологиями: 1) рационализацию труда, при которой изменяется его технология; 2) качество труда, когда изменяется его содержание и отношение работников к труду.

Важным шагом вперед, обеспечившим переход от «технократического» подхода к «управлению человеческими ресурсами», явилась сформировавшаяся и получившая в середине 70-х гг. XX в. в США широкое распространение концепция «*качества трудовой жизни*»³.

Суть этой концепции заключается в установлении прямой связи между уровнем производительности труда, степенью самореализации человека в профессиональной деятельности и удовлетворением его личных потребностей на данном предприятии. Смысл концепции качества трудовой жизни – в совершенствовании трудовой мотивации, обеспечении разнообразия и обогащения содержания труда, полном использовании интеллектуального, творческого и нравственного потенциала работников. Система КТЖ (качество трудовой жизни) включает в себя комплекс таких ценностных ориентиров, как:

- *самоактуализация* в профессиональной деятельности – организация должна создать реальные условия, открывающие возможность работнику использовать и развивать свои способности;

- *перспектива роста* – поддержание у работника уверенности в благоприятной для него трудовой деятельности, перспективе профессионального роста и служебного продвижения;

- *справедливое вознаграждение за работу* – оплата работы соответствует принятым в стране стандартам достатка, дифференцированная оплата с учетом сложности и значимости различных видов работы;

- *безопасность* – обеспечение безопасных и здоровых условий труда;

- *социальная защищенность* – работник должен быть уверен в «завтрашнем дне», в том, что не снизится его уровень жизни, он не потеряет работу, не утратит своих законных прав, будет защищен от произвола администрации и вмешательства в частную жизнь;

- *морально-психологическая атмосфера* – психологический климат в организации, благоприятный для установления нормальных межличностных отношений на основе взаимопонимания и доверия, для расширения производственной демократии и социального партнерства;

- *общественная значимость организации* – источник гордости работника, его уверенности в том, что его дело, выполняемое наилучшим образом, полезно и нужно для общества;

- *оптимальность труда* – труд не является препятствием для досуга и отдыха, личностного роста и семейных отношений работника.

Важнейшими инструментами социальной деятельности компании, основанной на концепции качества трудовой жизни, влияющими на успех компании, являются:

- вовлечение персонала в управление (как один из способов усиления сопричастности в делах фирмы);

- соглашения об участии в прибыли (такие соглашения заключены примерно с 20% рабочих и служащих).

В нашей стране мы можем выделить два направления, которые приближали возникновение концепции человеческих ресурсов. Первый этап –

подходы к научной организации труда в 1920-е гг. Второй – государственная социалистическая политика в трудовой сфере (государственное управление социальным развитием предприятий).

Первые шаги по изучению научной организации труда и социального управления обычно связываются с именами известных ученых А.К. Гастева и П.М. Керженцева, Н.А. Витке и ряда других. Они убедительно доказали, что эффективное развитие производства обеспечивается не только путем улучшения процесса использования предметов и орудий труда, но и такими факторами, как навыки, опыт, подготовка, сноровка работника, культура людей, их сознательное отношение к делу и удовлетворенность работой, создание в трудовых коллективах благоприятной социально-психологической атмосферы.

Отечественная практика управления процессами социального развития организаций имеет богатую историю и опыт. С первых лет советской власти одно из главных направлений деятельности государства заключалось в удовлетворении минимально необходимых потребностей населения в питании, жилье, топливе и одежде. Именно в этот период были заложены основные принципы социальной деятельности организаций в России. При этом необходимо отметить, что эти принципы в значительной мере опирались на лучший опыт социальной деятельности дореволюционных предприятий.

При этом необходимо признать, что социальная деятельность предприятий в Советском Союзе не всегда согласовывалась с принципом эффективности и экономической целесообразности. Но это не исключало того, что совершенствование социальных условий на предприятиях становилось фактором трудовой активности персонала.

Во второй половине XX в. усилиями выдающихся ученых Л.И. Абалкина, А.Г. Аганбегяна, Н.А. Аитова, О.И. Волкова, Т.И. Заславской, Д.А. Керимова, Л.Н. Когана, Н.И. Лапина, Ю.Л. Неймера, В.Р. Полозова, Г.Б. Поляка, М.Н. Руткевича, А.И. Татаркина, О.И. Шкаратана и многих других был накоплен и претворен в практику богатейший опыт управления социальным развитием коллективов организаций⁴.

Однако современные условия деятельности организаций существенным образом отличаются от прошлого и в этой связи требуют глубокого теоретического и практического переосмысления с учетом того, что современную организацию следует рассматривать с точки зрения как производственно-хозяйственной, так и социальной сферы.

Взгляд на то, что современная организация не может существовать без социальной сферы, особенно важно учитывать, понимая, что цели организации и цели личности не совпадают – это убедительно доказал в свое время Ю. Хабермас, дав детальный анализ противопоставления социальной системы (в данном случае организации)

и жизненного мира человека. По его мнению, любая система не предназначена для обеспечения существования своих элементов (в данном случае человека), а наоборот, элементы призваны обеспечивать существование системы⁵. Это подтверждает концепция этического строя, разработанная Н.Л. Захаровым⁶, в соответствии с которой организация задает личности определенные цели и нормы поведения (например, цель – производить качественную продукцию – и соответствующие этой цели нормы), отличные от собственных целей личности (например, приобрести машину, квартиру, дать ребенку хорошее образование) и норм поведения, естественно сложившихся в социальных группах (то есть «инструментальных» целей и норм личности). *Инструментальные цели и нормы* – это ориентиры благополучного существования личности. В разные эпохи они бывают различными, но для людей одной эпохи и одного социального страта они, как правило, одинаковы.

Однако личность стремится не только существовать, но и *жить*. Человек может успешно реализовать свои инструментальные цели, но при этом испытывать неудовлетворенность, потому что не может ответить для себя на вопрос «зачем я это делаю?», «в чем смысл моей деятельности?». Особенность человека в том, что он в состоянии определить для себя *жизненный смысл*, или *экзистенциальную цель* (например: «все, что я делаю – я делаю на благо своих детей» и т.п.). Реализация экзистенциальной цели предполагает следование или, по меньшей мере, ориентирование личности на *экзистенциальные нормы* – нормы высокоморального поведения, выработанные в соответствии с целью.

Особенность предшествующей индустриальной эпохи в том, что именно в этот период трудовая деятельность человека приобрела жизненный смысл и на своем завершающем этапе выработала способы самоактуализации личности. Возникли две основные мотивационные модели:

- *прагматическая*, нашедшая успешную реализацию в капиталистическом обществе (Западная Европа, Северная Америка, Австралия);
- *коммунистическая*, успешно реализованная в социалистическом обществе (Восточная Европа, Россия, Китай).

Особенность *прагматической* модели в том, что она ориентирует человека удовлетворять свои потребности, затем расширять их и снова удовлетворять. Человек мотивирован необходимостью удовлетворения личных потребностей (инструментальных целей). А возможность самоактуализации превращается в награду, но при этом становится весьма далеким и почти недостижимым идеалом. Зачастую сами экзистенциальные цели по своей сути являются общим выражением инструментальной цели («американская мечта», «иметь миллион»).

Коммунистическая модель мотивировала личность на достижение экзистенциальных

целей (которые были жестко определены для человека репрессивной и идеологической системой государств), игнорируя личные. Необходимо особенно подчеркнуть, что коммунистическая модель открывала человеку возможность самоактуализации именно в трудовой деятельности, что становилось мощным локомотивом развития всего общества. Вместе с тем нельзя утверждать, что в социалистическом обществе полностью игнорировались инструментальные цели человека. Игнорировались только те, которые были исключительно индивидуальными, личными. Так, планирование социального развития в организациях было направлено на весь коллектив в целом, обходя вниманием отдельного работника с его личными интересами.

Прагматическая модель задает личности «прокрустово ложе» человека-потребителя. Коммунистическая модель, построенная на принципе «раньше думай о Родине, а потом о себе», формирует «сознательную», «идейную» личность, у которой индивидуальные потребности сведены к нулю. Данные модели обеспечили успешное функционирование индустриального общества (в его капиталистической и социалистической вариациях), но становятся ограниченно применимыми в постиндустриальном мире (посткапиталистическом и постсоциалистическом) и практически неприменимы в следующем за постиндустриальным новым, информационном обществе.

Особенность нового, информационного общества заключается в том, что труд превращается из средства к существованию (способа достижения инструментальных целей) в способ жизнедеятельности и постоянной самоактуализации человека. Здесь мотивом становится не удовлетворение потребностей и не вера в светлое будущее, а *самоактуализация*, как способ реализации личностью своих интересов, творческого потенциала, стремления к развитию, в том числе и в профессиональной деятельности. Поэтому сами инструментальные цели личности начинают действовать как средства самоактуализации личности в профессиональной деятельности. В этой связи управление трудом человека должно быть направлено на создание в организации условий, которые: во-первых, становятся условием самоактуализации человека в профессиональной деятельности; во-вторых, служат катализатором синергии целей организации и инструментальных целей работника; в-третьих, становятся фактором повышения эффективности организации.

На сегодняшний день можно утверждать, что под влиянием «капиталистической» и «социалистической» моделей в современной мировой практике сложилось два основных подхода к управлению персоналом. Первый характерен преимущественно для «посткапиталистических» стран (как отмечалось, Западная Европа, Северная Америка, Австралия) – назовем этот подход за-

падным. Второй характерен для остальных стран, на которые оказывали влияние и социалистические идеи, и национальные традиции, к примеру Япония, Китай, некоторые страны Европы, в том числе и наша страна – Россия. Назовем этот подход восточным.

Западный подход наиболее ярко демонстрируют США. Так, например, в США характерно отсутствие жестких законодательных норм для фирм, предписывающих проведение каких-либо мероприятий социально-бытового характера или наличие каких-либо объектов социально-бытовой инфраструктуры в составе компании. Законодательно установлены лишь обязательные отчисления в систему социального и производственного страхования, часть которых идет за счет работников предприятий¹. Соответственно, в структуре удовлетворения потребностей работников компаний большее место занимают личные доходы, а также выплаты из общественных фондов, то есть государственного бюджета. Во многих западных странах осуществляются значительные отчисления в общественные фонды.

Восточный подход находит свое воплощение в тех странах, где роль государства и национальной традиции высока в определении стандартов социальных условий труда. Такой подход достаточно рельефно представлен в Японии, где социальная бытовая инфраструктура создается предприятиями, а значительная доля условий, которые на Западе обеспечиваются индивидуальным социальным страхованием (работник сам заботится о себе), обеспечивается корпоративным страхованием работников (данная функция выполняется специальными органами компаний).

Несмотря на отличие этих двух подходов, именно они легли в основу современной концепции управления человеческими ресурсами.

Ключевые концепты управления человеческими ресурсами

Необходимо отметить, что концепция управления человеческими ресурсами не отрицает классического (технократического) взгляда на управление трудом, но обогащает его. И это связано с тем, что сегодня коренным образом изменилась роль человека на производстве. Если прежде он рассматривался лишь как один из факторов производства, ничем не отличающийся от машин и оборудования, то ныне превратился в главный стратегический ресурс, достояние компании в конкурентной борьбе. Люди теперь рассматриваются не как кадры, а как «человеческие ресурсы», и их ценность как фактора успеха все время возрастает. Затраты, связанные с персоналом, рассматриваются уже не как досадные расходы, а как инвестиции в человеческий капитал – основной источник прибыли. Они направлены не только на улучшение

условий труда и вознаграждение работников, но и на создание комплекса условий, обеспечивающих их достойное существование и развитие, – организацию медицинского обслуживания, отдыха, занятий спортом, создание условий для развития творчества. В современных крупных западных фирмах стала постепенно складываться система *управления человеческими ресурсами*, заменяющая систему управления кадрами. Она призвана сыграть ключевую роль в обеспечении условий для конкурентоспособности и долгосрочного развития организации на основе регулирования отношений между ней и работниками в рамках стратегии бизнеса.

Таким образом, управление человеческими ресурсами направлено на решение принципиально новых, долгосрочных задач, повышение экономической и социальной эффективности работы организации, поддержание ее баланса со средой. А это предполагает, что социальная деятельность администрации предприятий нуждается в сотрудничестве с наемными работниками. Поэтому управление человеческими ресурсами возможно только на основе социального партнерства. Такое партнерство осуществляется на двусторонней основе, преимущественно в форме коллективных договоров между организациями и трудовыми коллективами. Правовой основой социального партнерства в России являются Трудовой кодекс Российской Федерации и Закон РФ от 11 марта 1992 г. «О коллективных договорах и соглашениях». В коллективном договоре конкретной организации могут содержаться трудовые и социально-экономические условия, более льготные по сравнению с нормами и положениями, установленными законодательством (дополнительные отпуска, надбавки к пенсии, компенсация транспортных и командировочных расходов, бесплатное или частично оплачиваемое питание работников на производстве и их детей в школах и дошкольных учреждениях, иные дополнительные льготы и компенсации).

Со временем социальное партнерство претерпело изменения, а в 70–80-х гг. XIX в. проявился кризис сотрудничества при рассмотрении и решении социально-трудовых проблем. Однако после острых дискуссий, забастовок страсти поулеглись и начал утверждаться «новый консенсус». Подверглись пересмотру формы сотрудничества, в частности трипартизм. Это выразилось в ослаблении роли общенациональных и отраслевых соглашений, смещении центра тяжести коллективных договоренностей на уровень предприятий. В трудовых отношениях возросло значение индивидуального контракта, что, наряду с другими условиями, способствовало формированию концепции **гуманизации труда**. Суть этой концепции заключается в том, что *организация должна стремиться* к наиболее полному использованию производительных резервов человека, особенно интеллектуальных и психологических.

Гуманизация труда² – это совершенствование управления трудовой деятельностью с целью раскрытия работником своих производительных резервов, прежде всего интеллектуальных и психологических. Миссия гуманизации труда включает в себя четыре идеальные ценности:

безопасность – работник на рабочем месте не должен ощущать угрозы своему здоровью, доходам, обеспеченности работой в будущем и т.д.;

справедливость – доля каждого, выраженная в доходе, должна соответствовать доле его вклада в достижения организации, поэтому администрация не в праве назначать себе слишком большие оклады, работник должен иметь возможность участвовать в доходах компании, оплата труда должна быть ориентирована на производительный (количественный) показатель трудового участия, а не на квалификационные (качественные) показатели;

самоактуализация личности – труд должен быть организован таким образом, чтобы обеспечить раскрытие в профессиональной деятельности индивидуальных особенностей работника;

социальное партнерство – отмена жесткой иерархии в построении административного аппарата, самоуправление автономных групп и участие работников в распределении прибыли и в инвестиционной политике.

Осуществляется гуманизация труда на основе улучшения условий труда, отдыха, взаимоотношений в коллективе, форм и размера оплаты труда и других способов, непосредственно влияющих на характер отношений в организации.

В целом необходимо отметить, что главная миссия современного управления, основанного на принципах гуманизации труда, – формирование условий для самореализации работника в профессиональной деятельности. Такое управление включает в себя ряд функций³:

- **первое** – базой благосостояния людей, повышения их жизненного уровня является эффективная экономика, что одинаково верно и в отношении народного хозяйства страны в целом, и применительно к результатам коммерческой деятельности отдельно взятой организации (предприятия);

- **второе** – определяющим условием коммерческого успеха является не столько ресурсный потенциал организации и форма собственности, сколько востребованность обществом, потребителем продукции (товаров и услуг), производимой частной фирмой, акционерным обществом, государственным или муниципальным предприятием, ее спрос на рынке, приносящий хорошую прибыль;

- **третье** – эффективное функционирование и конкурентоспособность организации в решающей степени обеспечиваются ее персоналом, скоординированными усилиями людей, объединенных общими интересами и делом;

- **четвертое** – высокая отдача совместного труда достигается умелым управлением всеми

сторонами развития организации, включая и постоянное обучение персонала, поощрение его самостоятельности, ответственности, появление заслуженной гордости за свою фирму;

- **пятое** – важны, конечно же, настрой работников, благожелательная морально-психологическая атмосфера, уверенность каждого в своей защищенности от социальных и профессиональных рисков, убеждение в том, что его вклад в достижение целей предприятия, инициатива и усердная работа получают признание, справедливую оценку, достойное вознаграждение.

Таким образом, *гуманизация труда* представляет собой главный социальный ориентир в деятельности организаций, достижение которого возможно путем совершенствования *качества трудовой жизни* на основе *социального партнерства*.

Качество трудовой жизни обычно понимается как баланс между двумя «фазовыми» состояниями ее сотрудников – состоянием присутствия на работе (реальным и психологическим) и состоянием «вне работы». Наемные работники в большинстве своем «продают» организации часть собственного времени, в течение которого наниматель старается максимизировать использование их интеллектуальных и физических ресурсов. Но рабочий день заканчивается и наступает время, когда люди имеют возможность заняться собой. Если баланс между этими состояниями не нарушен – мы имеем дело с высоким качеством трудовой жизни, а система «человек – организация» обладает признаками устойчивости и надежности. Нет баланса – качество низкое, система нефункциональна и малоустойчива.

Исследования показывают типичный комплекс факторов, негативно влияющих на качество трудовой жизни⁴:

- *во-первых*, стресс;
- *во-вторых*, неспособность контролировать собственную жизнь, постоянно присутствующая необходимость корректировать свои поступки и планы из-за изменения обстоятельств у кого-то другого и бесконечного форсмажора;
- *в-третьих*, ограниченные возможности для развития – как профессионального, так и личного;
- *в-четвертых*, отсутствие возможности рефлексии.

Именно *качество трудовой жизни* является «фундаментом» для построения системы мотивирования сотрудников на создание качественного продукта, что предполагает стремление работника не только к действиям в соответствии с заданной технологией производства, но и к совершенствованию этой технологии.

А «строительным материалом» качества трудовой жизни служат корпоративные ценности, являющиеся одним из важнейших факторов эффективности работы компании. В том случае, если собственная система целей и ценностей работника по своему содержанию идентична или

близка корпоративной, его трудовой потенциал реализуется полно и эффективно. Постоянно продлевающее само себя состояние «на работе» в этой ситуации не только не вызывает негативных переживаний, но становится смыслообразующим фактором жизни в целом.

Напротив, в условиях, когда системы личностных и корпоративных ценностей не совпадают, работник оказывается в ситуации параллельного строительства двух конкурирующих одна с другой реальностей. Не принимаемая до конца корпоративная реальность уравнивается системой личностных ориентиров и ценностей.

Для предприятий *качество трудовой жизни* – это один из важнейших ресурсов, напрямую связанный с мотивационной составляющей организационного поведения. Предприятие платит за этот ресурс, предоставляя работнику возможность реализовать его личностные цели, но при этом достигать целей предприятия.

С приближением общества к новой, информационной эпохе существенно возрастает роль личности во всех сферах жизнедеятельности. Личность становится активно действующим субъектом новых общественных отношений, а значит, и субъектом социального планирования на всех уровнях, в том числе и на уровне организаций. Неслучайно центр тяжести совершенствования экономических отношений смещается в сторону социальных ориентиров, а существование и успешность организации зависят от развития целостной системы активизации человеческой деятельности. Решение социальных задач при правильном подходе может способствовать успешному управлению человеческими ресурсами, что определенно скажется на улучшении показателей производственно-хозяйственной деятельности и достижении целей организации.

В целом управление человеческими ресурсами – это существенная составляющая управления организацией, обеспечивающая эффективность и качество трудовой деятельности этой организации. Управление человеческими ресурсами имеет цель – гуманизацию труда. Движение к данной цели начинается с высокотехнологичной организации труда при постоянном совершенствовании качества трудовой жизни.

Заключение

Концепция управления человеческими ресурсами сложилась как новый подход к управлению персоналом и производством вообще. Переход от принципа эффективности труда к принципу качества, новые требования к характеру труда, изменение роли человека в процессе труда обусловили изменение системы управления человеком в процессе производства и методов такого управления. В современных условиях персонал превратился в главный стратегический ресурс,

основную ценность и основной источник прибыли организации, что потребовало пересмотра всей системы работы с ним.

Труд, ориентированный на создание качественного продукта и предполагающий активную адаптацию работника к динамично изменяющейся среде, требует создания таких условий, которые позволили бы раскрыть его производительные резервы. Общая система социальных условий, определяющих качество труда персонала и его мотивационный настрой на самоактуализацию в профессиональной деятельности, определена в концепциях качества трудовой жизни и гуманизации труда и предполагает не только совершенствование условий труда, но и изменение содержания выполняемой работы, обеспечение широкого участия работников в управлении, установление справедливого вознаграждения, в целом формирование возможностей удовлетворения основных их потребностей.

Таким образом, концепция управления человеческими ресурсами, с одной стороны, предполагает развитие технологии организации труда, предполагающей рационализацию, производительность, рентабельность и четкую трудовую дисциплину. С другой стороны, управление человеческими ресурсами, исходя из осознания четкой связи между уровнем производительности труда, степенью самореализации человека в профессиональной деятельности и удовлетворением его личных потребностей на данном предприятии, нацелено на развитие и управление социальной сферой труда.

На основании существующей практики деятельности организаций и рассмотренных научных подходов можно выделить следующие составляющие управления человеческими ресурсами:

- 1) подбор персонала и обеспечение работой адекватно профессиональным задачам и в соответствии со способностями и возможностями работников;
- 2) наличие у сотрудников возможности контролировать ключевые процессы выполнения своих обязанностей, возможность ими оценивать ситуацию, действовать и принимать решение;
- 3) участие сотрудников в постановке целей и их вовлеченность в процесс согласования целей;
- 4) открытость и доступность информации о целях, миссии, стратегических задачах и финансовых обязательствах организации, ее подразделений;
- 5) управление корпоративной культурой для создания оптимального мотивационного климата;
- 6) разработка и реализация мотивационной программы, содержащей четкие критерии оплаты, вознаграждения, компенсации за труд (в которой установлена адекватная корреляция между трудовыми усилиями, трудовыми результатами и нормами справедливости, принятыми в трудовом коллективе);
- 7) открытые маршруты перспектив профессионального и должностного роста работников;

8) удовлетворительный морально-психологический климат в трудовом коллективе;

9) систематическое обучение персонала.

Специфика функционирования современных организаций заключается в том, что они осуществляют свою деятельность в условиях формирования социальноориентированной рыночной экономики, поэтому управление человеческими ресурсами приобретает значение одной из основных стратегий, задачей которой является выявление и удовлетворение потребностей и ожиданий заинтересованных в деятельности предприятия групп людей – собственников, наемных работников, государственных и местных органов власти, а также представителей различных неформальных движений и организаций.

С этой точки зрения целесообразно: во-первых, проводить не только анализ состояния социальных условий в организации, но и мониторинг воздействия внешних социальных факторов; во-вторых, учитывая зарубежный опыт участия фирмы в решении социальных проблем работников и общества в зависимости от размеров прибыльности фирмы, следует выявить уровни социальных стратегий, которые могут и должны быть решены организацией, в первую очередь под давлением законодательных актов, принятых российским законодательством. Это касается вопросов оплаты труда и производственных условий, оговариваемых в трудовых контрактах и коллективных договорах, которые обычно заключаются между работодателем, работником и профсоюзом. Особенно актуальна проработка таких социальных нормативов на предприятиях

с принятием соответствующих законодательных актов на российском и региональном уровне.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Веснин В.Р.* Менеджмент. М.: Проспект, 2009. 512 с.; *Кравченко А.И.* История менеджмента. М.: Академ-Проект, 2008. С. 556; *Кибанов А.Я., Дуракова И.Б.* Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интернационализация. М.: ИНФРА-М, 2007. 301 с.
- ² См.: *Кибанов А.Я., Дуракова И.Б.* Указ. соч.
- ³ См.: *Ворожейкин И.Е.* Управление социальным развитием организации. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 56.
- ⁴ См.: *Социология в России: Учеб. пособие / Под ред. В.А. Ядова.* М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 137.
- ⁵ См.: *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Структуры и институты. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 122–135.
- ⁶ См.: *Захаров Н.Л.* Организационное поведение государственного служащего. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 63–80.
- ⁷ См.: *Ветрова Н.С.* Финансирование социальных программ в странах Запада. М.: Наука, 1993. 144 с.
- ⁸ См.: *Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л.* Управление социальным развитием организации. М.: ИНФРА-М, 2010. 263 с.
- ⁹ Там же. С. 9–10.
- ¹⁰ См.: *Шекина С.В.* Управление персоналом современной организации. М.: ЗАО Бизнес-школа «Интел-синтез», 2006. С. 46–60.

Слово молодым социологам

УДК 316.334.3(470+571)

ПУБЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЕГО ИМИДЖА

С.В. Кузьмина

Саратовский государственный университет
E-mail: kuzmina-s-v@yandex.ru

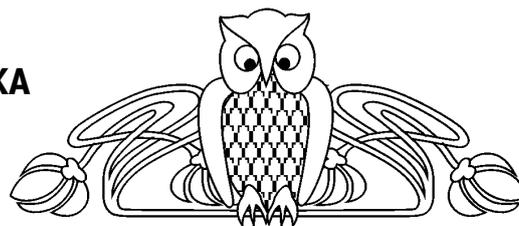
Данная статья посвящена социологическому анализу одного из факторов формирования имиджа современного политика. В ней рассматриваются вербальные и невербальные компоненты выступления оратора и то влияние, которое они оказывают на имидж политического деятеля.

Ключевые слова: политик, оратор, речь, вербальная и невербальная сфера, имидж.

Politician's Public Speech as a Factor of his Image Forming

S.V. Kuzmina

This article is devoted to sociological analysis of one of the factors of modern politician's image forming. It considers verbal and non-verbal

components of orator's speech and the influence which they have on politician's image.

Key words: politician, orator, speech, verbal and non-verbal sphere, image.

В наши дни большое внимание привлекает тема о мастерстве публичного выступления. Свободно владеющий речью человек с легкостью завоевывает уважение окружающих, вызывает их интерес, запоминается. С таким человеком приятно общаться, его интересно слушать, он может влиять на мнение других людей.

Речь политика без преувеличения можно назвать важнейшим инструментом его профес-

8) удовлетворительный морально-психологический климат в трудовом коллективе;

9) систематическое обучение персонала.

Специфика функционирования современных организаций заключается в том, что они осуществляют свою деятельность в условиях формирования социальноориентированной рыночной экономики, поэтому управление человеческими ресурсами приобретает значение одной из основных стратегий, задачей которой является выявление и удовлетворение потребностей и ожиданий заинтересованных в деятельности предприятия групп людей – собственников, наемных работников, государственных и местных органов власти, а также представителей различных неформальных движений и организаций.

С этой точки зрения целесообразно: во-первых, проводить не только анализ состояния социальных условий в организации, но и мониторинг воздействия внешних социальных факторов; во-вторых, учитывая зарубежный опыт участия фирмы в решении социальных проблем работников и общества в зависимости от размеров прибыльности фирмы, следует выявить уровни социальных стратегий, которые могут и должны быть решены организацией, в первую очередь под давлением законодательных актов, принятых российским законодательством. Это касается вопросов оплаты труда и производственных условий, оговариваемых в трудовых контрактах и коллективных договорах, которые обычно заключаются между работодателем, работником и профсоюзом. Особенно актуальна проработка таких социальных нормативов на предприятиях

с принятием соответствующих законодательных актов на российском и региональном уровне.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Веснин В.Р.* Менеджмент. М.: Проспект, 2009. 512 с.; *Кравченко А.И.* История менеджмента. М.: Академ-Проект, 2008. С. 556; *Кибанов А.Я., Дуракова И.Б.* Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интернационализация. М.: ИНФРА-М, 2007. 301 с.
- ² См.: *Кибанов А.Я., Дуракова И.Б.* Указ. соч.
- ³ См.: *Ворожейкин И.Е.* Управление социальным развитием организации. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 56.
- ⁴ См.: *Социология в России: Учеб. пособие / Под ред. В.А. Ядова.* М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 137.
- ⁵ См.: *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Структуры и институты. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 122–135.
- ⁶ См.: *Захаров Н.Л.* Организационное поведение государственного служащего. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 63–80.
- ⁷ См.: *Ветрова Н.С.* Финансирование социальных программ в странах Запада. М.: Наука, 1993. 144 с.
- ⁸ См.: *Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л.* Управление социальным развитием организации. М.: ИНФРА-М, 2010. 263 с.
- ⁹ Там же. С. 9–10.
- ¹⁰ См.: *Шекина С.В.* Управление персоналом современной организации. М.: ЗАО Бизнес-школа «Интел-синтез», 2006. С. 46–60.

Слово молодым социологам

УДК 316.334.3(470+571)

ПУБЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЕГО ИМИДЖА

С.В. Кузьмина

Саратовский государственный университет
E-mail: kuzmina-s-v@yandex.ru

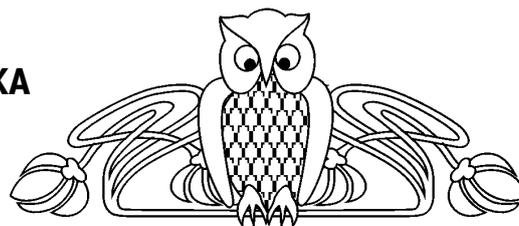
Данная статья посвящена социологическому анализу одного из факторов формирования имиджа современного политика. В ней рассматриваются вербальные и невербальные компоненты выступления оратора и то влияние, которое они оказывают на имидж политического деятеля.

Ключевые слова: политик, оратор, речь, вербальная и невербальная сфера, имидж.

Politician's Public Speech as a Factor of his Image Forming

S.V. Kuzmina

This article is devoted to sociological analysis of one of the factors of modern politician's image forming. It considers verbal and non-verbal

components of orator's speech and the influence which they have on politician's image.

Key words: politician, orator, speech, verbal and non-verbal sphere, image.

В наши дни большое внимание привлекает тема о мастерстве публичного выступления. Свободно владеющий речью человек с легкостью завоевывает уважение окружающих, вызывает их интерес, запоминается. С таким человеком приятно общаться, его интересно слушать, он может влиять на мнение других людей.

Речь политика без преувеличения можно назвать важнейшим инструментом его профес-

сиональной деятельности: это средство пропаганды и защиты собственной политической позиции, борьбы с политическими оппонентами, убеждения народных масс и т.п. Безусловно, ум, политическая дальновидность, эрудированность, опытность – все это важно и необходимо для политика, но эти качества, в конечном итоге, выражаются в речи политического деятеля. Все выдающиеся политики достигли своих высот благодаря умению убеждать, внушать уверенность в своей правоте, вызывать не только энтузиазм и доверие, но и расположение слушателей, и прежде всего избирателей. Развитие средств массовой информации в миллионы раз увеличивает аудиторию слушателей, а следовательно, и роль речи политического деятеля.

Любому политику необходимо умение производить на аудиторию (избирателей) благоприятное впечатление и, соответственно, тщательно продумывать свое речевое и неречевое поведение. Базовая составляющая имиджа политика – его речь. М. Вебер, изучая политику, пришел к выводу, что «проводником нынешней политики среди масс общественности все чаще становится умело сказанное или написанное слово»¹. Одним из основных моментов, на основании которых избиратели делают вывод о доверии к кандидату, является речевое поведение политика. «Чтобы достичь желаемой цели, мысли и идеи говорящего должны быть облечены в определенную оболочку, форму. Иначе говоря, речь необходимо организовывать, выстраивать»².

Как показывают факты и исследования, доверие и расположение человек вызывает не только содержательной, логической стороной речи, воздействующей на сознание, но и невербальной, экстралингвистической, действующей на подсознание слушателей. В этом плане говорят о чарующем воздействии речи (тембр, интонация и др.), невольно склоняющем слушателя на сторону говорящего, вызывающем доверие к словам и симпатию к оратору. В.П. Морозов приводит очень емкую цитату Ларошфуко: «В звуке голоса, в глазах и во всем облике говорящего заключено не меньше красноречия, чем в выборе слов»³.

И наоборот, логически безупречная речь может не оказать должного влияния, не вызвать интереса, если ее невербальные характеристики оказываются не на высоте. Все это говорит о том, насколько важна в речи политического деятеля невербальная составляющая, как велико ее значение в формировании имиджа политика⁴.

В вербальной сфере выделяют два направления – как говорить и что говорить. На вопрос, как правильно выступать публично, отвечает наука риторика. Древние греки трактовали риторику как искусство убеждения. Во времена римской цивилизации под риторикой стали понимать искусство говорить хорошо. Искусство означало совершенствование речи со стороны ее воздействия на слушателя и с точки зрения ее эстетической

характеристики. Поскольку политика неразрывно связана с ораторским искусством, рассмотрим основные условия успеха оратора. Выделяют три уровня ораторского искусства:

- 1) владение материалом (что говорить);
- 2) владение собой (как говорить);
- 3) образ оратора (кто говорит)⁵.

Остановимся на каждом из этих уровней подробнее.

Владение материалом включает в себя следующие компоненты:

1) грамотную речь, в которой должны соблюдаться нормы современного литературного языка;

2) словарный запас – хороший оратор всегда имеет достаточный словарный запас и обладает способностью воспользоваться нужным словом в нужный момент;

3) композицию речи, обусловленную социально-психологическими особенностями восприятия человека (речь строится так, чтобы оратору было удобно ее воспринимать). Любая речь, с точки зрения ее структуры, строится по единому принципу. Для успешного публичного выступления необходимо четко сформулировать тему, определить цель выступления, продумать структуру речи. Оратор должен владеть не только информацией, которую сообщает, но и собой. Поэтому ему важно помнить о критериях, по которым его оценивает аудитория. К ним относятся естественность поведения, техника речи и контакт с аудиторией.

Естественность поведения оратора – это его раскованность, доброжелательный настрой по отношению к слушателям, разговорный стиль общения, умение говорить, а не читать с листа, не говорить официальным тоном, заученно, использовать естественные жесты и естественные позы.

Контакт с аудиторией – важнейшая составляющая ораторского искусства, важнейший момент общения. Два оратора могут говорить одно и то же, но одного слушать интересно, а другого – просто скучно или даже невозможно.

Контакт с аудиторией необходим как для привлечения внимания слушателей, так и для того, чтобы воздействовать на них (что и является целью выступления).

Контакт с аудиторией выстраивается с помощью мастерства изложения материала: 1) вопросов к аудитории (тогда слушатели оживляются, принимая участие в обсуждении); 2) интригования («Об этом чуть позже», «Сейчас я приведу удивительный факт...»); 3) так называемых зацепок (автобиографический рассказ, анекдот, интересный факт); 4) небольших отступлений от темы.

Третий уровень ораторского искусства – это образ оратора – то, как он выглядит, и каким его видят слушатели, который часто влияет на восприятие того, что он говорит⁶.

По результатам социологического мониторинга «Народ и власть», опубликованного в журнале «Социология власти» в 2007 г., престиж

человека в обществе определяется рядом факторов, среди которых личные качества (ум, здоровье, внешний вид и др.) играют значительную роль – 16% опрошенных отдавали этому фактору решающую роль в 2003 г., 18,2% – в 2006⁷.

Важным фактором успешной деятельности является восприятие оратора окружающими, которое во многом зависит от того, как человек сам себя преподносит. По мнению М.Н. Шашлова, «большинство из политических и общественных деятелей убеждены, что имидж связан в основном с внешностью. Внешность лидера является весьма важным параметром, поскольку мир невербальной коммуникации не менее важен, чем мир вербальный. А для некоторых каналов коммуникации он является определяющим. Я имею в виду телевидение, где, к примеру, для женщины-зрительницы куда важнее тип причёски или одежды депутата чем то, что он говорит»⁸. Первое впечатление о человеке, как правило, складывается в зависимости от внешнего вида. Если внешний вид политика не произведет на аудиторию благоприятного впечатления, его речь вряд ли достигнет желаемого эффекта.

Общее впечатление, производимое оратором, является синтезом многих факторов, которые необходимо контролировать и которые важны для создания образа оратора. К этим факторам относятся одежда, поза, жесты, выражение лица. Все это должно быть тщательно продумано, но быть естественным и безупречным. Внешне политик обязан выглядеть аккуратным, подтянутым, уверенным в своих силах. Оратору, который сумел расположить аудиторию доверительным отношением, приветливой улыбкой, приятным голосом и другими средствами, удастся добиться успеха у слушателей, а неуверенность, пренебрежение к аудитории, бесстрастное выражение лица, невыразительный голос вызовут негативное отношение к оратору и его речи.

Американский политолог и социолог Ф.И. Гринстейн, исследуя деятельность президента, выделяет шесть качеств, которые влияют на выполнение президентом его обязанностей. Первым качеством он называет способность к публичной коммуникации, вторым – организаторские способности, затем идет политическое мастерство (политический лидер должен быть подготовленным), потом – обладание политическим предвидением (использование риторики, которая пробуждает воображение и вызывает сильные чувства), пятое качество – когнитивный стиль, характеризующий способность президента перерабатывать поток информации при общении, и последнее незаменимое качество – эмоциональная устойчивость (нельзя позволять эмоциям быть помехой в выполнении должностных обязанностей)⁹. Все эти качества важны не только для президента, но и для любого политического деятеля, желающего добиться успеха и поддержки.

Ф.И. Гринстейн приводит в пример американских президентов Ф.Д. Рузвельта, Дж. Кеннеди и

Р. Рейгана, славившихся своим красноречием, и пишет, что их способность к риторике не была врожденной, а развилась в результате опыта и предпринятых усилий. «Когда 29-летний Кеннеди стал членом Палаты представителей, его выступления были неяркими и сбивчивыми; искусство риторики вырабатывалось у него с годами»¹⁰.

Итак, рассмотрев три уровня основ красноречия, можно сделать вывод, что очень непросто быть хорошим оратором, нужно много работать и принимать во внимание очень многие факторы. Е.А. Ножин пишет, что ораторское искусство – «это деятельность, овладеть которой можно, если даже у человека нет для этого особых данных. Всякий грамотный человек в результате упорного труда может овладеть основами ораторского искусства, т.е. умением произносить речь перед аудиторией доходчиво, увлекательно и убедительно»¹¹.

В 2009 г. Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации провела специальное социологическое исследование, посвященное имиджу государственных служащих. Основными факторами, влияющими на формирование положительного образа чиновничества в глазах населения, опрошенные (а ими были эксперты из числа государственных служащих федерального и регионального уровня) называют способность эффективно решать проблемы, с которыми обращаются граждане (74,2%), и реальные результаты деятельности (69,1%)¹². Как заметил П. Бурдьё, в политике говорить – значит делать¹³. Не всегда действия политиков соответствуют их обещаниям, важным фактором становится то, как сказали, а не то, что сделали. Эффективности же государственной службы во многом способствовало бы повышение эффективности системы профессионального образования управленцев (33,2% опрошенных)¹⁴. Выразительность и грамотность речи, а также разнообразие используемых языковых средств могут многое сказать об общей культуре человека, а также о степени его образованности.

Образ политика может серьезно повлиять на восприятие того, что он говорит. Политику нужно демонстрировать некий набор черт и качеств, чтобы последователи увидели в нем лидера. Лидер должен конструироваться как лицо деятельное, активное. Образ деятельного лидера создается в глазах публики не только реальными действиями и инициативами, но, скорее, с помощью слов и речей. Впечатляющие решения, предложения и перспективы, будут способствовать его популярности больше, чем постепенные и малозаметные действия¹⁵.

Поскольку речь является одной из главных составляющих личности политика, ему следует тщательно относиться к подготовке своих публичных выступлений, учитывая как вербальные, так и невербальные компоненты. Очень важно подгото-

вить интересное выступление, но не менее важно умение представить его. Владение искусством красноречия очень эффективно способствует формированию яркого, оригинального имиджа. Именно одновременное использование вербальных и невербальных средств помогает произвести впечатление и достичь желаемого успеха.

Примечания

- ¹ Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем./ Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл П.П. Гайденко. М., 1990. С. 666.
- ² Викторова Е.Ю. Вспомогательные коммуникативные единицы в речи российских и американских президентов // Изв. Саратов. ун-та. 2008. Т. 8. Сер. Филология. Журналистика, вып. 2. С. 22–31.
- ³ Морозов В.П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. М., 1998. С. 129.
- ⁴ Там же. С. 86.
- ⁵ См.: Баландина Л.А., Давидян Г.Р., Кураченко Г.Ф., Симонова Е.П. Учебные и методические материалы

по дисциплине «Русский язык и культура речи» / Финансовая академия при Правительстве РФ. М., 2005.

- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Социология власти. 2007. № 1. С. 45.
- ⁸ Шаилов М.Н. Политический имидж как актуальный предмет исследования // Актуальные проблемы политологии: Сб. науч. работ студ. и аспирантов Рос. ун-та дружбы народов / Отв. ред. проф. В.Д. Зотов. М., 2001. С. 84–92.
- ⁹ См.: Гринштейн Ф.И. Личность президента и лидерство // Социология власти. 2007. № 1. С. 175–186.
- ¹⁰ Там же. С. 179.
- ¹¹ Ножин Е.А. Основы советского ораторского искусства. М., 1981. С. 9.
- ¹² Барциц И.Я. Мастер государственного управления. [Электронный ресурс]. www.rags.ru/articles/(дата обращения: 8.04.2010).
- ¹³ См.: Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 206.
- ¹⁴ См.: Барциц И.Я. Указ. соч.
- ¹⁵ См.: Имидж лидера: психологическое пособие для политиков. М., 1994.

УДК 316.334.2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОСНОВ СОЦИОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ

В.А. Алексеев

Саратовский государственный университет
E-mail: alekvladi@yandex.ru

В данной статье рассматриваются основополагающие понятия, связанные с историей, становлением и развитием социологии организации, подходы к анализу организации, модели (концепции) организации исходя из взглядов как западных ученых-социологов, так и отечественной высшей школы социологов.

Ключевые слова: социология организаций, интерпретация, социальная организация.

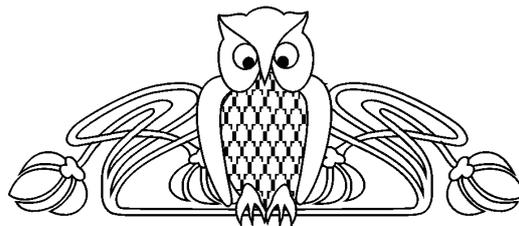
Conceptual Interpretations of the Foundations of the Sociology of Organizations

V.A. Alekseev

This article deals with key notions, related to history, formation and development of the sociology of organizations, approaches to organizations' analysis, organizations' patterns (conceptions), based on the opinion of Western and Russian scholars (sociologists).

Key words: sociology of organizations, interpretation, social organization.

Социологические данные, фиксируемые в понятиях, важны как средство дальнейшего познания и решения практических задач. Для того чтобы понятия науки могли выполнять эту роль, требуется проведение процедуры интерпретации общих понятий, суть которой состоит в рекон-

струкции схемы процесса познания, приведшего к определенной формулировке интерпретируемого понятия. Основное назначение процедуры интерпретирования состоит в обеспечении правильного понимания понятий, используемых в процессах обучения и управления.

Чтобы лучше понять и раскрыть основы социологии организации, необходимо вернуться к истокам и зарождению данного направления, рассмотреть ключевые понятия с разных точек зрения.

Вначале рассмотрим вопрос, что такое организация. Определений понятия «организация» как в отечественной, так и в западной научной литературе достаточно много. Исходя из этого А.И. Пригожин пишет, что «вопрос о том, что такое организация, имеет беспокойную историю, наполненную борьбой между различными научными тенденциями, претендующими, однако, на универсальность. Подобное состояние не преодолено и сегодня. Пока нет какой-либо общей теории организации, признанной всеми»¹.

Серьезная трудность в определении того, что такое организация и почему никак не складывается единая и общепризнанная теория организаций, заключается в том, что слишком ограничен набор

вить интересное выступление, но не менее важно умение представить его. Владение искусством красноречия очень эффективно способствует формированию яркого, оригинального имиджа. Именно одновременное использование вербальных и невербальных средств помогает произвести впечатление и достичь желаемого успеха.

Примечания

- ¹ Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем./ Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл П.П. Гайденко. М., 1990. С. 666.
- ² Викторова Е.Ю. Вспомогательные коммуникативные единицы в речи российских и американских президентов // Изв. Саратов. ун-та. 2008. Т. 8. Сер. Филология. Журналистика, вып. 2. С. 22–31.
- ³ Морозов В.П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. М., 1998. С. 129.
- ⁴ Там же. С. 86.
- ⁵ См.: Баландина Л.А., Давидян Г.Р., Кураченко Г.Ф., Симонова Е.П. Учебные и методические материалы

по дисциплине «Русский язык и культура речи» / Финансовая академия при Правительстве РФ. М., 2005.

- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Социология власти. 2007. № 1. С. 45.
- ⁸ Шаилов М.Н. Политический имидж как актуальный предмет исследования // Актуальные проблемы политологии: Сб. науч. работ студ. и аспирантов Рос. ун-та дружбы народов / Отв. ред. проф. В.Д. Зотов. М., 2001. С. 84–92.
- ⁹ См.: Гринштейн Ф.И. Личность президента и лидерство // Социология власти. 2007. № 1. С. 175–186.
- ¹⁰ Там же. С. 179.
- ¹¹ Ножин Е.А. Основы советского ораторского искусства. М., 1981. С. 9.
- ¹² Барциц И.Я. Мастер государственного управления. [Электронный ресурс]. www.rags.ru/articles/(дата обращения: 8.04.2010).
- ¹³ См.: Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 206.
- ¹⁴ См.: Барциц И.Я. Указ. соч.
- ¹⁵ См.: Имидж лидера: психологическое пособие для политиков. М., 1994.

УДК 316.334.2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОСНОВ СОЦИОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ

В.А. Алексеев

Саратовский государственный университет
E-mail: alekvladi@yandex.ru

В данной статье рассматриваются основополагающие понятия, связанные с историей, становлением и развитием социологии организации, подходы к анализу организации, модели (концепции) организации исходя из взглядов как западных ученых-социологов, так и отечественной высшей школы социологов.

Ключевые слова: социология организаций, интерпретация, социальная организация.

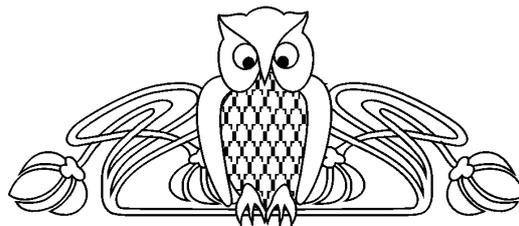
Conceptual Interpretations of the Foundations of the Sociology of Organizations

V.A. Alekseev

This article deals with key notions, related to history, formation and development of the sociology of organizations, approaches to organizations' analysis, organizations' patterns (conceptions), based on the opinion of Western and Russian scholars (sociologists).

Key words: sociology of organizations, interpretation, social organization.

Социологические данные, фиксируемые в понятиях, важны как средство дальнейшего познания и решения практических задач. Для того чтобы понятия науки могли выполнять эту роль, требуется проведение процедуры интерпретации общих понятий, суть которой состоит в рекон-

струкции схемы процесса познания, приведшего к определенной формулировке интерпретируемого понятия. Основное назначение процедуры интерпретирования состоит в обеспечении правильного понимания понятий, используемых в процессах обучения и управления.

Чтобы лучше понять и раскрыть основы социологии организации, необходимо вернуться к истокам и зарождению данного направления, рассмотреть ключевые понятия с разных точек зрения.

Вначале рассмотрим вопрос, что такое организация. Определений понятия «организация» как в отечественной, так и в западной научной литературе достаточно много. Исходя из этого А.И. Пригожин пишет, что «вопрос о том, что такое организация, имеет беспокойную историю, наполненную борьбой между различными научными тенденциями, претендующими, однако, на универсальность. Подобное состояние не преодолено и сегодня. Пока нет какой-либо общей теории организации, признанной всеми»¹.

Серьезная трудность в определении того, что такое организация и почему никак не складывается единая и общепризнанная теория организаций, заключается в том, что слишком ограничен набор

единых качеств, признаков, характерных черт, свойственных организационным системам разной природы, такие как технические, биологические, социальные и т.д.

Незыблемым общим признаком всех организационных систем является иерархичность построения. Если рассматривать функциональность, то в отношении к социальным организациям она проявляется через цели; а что касается биологических систем, то там данное свойство практически отсутствует, то есть не имеет смысла.

Поэтому лучше не гоняться за миражом общей теории организации, а анализировать организационные системы в каждом случае конкретно: или как технические, или как биологические, или как социальные.

Возьмем за рассмотрение понятия «социальная организация» с тех подходов к его сущности, которые имеют свое определенное место в социологии Запада, так как именно в западной социологии начала зарождалась организационная наука. Даже К. Маркс, который придавал большое значение организационно-управленческой проблематике, в своем основном труде «Капитал» много места отводит рассмотрению так называемого организационного эффекта, названного позже синергией².

В то же время не будем забывать и о вкладе русских учёных-социологов. Именно в Российской империи была сделана первая попытка создать общую организационную науку, которая принадлежит А.А. Богданову (Малиновскому). Он уже в 1913 г. написал известную работу «Всеобщая организационная наука (Тектология)», раскрывающую особенности организаций и управления ими.

Сегодня в западной социологии существует три обобщенных подхода к анализу организации:

- 1) рациональный,
- 2) естественный,
- 3) неорациональный.

Согласно рациональному подходу, организация мыслится как инструмент, рациональное средство достижения четко поставленных целей. Здесь организация рассматривается как совокупность отдельных самостоятельных частей, способных изменяться и заменять друг друга, не нарушая при этом целостности структуры организации. Данный подход часто игнорирует роль неформальных отношений в ней.

Представители естественного подхода представляют организацию как «естественное целое», некий организм, которому присущи органический рост, стремление к продлению своего существования и сохранению равновесия системы. С точки зрения естественного подхода организация может продолжать существование даже после успешного достижения поставленных перед ней целей. Центральной задачей, по мнению сторонников этого подхода, является поддержка равновесия организации. Здесь также большое внимание уделяется неформальным отношениям.

Квинтэссенция третьего, неорационального подхода заключается в попытке его сторонников соединить положительные черты двух предыдущих (рационального и естественного) подходов. Этой позиции придерживаются такие западные социологи, как Блау, Крозье, Гоулднер, Марч, Саймон и др. Они взяли от рационального подхода рациональность (разумность), от естественного – внимание к неформальным отношениям. Основная задача, по мнению представителей неорационального подхода, заключается в определении условий, которые влияют на степень эффективности организации. Благодаря этому для них характерна разработка частных вопросов управления организацией.

Зарубежная социология, согласно другим источникам, представила за время своего существования семь моделей организации (или концепций организации), каждая из которых представляет особую схему интерпретации данного социального явления.

Первая модель – организация как трудовой процесс. Это один из первых подходов к пониманию (измерению и построению) организационной системы. Его ведущий принцип – это выделение блока «человек – труд» как главной основы организации. Внутри этого блока процесс труда дробится на простые элементы с целью задать работнику наиболее оптимальный режим исполнения. Управленческая деятельность при этом совсем отделялась от труда.

Данная модель еще имеет название «модель тейлоризма», так как ее важнейшая особенность – полная детальная проработка поведения работников по рациональной схеме, причем сам работник рассматривается как своего рода часть, годная лишь к определенному месту.

Вторая модель – организация-машина. В данном примере организация раскрывается как безличный механизм, построенный из формализованных связей, статусов, целей в виде многоуровневой административной иерархии.

При этом упор делается на единоначалии командования, выделении функциональных звеньев (департаментализации) и элементов регулирования (планировании, организации, координировании, контроле). Организация в данной модели рассматривается как инструмент решения задач; человек же в ней выступает не как личность, а как отвлеченный человек. В этой модели организация представляется примерно как техническая система, для которой характерна полная контролируемость и управляемость. Данная модель разрабатывалась такими научными исследователями, как А. Файоль, Д. Урвик и др.

Третья модель – бюрократическая модель. Она схожа с предыдущей моделью и разработана М. Вебером для преодоления людьми иррациональности в поступках и отношениях. Обеспечение деятельности организации М. Вебер видел в наличии стандартов деятельности. Приоритет

здесь достигается за счет четкой субординации, точности, целостности отношений и однозначности. Круг обязанностей между членами организации распределяется по уровню компетентности. Как раз на этом принципе строятся властные отношения в организации. М. Вебер здесь не выходит на практическую сторону дела: он дает только общетеоретическую модель снятия организационных проблем.

Четвертой моделью является организация-община. Характерной чертой этой модели является представление об организации как о специализированном случае человеческой общности. Здесь первостепенными являются отношения «человек–человек», «человек–группа». Причем эти отношения строятся на межличностной основе взаимных привязанностей и общих интересов. Важнейшим регулятором данных отношений выступают нормы, принятые в группе. Все тут строится на основе стихийно складывающихся первичных отношений между индивидами по принципу престижа и лидерства. Такая организованность удовлетворяет социальные потребности индивида в общении, признании и т.д. Образ действий индивида контролируется здесь посредством общественного мнения. Подобная организация мало поддается управлению. В данном случае на организацию имеется только один путь воздействия, и он реализуется через вовлечение в ее естественную систему воздействия на мотивы и установки. Данная модель была разработана и представлена Э. Мэйо совместно с Ф. Ротлисбергером.

Пятая модель – социотехническая. Она построена на зависимости внутригрупповых связей от технологии производства. Исходя из исследований стало известно то, что имеет место быть обратное влияние социально-психологических качеств группы на производительность. Но при всем том по мере развития технической базы производства это влияние может изменяться вплоть до исчезновения вообще. Вышеописанная модель была рекомендована Тавистокской школой.

Интеракционистская модель является шестой моделью. В соответствии с этой концепцией организация рассматривается как система длительных взаимоотношений между работниками. В этой модели принято считать, что индивиды вносят в организацию личные ожидания и ценности, руководствуются собственными представлениями о ситуации. Потому как цели, структура и многое другое являются своего рода продуктом взаимодействия индивидов (работников), возникают значительная неопределенность и риск при принятии решений. Рациональность управляющего индивида также ограничена: многое он не может предвидеть и рассчитать. Исходя из всего вышесказанного, авторы данной теории – Г. Саймон, Дж. Марч, Ч. Бернард и др. – считают, что важнейшим способом обеспечения контроля

должны быть системный анализ и построение организации с учетом границ ее формализации и неформальных последствий внутригрупповых отношений.

Седьмая модель – это естественная организация. Этой модели присуще рассмотрение функционирования организации как объективного самосовершенствующегося процесса, в котором субъективное начало хотя и присутствует, но не довлеет и не преобладает. Организованность – это положение системы, которое позволяет ей саморегулироваться в результате воздействия как извне, так и изнутри. Для такой модели характерен взгляд на организацию не только с позиции управления, но и как на специфическое социальное явление, развивающееся по своим собственным законам. Эти законы известны лишь частично, поэтому нередко в организации проявляются многочисленные непредвиденные ситуации.

Далее рассмотрим позицию отечественного исследователя-социолога А.И. Пригожина при трактовке понятия «организация».

Основное понятие, с которого, по мнению Аркадия Ильича, следует начинать анализ феномена организации, – это социальная система. Социальная система есть особенный класс систем, наряду с техническими, кибернетическими и т.д., простой состав которых – люди, а также возникающие между ними различные отношения.

К самому развитому виду систем относится социальная организация. Для нее характерны такие основополагающие качества, как управление, цель, иерархия и синергия. Организация – это высочайшая степень развития социальных систем.

А.И. Пригожин организацию определяет как целевую общность³.

Для того чтобы лучше понять, что такое организация, он предлагает обратиться к вопросу о том, как организации возникают. Причем он называет односторонним и неприемлемым подход, в соответствии с которым организации появляются только тогда, когда части начинают работать на целое. Такой точки зрения придерживался, например, советский ученый М.И. Сетров.

Предпочтительным и точным, по размышлениям Пригожина, будет следующее понимание вышеозначенного вопроса: «организации возникают тогда, когда достижение каких-либо общих целей осуществляется через достижение индивидуальных целей; или же когда достижение индивидуальных целей осуществляется через выдвигание и достижение общих целей»⁴.

Для деловых организаций характерен первый способ, а второй – для организационных форм союзного типа.

При подобном подходе организация выступает как система обмена между целым и его элементами, а цель ставится в центр ее теории. Быть целевой социальной системой, основу которой образует общность людей, – это признак, свойственный социальной организации.

Конечным результатом деятельности социальной организации считается достижение поставленных целей.

По мнению А.И. Пригожина, социальная организация имеет следующие свойства:

1) она создается как инструмент решения общественных задач, средство достижения целей (с этой точки зрения на первый план выступают организационные цели и функции, эффективность результатов, мотивация и стимулирование персонала);

2) складывается как человеческая общность, специфическая социальность, то есть совокупность социальных групп, статусов, норм, отношений лидерства, сплоченности, конфликтности;

3) объективируется как безличная структура связей и норм, детерминированная административными и культурными факторами (предметом анализа организации в этом смысле выступает агрегированная целостность, построенная иерархически и взаимодействующая с внешней средой, где основными проблемами являются равновесие, самоуправление, разделение труда, управляемость)⁵.

Одновременно все эти три стороны социальной организации находятся в диалектическом единстве и взаимосвязаны между собой. Помимо того, каждый элемент организации должен рассматриваться в связи со всеми этими тремя свойствами одновременно. Например, индивид в организации в одно и то же время и элемент системы, и работник, и личность.

Подводя итоги по данному вопросу, приведем еще несколько дефиниций социальной организации из разных источников:

а) «Организация – крупная вторичная группа, образуемая для достижения определенных целей»⁶;

б) «Социальная организация понимается как система отношений, объединяющих какое-то число индивидов (групп) для достижения определенной цели»⁷;

в) «Организация – устойчивая система совместно работающих индивидов на основе иерархии рангов и разделения труда для достижения общих целей»⁸;

г) «Социальная организация – это любая организация в обществе»⁹;

д) «Социальная организация – это относительно автономная группа людей, ориентированная на достижение некоторой заранее фиксированной цели, реализация которой требует совместных и координированных действий»¹⁰.

Отсюда следует, что организация – это целевая общность, для которой характерны иерархичность и управляемость. В то же время социальная организация как элемент социальной структуры является искусственным объединением институционального характера, занимающим определенное место в обществе и предназначенным для выполнения четко очерченных функций. Социальная организация, имея статус общности, выступает одновременно и как социальный институт, и как безличная (формальная) структура.

Примечания

- 1 Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995. С. 43.
- 2 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. Т. 23. С. 337–355.
- 3 См.: Пригожин А.И. Указ. соч. С. 46.
- 4 Там же. С. 45.
- 5 Там же. С. 234.
- 6 Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 636.
- 7 Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Попов А.В., Семьгин С.Н. Социология. Курс лекций: Учеб. пособие. Ростов н/Д, 1999. С. 256.
- 8 Социальное управление: Словарь / Под ред. В.И. Добренкова, И.М. Слепенкова. М., 1994. С. 100.
- 9 Краткий словарь по социологии. М., 1988. С. 218.
- 10 Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 463.

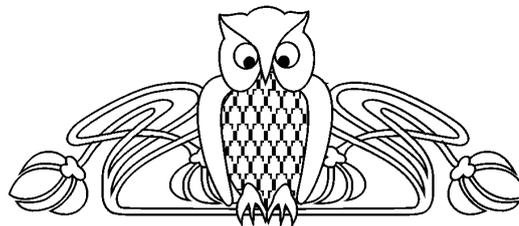
УДК 316.334.56

ОБЗОР ЗАПАДНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ПОНЯТИЯ «ГОРОД»

И.А. Спиридонов

Саратовский государственный университет
E-mail: spiridonovia@yahoo.com

В статье рассматриваются западные социологические концепции городской среды. Обзор начинается с работ классиков социологии и заканчивается современными концепциями. Анализируются как отдельные теории города (например, у Вебера или представителей Чикагской школы), так и представления авторов, описывающих городскую среду в более широком социальном контексте.

Ключевые слова: город, район, социология города, зонирование.

Review of Western Sociological Theoretical Interpretations of the Concept of City

I.A. Spiridonov

The article deals with the Western sociological concept of the urban environment. The review begins with the works of the classics of

Конечным результатом деятельности социальной организации считается достижение поставленных целей.

По мнению А.И. Пригожина, социальная организация имеет следующие свойства:

1) она создается как инструмент решения общественных задач, средство достижения целей (с этой точки зрения на первый план выступают организационные цели и функции, эффективность результатов, мотивация и стимулирование персонала);

2) складывается как человеческая общность, специфическая социальность, то есть совокупность социальных групп, статусов, норм, отношений лидерства, сплоченности, конфликтности;

3) объективируется как безличная структура связей и норм, детерминированная административными и культурными факторами (предметом анализа организации в этом смысле выступает агрегированная целостность, построенная иерархически и взаимодействующая с внешней средой, где основными проблемами являются равновесие, самоуправление, разделение труда, управляемость)⁵.

Одновременно все эти три стороны социальной организации находятся в диалектическом единстве и взаимосвязаны между собой. Помимо того, каждый элемент организации должен рассматриваться в связи со всеми этими тремя свойствами одновременно. Например, индивид в организации в одно и то же время и элемент системы, и работник, и личность.

Подводя итоги по данному вопросу, приведем еще несколько дефиниций социальной организации из разных источников:

а) «Организация – крупная вторичная группа, образуемая для достижения определенных целей»⁶;

б) «Социальная организация понимается как система отношений, объединяющих какое-то число индивидов (групп) для достижения определенной цели»⁷;

в) «Организация – устойчивая система совместно работающих индивидов на основе иерархии рангов и разделения труда для достижения общих целей»⁸;

г) «Социальная организация – это любая организация в обществе»⁹;

д) «Социальная организация – это относительно автономная группа людей, ориентированная на достижение некоторой заранее фиксированной цели, реализация которой требует совместных и координированных действий»¹⁰.

Отсюда следует, что организация – это целевая общность, для которой характерны иерархичность и управляемость. В то же время социальная организация как элемент социальной структуры является искусственным объединением институционального характера, занимающим определенное место в обществе и предназначенным для выполнения четко очерченных функций. Социальная организация, имея статус общности, выступает одновременно и как социальный институт, и как безличная (формальная) структура.

Примечания

- 1 Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995. С. 43.
- 2 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. Т. 23. С. 337–355.
- 3 См.: Пригожин А.И. Указ. соч. С. 46.
- 4 Там же. С. 45.
- 5 Там же. С. 234.
- 6 Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 636.
- 7 Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Попов А.В., Семьгин С.Н. Социология. Курс лекций: Учеб. пособие. Ростов н/Д, 1999. С. 256.
- 8 Социальное управление: Словарь / Под ред. В.И. Добренкова, И.М. Слепенкова. М., 1994. С. 100.
- 9 Краткий словарь по социологии. М., 1988. С. 218.
- 10 Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 463.

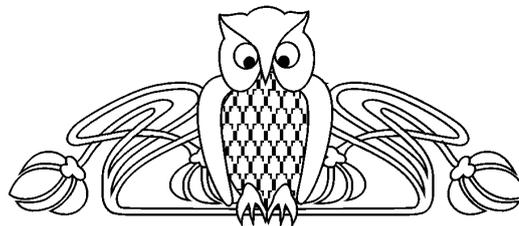
УДК 316.334.56

ОБЗОР ЗАПАДНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ПОНЯТИЯ «ГОРОД»

И.А. Спиридонов

Саратовский государственный университет
E-mail: spiridonovia@yahoo.com

В статье рассматриваются западные социологические концепции городской среды. Обзор начинается с работ классиков социологии и заканчивается современными концепциями. Анализируются как отдельные теории города (например, у Вебера или представителей Чикагской школы), так и представления авторов, описывающих городскую среду в более широком социальном контексте.

Ключевые слова: город, район, социология города, зонирование.

Review of Western Sociological Theoretical Interpretations of the Concept of City

I.A. Spiridonov

The article deals with the Western sociological concept of the urban environment. The review begins with the works of the classics of

sociology and ends with modern concepts. Analyzed as a separate theory of the city as, for example, Weber, or the Chicago School and the authors of describing the urban environment in the broader social context.

Key words: city, area, urban sociology, zoning.

Тематика городского пространства впервые возникает еще у классиков социологии. Чаще тема города не является у них предметом непосредственного внимания, но, несмотря на это, их идеи легли в основу городской социологии.

Одним из исключений в ряду классиков социологии является М. Вебер, который посвятил изучению этой темы отдельную работу «Город». Вебер выделяет критерии, по которым можно отделить город от прочих населенных пунктов, в числе которых замкнутость поселения, состоящего из тесно соприкасающихся друг с другом домов; отсутствие специфического для общества соседей личного знакомства друг с другом; преимущественно несельскохозяйственное многообразие занятий населения; регулярный товарообмен внутри населенного пункта как существенная составная часть доходов жителей и удовлетворения их потребностей¹. Вебер рассматривает два типа городов – город потребителей и город производителей. Доходы жителей городов первого типа в значительной степени зависят от ренты разного вида. Города второго типа делятся, в свою очередь, на торговые и производственные. Также существуют города сельскохозяйственного типа, население которых живет в значительной степени за счет производства сельскохозяйственной продукции, излишек которой может сбываться на рынке. Однако чем больше город, тем меньшими земельными участками обладают горожане. Таким образом, города данного типа не могут быть очень большими. Необходимо отметить, что сельскохозяйственные города уже в современных Веберу условиях были пережитком средневековой системы хозяйствования. Можно предположить, что данный тип может сохраняться в странах третьего мира, но не в развитых странах. Существование подобного рода городов связано с различием экономических критериев для определения города и критерия политико-административного. В политико-административном смысле городом может являться поселение, которое в экономическом смысле может таковым не являться. Также Вебер подробно останавливается на различных исторических типах городов, особенностях их возникновения и функционирования.

Городская проблематика опосредованно присутствует и в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Отдельно рассматривается индустриальный город. Если раньше в городах существовали значительные прослойки торговцев, трудовых элементов среднего класса, мелкой буржуазии и прочие, то развитие капитализма поляризует состав городского населения на рабочих и буржуазию со значительным численным преобладанием

первых. Так, уже к 1844 г. три четверти населения фабричных городов составляет пролетариат². В условиях капиталистического города исчезает возможность вертикальной восходящей мобильности рабочих. Если при ремесленном способе производства подмастерье мог в конечном счете стать мастером, то есть мелким буржуа, то рабочий индустриальной эпохи подобной возможности лишился. С этого момента положение рабочего класса становится устойчивым, что является предпосылкой для возникновения рабочего движения и в перспективе – классовой борьбы. В городской среде идет централизация промышленного капитала и, как следствие, рабочего класса. Этот процесс является стержнем образования крупных промышленных городов. Вначале на определенной территории возникает отдельная фабрика. Так как фабричный способ производства требует одновременного труда многих рабочих, это приводит к возникновению вокруг предприятия рабочего поселка. Со временем к труду на фабрике становится способной все большая часть населения, в особенности молодого. Превышение предложения рабочей силы над спросом на нее приводит к падению стоимости труда, что, в свою очередь, становится предпосылкой для прихода в данную местность дополнительного промышленного капитала. С дальнейшим ростом и превращением поселка в большей промышленный город обосновывается в нем для капитала становится все выгоднее в связи с наличием инфраструктуры, строящейся параллельно развитию поселения. Так же параллельно идет процесс формирования широкого рынка квалифицированной рабочей силы. Подобные тенденции характерны и для торговых городов.

В целом в любом промышленном городе можно выделить отдельные районы, заселенные рабочими. С одной стороны, они располагаются в территориальной близости к производству, с другой – на физической дистанции от буржуазии, подчеркивающей дистанцию социальную.

Развитие индустриальных городов в трудах классиков марксизма не является независимым процессом, а представляется как характерная черта капиталистической формации.

Основателями современной социологии города, как правило, считаются Ф. Теннис и Г. Зиммель. Теннис выделил два типа общности – сообщество и общество. Если сообщество присуще традиционному обществу, то общество характерно для индустриального общества. Общество, или ассоциация, характеризуется безличностными контактами между индивидами, что в полной мере раскрывается в среде современного города.

Если интерес Ф. Тенниса к городской среде можно считать в большей степени опосредованным, то Г. Зиммель занимается рассмотрением городской среды непосредственно. Он отмечает повышенное, по сравнению с сельской местностью, психологическое давление на жителей горо-

да. Следствием этого являются гораздо меньшая восприимчивость, большее интеллектуальное и психологическое развитие и расчетливость.

Оригинальная теория города, получившая название «социальная экология», была предложена представителями Чикагской школы. Основным моментом, разводящий экологию биологическую и экологию социальную, – способность социальных существ кардинальным образом менять окружающую среду. Наиболее концентрированным выражением данной способности являются города. Р. Парк выделяет в городской среде так называемые естественные ареалы, формирующиеся «естественным» в социальном плане путем и характеризующиеся различной численностью населения, его расовым составом, условиями жизни и особыми социальными установками³. Э. Берджесс описывает механизм образования и функционирования так называемых концентрических зон, – социально неоднородных районов, заселенных локальными сообществами. Л. Вирт в анализе городского пространства останавливается на таких характеристиках, как плотность населения и его гетерогенность⁴. В связи с кардинальным по сравнению с сельской местностью увеличением численности и плотности населения возрастают число контактов индивидов и их формальность, что приводит к росту психического воздействия. Увеличившаяся гетерогенность городского сообщества имеет следствием возросшее число восходящих и нисходящих социальных перемещений.

А. Лефевр, пересматривая некоторые идеи К. Маркса, анализирует соотношение абстрактного и социального пространства города. Абстрактное пространство существует в значительной мере как физическое пространство в экономическом восприятии со стороны экономических агентов с учетом возможной прибыльности того или иного места данного пространства. Изменения абстрактного пространства зачастую входят в противоречие с существующим социальным пространством в восприятии горожан.

М. Кагельс, также базируясь на идеях К. Маркса, считает основной функцией города экономическую. Это связано с присущим капитализму стремлением в любой точке его приложения максимизировать прибыль. Кагельс подчеркивает особую роль государства в социальном регулировании. В наибольшей степени капитал находит применение в городской среде. Стремление к максимизации прибыли ведет к необходимости сокращения издержек, связанной с нежеланием инвестирования в социальную инфраструктуру. Недоинвестирование социальной сферы города приводит к росту социальной напряженности. Здесь и проявляется важная социально-экономическая функция государства в городском строительстве – перераспределение части прибыли с капитала на социально значимые сектора городского пространства.

Таким образом, практически все теории города можно разделить на две большие группы по их оценке роли объекта исследования. Первые концепции рассматривают город как негативное для индивида социальное явление, вторые представляют его как наиболее яркое выражение общественного прогресса, что обусловлено во многом историческими реалиями того или иного периода.

Примечания

- 1 См.: Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001. С. 334.
- 2 См.: Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса: В 50 т. Т. 2. М., 1955. С. 257.
- 3 Парк Р.Э. Социология, сообщество и общество (фрагменты) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ. М., 2000. № 3. С. 151.
- 4 См.: Louis W. Urbanism as a Way of Life // The Amer. J. of Sociology. Jul. 1938. Vol. 44. № 1. P. 16.

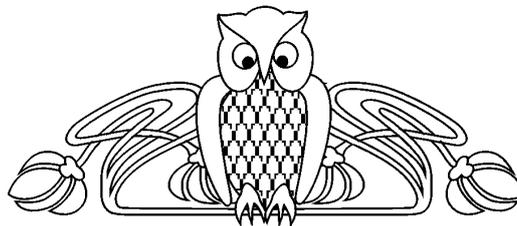
УДК 316.334:37

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РОССИИ

Н.О. Ложенко

Саратовский государственный университет
E-mail: lozhenko@ssea.runnet.ru

В статье рассматриваются основные направления реализации инновационной деятельности в высшей школе России. Инновационная деятельность в российских вузах рассматривается в качестве основного вида деятельности наравне с образовательной

и научной. Автором отмечается важность совершенствования механизмов взаимодействия между участниками инновационного процесса – вузами и промышленными предприятиями – как необходимое условие обеспечения качества подготовки специалистов.

Ключевые слова: модернизация, высшее образование, инновационная деятельность.

да. Следствием этого являются гораздо меньшая восприимчивость, большее интеллектуальное и психологическое развитие и расчетливость.

Оригинальная теория города, получившая название «социальная экология», была предложена представителями Чикагской школы. Основным моментом, разводящий экологию биологическую и экологию социальную, – способность социальных существ кардинальным образом менять окружающую среду. Наиболее концентрированным выражением данной способности являются города. Р. Парк выделяет в городской среде так называемые естественные ареалы, формирующиеся «естественным» в социальном плане путем и характеризующиеся различной численностью населения, его расовым составом, условиями жизни и особыми социальными установками³. Э. Берджесс описывает механизм образования и функционирования так называемых концентрических зон, – социально неоднородных районов, заселенных локальными сообществами. Л. Вирт в анализе городского пространства останавливается на таких характеристиках, как плотность населения и его гетерогенность⁴. В связи с кардинальным по сравнению с сельской местностью увеличением численности и плотности населения возрастают число контактов индивидов и их формальность, что приводит к росту психического воздействия. Увеличившаяся гетерогенность городского сообщества имеет следствием возросшее число восходящих и нисходящих социальных перемещений.

А. Лефевр, пересматривая некоторые идеи К. Маркса, анализирует соотношение абстрактного и социального пространства города. Абстрактное пространство существует в значительной мере как физическое пространство в экономическом восприятии со стороны экономических агентов с учетом возможной прибыльности того или иного места данного пространства. Изменения абстрактного пространства зачастую входят в противоречие с существующим социальным пространством в восприятии горожан.

М. Кастельс, также базируясь на идеях К. Маркса, считает основной функцией города экономическую. Это связано с присущим капитализму стремлением в любой точке его приложения максимизировать прибыль. Кастельс подчеркивает особую роль государства в социальном регулировании. В наибольшей степени капитал находит применение в городской среде. Стремление к максимизации прибыли ведет к необходимости сокращения издержек, связанной с нежеланием инвестирования в социальную инфраструктуру. Недоинвестирование социальной сферы города приводит к росту социальной напряженности. Здесь и проявляется важная социально-экономическая функция государства в городском строительстве – перераспределение части прибыли с капитала на социально значимые сектора городского пространства.

Таким образом, практически все теории города можно разделить на две большие группы по их оценке роли объекта исследования. Первые концепции рассматривают город как негативное для индивида социальное явление, вторые представляют его как наиболее яркое выражение общественного прогресса, что обусловлено во многом историческими реалиями того или иного периода.

Примечания

- 1 См.: Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001. С. 334.
- 2 См.: Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса: В 50 т. Т. 2. М., 1955. С. 257.
- 3 Парк Р.Э. Социология, сообщество и общество (фрагменты) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ. М., 2000. № 3. С. 151.
- 4 См.: Louis W. Urbanism as a Way of Life // The Amer. J. of Sociology. Jul. 1938. Vol. 44. № 1. P. 16.

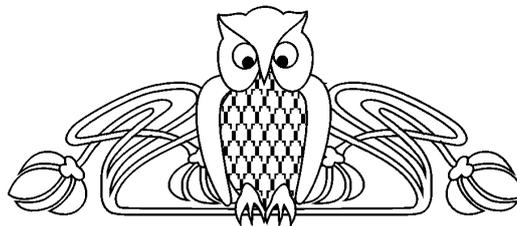
УДК 316.334:37

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РОССИИ

Н.О. Ложенко

Саратовский государственный университет
E-mail: lozhenko@ssea.runnet.ru

В статье рассматриваются основные направления реализации инновационной деятельности в высшей школе России. Инновационная деятельность в российских вузах рассматривается в качестве основного вида деятельности наравне с образовательной

и научной. Автором отмечается важность совершенствования механизмов взаимодействия между участниками инновационного процесса – вузами и промышленными предприятиями – как необходимое условие обеспечения качества подготовки специалистов.

Ключевые слова: модернизация, высшее образование, инновационная деятельность.

Innovative Activity as the Tendency of Development of the Education in Russia

N.O. Lozhenko

In article the basic directions of realisation of innovative activity in the higher school of Russia are considered. Innovative activity at university is considered also as well as educational and scientific. The author marks importance of perfection of mechanisms of interaction between participants of innovative process as a necessary condition of maintenance of quality of preparation of experts.

Key words: modernisation, education, innovative activity.

Инновационное развитие образования – один из приоритетов государственной политики в России. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. подчеркивает особое значение образования в современном мире как важнейшего фактора развития общества, при этом требуется глубокая и всесторонняя модернизация высшего образования с выделением необходимых для этого ресурсов и созданием механизма эффективного использования.

В начале 90-х гг. XX в. в системе высшего образования наблюдался целый ряд негативных тенденций – физическая и моральная деградация научной инфраструктуры, отток научных кадров (прежде всего молодого и среднего возраста) в другие, преимущественно коммерческие сферы, ухудшение качественного состава оставшихся в вузах научных сотрудников (в определенной мере это относится и к профессорско-преподавательскому составу), ослабление у молодежи желания связывать свою судьбу с наукой. Такая ситуация требовала безотлагательных действий: правительством было принято решение о реформировании российского высшего образования, которое активно и широкомасштабно реализуется с середины 90-х гг. XX в. Положения реформы закреплены рядом документов, в том числе законами «Об образовании», «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», Государственными образовательными стандартами (ГОС) 1 и 2 поколения, «Национальной доктриной образования Российской Федерации» и др.

В настоящее время инновационная деятельность в образовании получает статус основного вида деятельности в российских вузах наравне с образовательной и научной и является необходимым условием стратегического развития вуза. Инновационная деятельность предполагает комплекс мер по сопровождению инновационного процесса, обеспечивающего изменение смысла, целей, содержания образования, форм, методов, технологий, средств обучения, системы управления и т.п.

Так, инновационная деятельность в вузах России развивается по трем основным направлениям:

– научно-исследовательская деятельность, направленная на получение нового знания о том,

как нечто может быть («открытие»), и о том, как нечто можно сделать («изобретение»);

– проектная деятельность, направленная на разработку особого, инструментально-технологического знания о том, как в заданных условиях на основе знания научного необходимо действовать, чтобы получилось то, что может или должно быть («инновационный проект»);

– образовательная деятельность, направленная на профессиональное развитие субъектов определенной практики, формирование у каждого личного знания (опыта) о том, что и как они должны делать, чтобы инновационный проект воплотился в практике («реализация»)¹.

Следует уточнить, что инновационная деятельность направлена на то, чтобы открытие превратить в изобретение, изобретение в проект, а проект – в технологию реальной деятельности, результаты которой, по сути, и выступают в качестве инновации.

К настоящему времени в системе высшей школы России создана развернутая инновационная инфраструктура, включающая Российский государственный университет инновационных технологий и предпринимательства, 16 региональных центров подготовки специалистов в области инновационного предпринимательства, 12 региональных информационно-аналитических центров, 10 региональных инновационных центров, 12 региональных центров содействия развитию научно-технического предпринимательства, 44 технопарка, в том числе 21 аккредитованный университетский технопарк, 25 учебно-научно-инновационных комплексов на базе университетов и академий, Фонд содействия развитию инновационной деятельности высшей школы².

Наличие развитой инфраструктуры инновационной деятельности и выполнение проектов по разработке учебно-методического обеспечения подготовки специалистов в инновационной сфере позволило в 2003 г. создать новое направление подготовки специалистов 073500 «Инноватика» (специальность 658200 «Управление инновациями») и провести прием студентов по этой специальности в пяти вузах России – Санкт-Петербургском государственном политехническом университете, Российском государственном университете инновационных технологий и предпринимательства, Государственном университете управления, Нижегородском и Уральском государственных технических университетах.

В вузах России сложились научные школы в области инновационной деятельности, многие вузовские ученые, активно развивавшие инновационную деятельность в вузах, стали ректорами, проректорами по научной и инновационной деятельности, возглавили департаменты науки и образования в регионах. Научные исследования, проведенные при выполнении инновационных научно-технических проектов, позволили добиться хороших практических результатов и

коммерциализации научно-технической продукции.

За последние шесть лет 10–15% вузов России достигли объема инновационной деятельности, который превышает 50% от общего объема их деятельности. Например, вузами-участниками научно-технической программы «Инновационная деятельность высшей школы» (2004–2005гг.) реализовано научно-технической продукции на сумму более 1,5 млрд руб., причем 50% научно-технической продукции производится вузами на собственной опытно-производственной базе и 50% – в кооперации с предприятиями³.

Позитивный опыт инновационной деятельности накоплен в вузах и Саратовской области. Так, Саратовский государственный технический университет с 80-х гг. XX в. активно участвует в проведении теоретических исследований и практической реализации их результатов в области развития инновационных процессов в высшей школе и регионах страны. В 1993 г. в университете в рамках межвузовской научно-технической программы «Создание и развитие научных и технологических парков высшей школы в Российской Федерации» был создан научно-технологический парк «Волга-техника» СГТУ. Наиболее высокая активность в деятельности предприятий технопарка наблюдается по направлениям: машиностроение, энергетика и энергосбережение, медицинские приборы и оборудование, оборудование для переработки сельхозпродукции, автосервис, электронные приборы, сертификация, информационно-аналитическое обслуживание, подготовка предпринимательских кадров, реклама⁴.

На базе СГУ им. Н.Г. Чернышевского в 2005 г. был создан Инновационный центр «Технопарк СГУ», основной целью которого является развитие инновационной деятельности ученых СГУ, подразумевающей организацию воплощения их научных и технических идей и проектов в действующие приборы, оборудование, технологические процессы, программное обеспечение, виды и сорта растений, методы диагностики и лечения, методики анализа экономических и социальных процессов, выпуск и реализацию новых товаров, а также предоставление научно-технических услуг организациям и населению.

В 2007 г. СГУ им. Н.Г. Чернышевского стал победителем Всероссийского конкурса образовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы. Инновационная образовательная программа СГУ им. Н.Г. Чернышевского предполагает формирование и реализацию программ подготовки и переподготовки кадров, востребованных на рынке труда, создание научно-образовательной системы продвижения инновационных технологий в инфраструктуру

региона. Для реализации поставленной цели необходимо решение следующих задач: модернизация структуры университета с целью создания оптимальных траекторий образовательного процесса через интеграцию учебной, исследовательской и инновационной деятельности; создание разветвленной сети специализированных научно-образовательных и внедренческих центров и комплексов; формирование институциональной структуры и научно-методической базы планирования регионального развития; развитие инновационных технологий образования⁵.

За три года реализации программы СГУ им. Н.Г. Чернышевского удалось укрепить материально-техническую базу лабораторий, исследовательских и научно-производственных структур, обновить методическое и программное обеспечение учебного и научного процессов. Возросла квалификация огромного количества преподавателей. Кроме того, на базе СГУ им. Н.Г. Чернышевского создан региональный центр микроскопии НОЦ биотехнологий, научно-образовательный институт «Открытые системы», научно-производственный образовательный комплекс «Измерительные системы для микро- и нанoeлектроники, машиностроения, медицины», образовательно-научный комплекс нанотехнологий.

В заключение стоит отметить, что эффективность инновационной деятельности в высшей школе не только зависит от системы образования вузов, но и определяется сущностью российской экономики, уровнем российской национальной инновационной способности, национальной инновационной системой, инновационной культурой, но прежде всего – законодательной базой и государственной инновационной политикой.

Примечания

- ¹ См.: Слободчиков В.И. Инновации в образовании: основания и смысл // Исследовательская работа школьников. 2004. № 2. С. 5–15.
- ² См.: Шукинунов В.Е. Состояние, перспективы развития и повышения эффективности инновационной деятельности высшей школы России // Инновации. 2005. № 6. С. 11–18.
- ³ См.: Адольф В.А., Ильина Н.Ф. Инновационная деятельность в образовании: проблемы становления // Высшее образование в России. 2001. № 1. С. 81–87.
- ⁴ См.: Атоян В.Р., Тюрина В.Ю., Коваль А.А. О некоторых итогах инновационной деятельности Саратовского государственного технического университета // Инновации. 2005. № 10. С. 38–44.
- ⁵ См.: Коссович Л.Ю., Усанов Д.А., Монахов С.Ю. Перспективы развития инновационного университетского комплекса в условиях высококонкурентной региональной среды // Инновации. 2007. № 4(102). С. 33–41.

УДК 316.346.32-053.8(470+571)

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ МОЛОДЕЖИ

М.В. Кораблёва

Саратовский государственный университет
E-mail: starfishm@mail.ru

Данная статья посвящена проблеме профессионального самоопределения молодежи, живущей в условиях динамичного развития общества. В статье освещаются как представления молодежи о профессиях и рынке труда, так и предпочтения современных выпускников школ, лицеев и колледжей. Актуальность рассмотрения данной темы подтверждается вниманием президента РФ Д.А. Медведева, которое он уделяет этому вопросу в ряде своих выступлений.

Ключевые слова: молодежь, профессиональное самоопределение, общество.

On the of Youth Professional Self-Determination

M.V. Korableva

This article is devoted to the problem of professional self-determination of youth living in the dynamic development of society. The article highlights as youth representations of occupations and the labor market, as the preferences of modern graduates. The relevance of the topic is confirmed by attention of President D.A. Medvedev, which he gives to this question in a number of the performances.

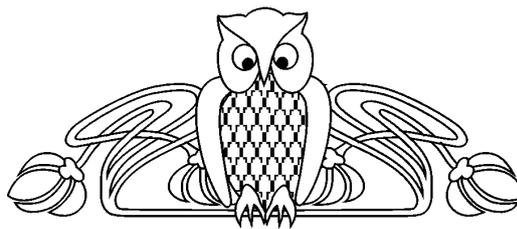
Key words: youth, professional self-determination, society.

Для отечественной социологии образования проблематика профессионального самоопределения молодого поколения не является новой. Отдельные аспекты этой проблемы в той или иной степени уже исследовались ранее социологами, философами, педагогами и психологами.

Вступая в активную самостоятельную жизнь, каждое молодое поколение решает для себя проблемы, которые принято считать вечными, – жизненного, профессионального и эмоционально-ценностного выбора. В ранней юности возрастающая активность процесса самоопределения личности обусловлена потребностью занять социально ответственную позицию взрослого человека в связи с приближающимся окончанием школы, когда будущее приобретает осязаемые черты.

Расширение социального пространства жизнедеятельности, предстоящее вхождение в послешкольный социум, необходимость адаптироваться к изменениям внешних условий, поиск и выбор путей построения собственной жизни, определение перспектив получения дальнейшего образования – все это создает стрессовую ситуацию напряжения, энергетических затрат и возможного разочарования¹.

Процесс профессионального самоопределения включает развитие самосознания, формирование системы ценностных ориентаций,

моделирование своего будущего, построение эталонов в виде идеального образа профессионала. Личностное самоопределение человека не только происходит на основе освоения общественно выработанных представлений об идеалах, нормах поведения и деятельности, но также зависит от воспитания в семье, взглядов и убеждений друзей и влияния школы. В настоящее время социальная ориентация во многом определяет профессиональное самосознание человека, его профессиональное самоопределение и профессиональный выбор. Одним из центральных, и в этом смысле судьбоносных в жизни каждого молодого человека, в его профессиональной карьере является вопрос поиска, выбора и овладения профессией. Сегодняшний деловой и профессиональный мир остро нуждается в мобильных людях, готовых грамотно принимать самостоятельные решения и нести ответственность за их проведение в жизнь, способных успешно и эффективно находить и реализовать себя в изменяющихся социально-экономических условиях в связи с поиском, планированием, выбором и устройством своей профессиональной карьеры. Даже бывалого взрослого человека такие вопросы и требования могут поставить в тупиковое и, казалось бы, безвыходное положение. Это тем более справедливо для подростков, заканчивающих школу, и только вступающих в самостоятельную трудовую жизнь молодых людей.

С одной стороны, планирование своих жизненных и профессиональных перспектив – это личное дело каждого человека, высшее проявление его свободы и ответственности за свое счастье. Но с другой стороны, человек живет в обществе, и чем он будет заниматься в этом мире – не безразлично для общества.

Как отметил президент РФ Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному собранию Российской Федерации, реализация стратегических планов страны невозможна без полноценных перемен в обществе. Укрепление политической системы и правовых институтов, внутренняя и внешняя безопасность государства, социальная стабильность, современное образование и культура (культура в самом широком смысле этого слова) неразрывны для достижения успехов. В частности, Д. Медведев подчеркнул: «Конечным итогом наших совместных действий станет качественное изменение не только уровня жизни

граждан нашей страны. Измениться должны мы сами. Необходимо преодолеть широко распространенные представления о том, что все существующие проблемы должно решить государство или кто-то еще, но только не каждый из нас на своем месте. Личный успех, поощрение инициативы, повышение качества общественной дискуссии, нетерпимость к коррупции должны стать частью нашей общенациональной культуры, именно частью общенациональной культуры. Для достижения этих целей начинать надо с самого начала – с воспитания новой личности уже в школе. Главной задачей современной школы является раскрытие способностей каждого ученика, воспитание личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире. Школьное обучение должно способствовать личностному росту так, чтобы выпускники могли самостоятельно ставить и достигать серьезные цели, уметь реагировать на разные жизненные ситуации. Мир непрерывно меняется, становится все сложнее, стремительное развитие науки и технологий – все это требует непрерывного обучения, постоянного совершенствования человеческих способностей и профессиональных навыков»².

Несомненно, профессиональное самоопределение осуществляется в течение всей жизни. Но в период отрочества, на завершающем этапе обучения в школе, вопрос выбора профессии приобретает особую остроту. У отдельных школьников и их родителей уже есть ответы на него. Для других же школьников уже после окончания девяти классов актуальным становится выбор профессионального учебного заведения. Перед многими выпускниками школ стоит проблема выбора пути подготовки к будущей профессии. Часто профессиональное учебное заведение выбирается случайно. В 14–15 лет крайне сложно выбирать профессию. Правильный выбор профессионального будущего для молодого человека является основой самоуверждения в обществе, одним из главных решений в жизни. При выборе профессии и подготовке будущих специалистов важно знать требования к профессии, выделить в ней наиболее существенные особенности, которые могут показать человеку, выбирающему род деятельности, подходит она для него или нет. Подростковый возраст – период становления человека как гражданина, в это время происходит социальное самоопределение человека, его активное включение в общественную жизнь, а также формирование духовных качеств. Профессиональная мотивация – это действие конкретных побуждений, которые обуславливают выбор профессии и продолжительное выполнение обязанностей, связанных с ней.

Выбор профессии – довольно сложный и порой долгий мотивационный процесс, ведь от правильности этого выбора во многом зависит удовлетворенность человека своей жизнью. Сознательный выбор профессии происходит

с ориентацией человека на имеющиеся у него социальные ценности. Если главным для него является общественный престиж, то профессия выбирается исходя из существующей моды, престижности этой профессии в обществе. Многие выбирают профессию в зависимости от того, в какой степени она может обеспечить их материальное благополучие. Ряд выпускников выбирает профессию из-за интереса к ней, и нередко этот интерес имеет романтический характер, навеянный литературой, увиденным фильмом, телепередачей. Бывает, что такой выбор, основанный на поверхностном, чисто внешнем впечатлении или подкрепленный советами родителей, друзей, оказывается неудачным. Но часто романтика профессии быстро улетучивается и остаются «суровые будни», к которым человек не готов ни морально, ни физически, ни по своему психическому складу – работа превращается в пытку, вынуждает менять профессию. Таким образом, профессию можно выбирать в зависимости от многих обстоятельств, но важно прежде всего принимать во внимание, насколько выбираемая деятельность соответствует склонностям и способностям человека. Имеющиеся у человека определенные сочетания типологических особенностей проявления свойств нервной системы (сила – слабость, подвижность – инертность, уравновешенность – неуравновешенность) могут обуславливать его склонности к определенному виду деятельности – быстрой, но кратковременной работе, работе переменного характера. Осознание этой склонности и ее причины (правда, не всегда отчетливое) приводит к формированию мотива, побуждающего человека заниматься определенным видом деятельности, так как в его глазах эта деятельность по своему характеру отвечает характеру имеющейся склонности (отсюда важность реального, адекватного представления о психологической структуре данной деятельности). Соответствующее же сочетание типологических особенностей способствует проявлению способностей к тому или другому виду деятельности, что влияет на уровень эффективности, создает удовлетворенность трудом и подкрепляет мотив выбора профессии, превращая его в стойкий интерес. Последний влияет на активность человека и «закрепляет» его в данной профессии.

Если же у человека имеется поверхностное и неадекватное представление о профессии, о тех требованиях, которые она предъявляет, то происходит рассогласование между склонностями и способностями, с одной стороны, и психологическим содержанием работы – с другой. В результате не будет ни высокой эффективности такой деятельности, ни удовлетворения ею. Склонность к определенному типу деятельности может проявляться в разных видах труда (профессиях), а это значит, что она еще не предопределяет узконаправленного профессионального выбора.

Реалии окружающей действительности и наши представления о ней таковы, что попадание человека в ситуацию неопределенности, поиска, отсутствия ответов на многие вопросы становится нормой, а проблема выбора – жизненного, профессионального, личностного характера – как никогда актуальной. Неслучайно адаптация молодежи к стремительно меняющимся условиям жизни общества особо выделяется среди наиболее значимых тенденций современного этапа развития образования в мире. Нельзя не учитывать и того, что у молодежи восприятие реальности дополняется, трансформируется, нередко искажаясь, многокрасочным видеорядом, насыщенным звуковым сопровождением, виртуальными образами компьютерных и других средств мультимедиа.

По оценкам экспертов, старшеклассники становятся критичнее, самостоятельнее, прагматичнее, амбициознее, ничего не принимают на веру, не спешат соглашаться с чужим мнением, суждениями, оценками, требуют доказательности. Современные старшеклассники более пессимистично относятся к возможностям своего вклада в изменение социальных процессов, но более оптимистично смотрят на свое будущее, веря в возможность своего личного успеха в жизни. Личный успех большинство учащихся школ, гимназий, колледжей связывает с необходимостью получения образования как средства продвижения по карьерной лестнице. Не утратили своего значения и такие ценности, как «общественное признание», «активная деятельная жизнь».

Современная молодежь особенно остро воспринимает безразличие, настороженность, агрессивность, жестокость. Молодые люди испытывают постоянный дефицит доброжелательности, дружелюбия, уважения, тактичности в отношениях, искреннего доверия к ним со стороны взрослых. Это происходит еще и потому, что они, к сожалению, уже имеют собственный опыт того, что ответственность за порученное дело, сказанное слово, результаты их выбора и действий чаще лишь декларируются старшими по возрасту, положению, статусу.

По данным специалистов в различных областях науки и практики, растущие в определенной мере в детской и молодежной среде состояние тревожности, агрессивность, раздражение, импульсивность действий и поступков свидетельствуют не только о неблагополучии, неудовлетворенности чем-то в настоящее время, но и о растерянности, неуверенности в завтрашнем дне, сомнении в собственных силах на этапе вступления в самостоятельную жизнь. Дефицит межвозрастного общения и взаимодействия в молодежной среде в дальнейшем усугубляет проявление инфантилизма, несамостоятельности, безынициативности, социальной апатии. Социальная гармония в обществе достигается не только за счет примирения, согласия, компромисса разных социальных групп и классов, но и за счет стремления преодолеть раз-

рыв между поколениями, устранить противоречия в отношениях старших и младших.

Социальное становление молодых происходит в условиях, когда естественное стремление к самоутверждению, успеху сталкивается с возрастающей конкуренцией, высокими требованиями к личности на рынке труда. Востребован иной набор личностных качеств, позволяющих человеку успешно интегрироваться в сложную социальную среду, – способность к быстрому освоению нового, гибкость, динамика, мобильность, умение действовать методом проб и ошибок³.

Ориентация на труд в условиях складывающегося рыночного общества в нашей стране имеет ряд особенностей, главной из которых является трудность реализации такого выбора, в котором бы гармонично сочетались предпочитаемый вид труда, его оплата и престижность.

По результатам социологического исследования, представленным на круглом столе 27–28 апреля 1998 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова (в рамках ежегодных Ломоносовских чтений), выявлено, что при определении решающих факторов выбора работы юноши на первое место поставили большую зарплату (63%), что вполне понятно – возможность материально обеспечить семью всегда считалась одним из основных достоинств мужчины. Второе по значимости место занимает интересная работа (56%). У девушек эти характеристики меняются местами (соответственно 66% и 57%). На третьем месте оказалась престижная организация (25% – юноши, 22% – девушки). Комфортные условия труда интересуют 11% юношей и 14% девушек, а свободный график работы – соответственно 12% и 9% респондентов. Эти цифры подтверждают характерную для нашего времени ситуацию, связанную с женской занятостью, когда при выборе работы уходят на второй план такие важные для будущих жен и матерей характеристики занятости, как свободный график и комфортные условия труда. Интересно, что простую и легкую работу хочет иметь вдвое больше юношей, чем девушек (4% и 2% соответственно)⁴.

Приведенные выше данные, полученные исследователями Д.Е. Денисовой и А.В. Денисовым, позволили сделать следующие выводы.

Во-первых, «отмечается сохранность традиционных женских и мужских профессиональных ориентаций. Преподавательская и воспитательская работа, торговля и общепит, служба быта по-прежнему остаются преимущественно женскими сферами занятости, а такие области, как медицина и искусство, привлекают больше женщин, чем мужчин. Престижные в данный момент времени профессиональные отрасли, такие как юриспруденция и экономика, имеют вес в обеих группах, хотя в силу того, что младшим экономическим персоналом – бухгалтерами – обычно являются женщины, заметен их перевес в числе выбравших планирование и учет. Занятия, сопряженные с тяжелыми физическими нагрузками, и работа с

техникой в области авто- и железнодорожного транспорта, машиностроения и металлообработки, а также охранная деятельность остаются уделом сильного пола. Также в наше время в связи с переходом к новой экономической системе, появлением большого количества фирм возникло много рабочих мест, отдаваемых преимущественно мужчинам, – агенты, экспедиторы. Как правило, они не требуют особых профессиональных навыков и неплохо оплачиваются, поэтому популярны среди молодых людей, что, скорее всего, и объясняет третье место служащих в списке предпочтений юношей».

Во-вторых, «многие 17-летние имеют четкую профессиональную ориентацию и вполне определенные требования к будущей работе, а также серьезно задумываются о собственных перспективах на рынке труда. В будущем половина из них (48% девушек и 50% юношей) хотят видеть себя профессионалом в своем деле. 69% юношей и 73% девушек хотят быть материально обеспеченными, при этом наиболее популярным способом добывания денег подростки считают работу (76% респондентов)»⁵.

Итак, в ориентации на будущую профессию у большинства юношей и девушек наблюдается сформированное представление о будущей жизни и стремление к самостоятельной активной деятельности, однако, получив профессиональное образование в учебных заведениях или профессиональную подготовку на предприятиях,

некоторые молодые люди переживают неудовлетворенность и разочарование в сделанном (вынужденно или по желанию) выборе учебно-профессионального поля. И в случае отсутствия реальных профессиональных достижений и неопределенности перспектив карьеры проблема профессионального самоопределения вновь становится актуальной.

Примечания

- ¹ См.: Губанова М.И. Педагогическое сопровождение социального самоопределения старшеклассников. [Электронный ресурс]. URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/ms_readme.php?subaction=showfull&id=192706992&archive=196815384&start_from=&ucat=&. (дата обращения: 18.10.2007). С. 32–38.
- ² Медведев Д.А. Измениться должны мы сами (Из Послания Федеральному собранию Российской Федерации). Видеооблог Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://blog.kremlin.ru/post/44>. (дата обращения: 16.11.2009).
- ³ См.: Губанова М.И. Указ. соч.
- ⁴ Денисова Д.Е., Денисов А.В. Профессиональное самоопределение молодежи: тендерный аспект. По материалам круглого стола «Женский вопрос накануне XXI века» 27–28 апреля 1998 г., МГУ им. М.В. Ломоносова (в рамках ежегодных Ломоносовских чтений). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/win/research/profmolodeg.htm>. (дата обращения: 03.02.2005).
- ⁵ Там же.

УДК 316.772.4

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СУБЪЕКТИВИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (на примере анализа СМИ)

И.Ю. Саяпина

Саратовский государственный университет
E-mail: ynd@yandex.ru

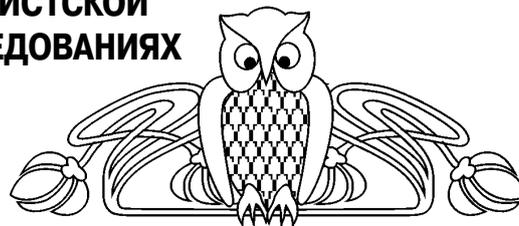
В статье рассматривается возможность применения субъективистской парадигмы в социологическом исследовании СМИ. Предпринята попытка определить роль СМИ и телевидения в системе массовой коммуникации, а также выявить основных субъектов взаимодействия.

Ключевые слова: массовые коммуникации, средства массовой информации, телевидение, субъективистская парадигма, субъекты взаимодействия, институциональные практики.

Heuristic Potential of the Inter-Subjective Paradigm for Sociological Research: a Case Study of Mass Media

I. Yu. Sayapina

The opportunity of inter-subjective paradigm application for sociological research is considered in the article. The attempts are

made to define the relationship between mass media and television in the mass communications system and present the main interaction subjects.

Key words: mass communications, mass media, television, inter-subjective paradigm, interaction subjects, institutional practices.

Изучая изменения в системе массовой коммуникации в современном обществе, необходимо исследовать внутренние намерения и потенциал субъектов, которые вовлечены в процесс коммуникации. Научные объяснения в социологии могут оказаться неадекватными, если в них игнорируется интерпретация с точки зрения субъектов социального действия.

Глобальный процесс информатизации, вызвавший трансформацию социальных структур

техники в области авто- и железнодорожного транспорта, машиностроения и металлообработки, а также охранная деятельность остаются уделом сильного пола. Также в наше время в связи с переходом к новой экономической системе, появлением большого количества фирм возникло много рабочих мест, отдаваемых преимущественно мужчинам, – агенты, экспедиторы. Как правило, они не требуют особых профессиональных навыков и неплохо оплачиваются, поэтому популярны среди молодых людей, что, скорее всего, и объясняет третье место служащих в списке предпочтений юношей».

Во-вторых, «многие 17-летние имеют четкую профессиональную ориентацию и вполне определенные требования к будущей работе, а также серьезно задумываются о собственных перспективах на рынке труда. В будущем половина из них (48% девушек и 50% юношей) хотят видеть себя профессионалом в своем деле. 69% юношей и 73% девушек хотят быть материально обеспеченными, при этом наиболее популярным способом добывания денег подростки считают работу (76% респондентов)»⁵.

Итак, в ориентации на будущую профессию у большинства юношей и девушек наблюдаются сформированное представление о будущей жизни и стремление к самостоятельной активной деятельности, однако, получив профессиональное образование в учебных заведениях или профессиональную подготовку на предприятиях,

некоторые молодые люди переживают неудовлетворенность и разочарование в сделанном (вынужденно или по желанию) выборе учебно-профессионального поля. И в случае отсутствия реальных профессиональных достижений и неопределенности перспектив карьеры проблема профессионального самоопределения вновь становится актуальной.

Примечания

- ¹ См.: Губанова М.И. Педагогическое сопровождение социального самоопределения старшеклассников. [Электронный ресурс]. URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/ms_readme.php?subaction=showfull&id=1192706992&archive=1196815384&start_from=&ucat=&. (дата обращения: 18.10.2007). С. 32–38.
- ² Медведев Д.А. Измениться должны мы сами (Из Послания Федеральному собранию Российской Федерации). Видеооблог Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://blog.kremlin.ru/post/44>. (дата обращения: 16.11.2009).
- ³ См.: Губанова М.И. Указ. соч.
- ⁴ Денисова Д.Е., Денисов А.В. Профессиональное самоопределение молодежи: тендерный аспект. По материалам круглого стола «Женский вопрос накануне XXI века» 27–28 апреля 1998 г., МГУ им. М.В. Ломоносова (в рамках ежегодных Ломоносовских чтений). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/win/research/profmolodeg.htm>. (дата обращения: 03.02.2005).
- ⁵ Там же.

УДК 316.772.4

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СУБЪЕКТИВИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (на примере анализа СМИ)

И.Ю. Саяпина

Саратовский государственный университет
E-mail: ynd@yandex.ru

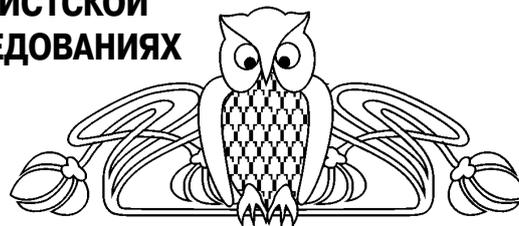
В статье рассматривается возможность применения субъективистской парадигмы в социологическом исследовании СМИ. Предпринята попытка определить роль СМИ и телевидения в системе массовой коммуникации, а также выявить основных субъектов взаимодействия.

Ключевые слова: массовые коммуникации, средства массовой информации, телевидение, субъективистская парадигма, субъекты взаимодействия, институциональные практики.

Heuristic Potential of the Inter-Subjective Paradigm for Sociological Research: a Case Study of Mass Media

I. Yu. Sayapina

The opportunity of inter-subjective paradigm application for sociological research is considered in the article. The attempts are

made to define the relationship between mass media and television in the mass communications system and present the main interaction subjects.

Key words: mass communications, mass media, television, inter-subjective paradigm, interaction subjects, institutional practices.

Изучая изменения в системе массовой коммуникации в современном обществе, необходимо исследовать внутренние намерения и потенциал субъектов, которые вовлечены в процесс коммуникации. Научные объяснения в социологии могут оказаться неадекватными, если в них игнорируется интерпретация с точки зрения субъектов социального действия.

Глобальный процесс информатизации, вызвавший трансформацию социальных структур

и связей, не мог не отразиться на массовой коммуникации как элементе общественного целого.

В настоящее время исследователи включают массовую коммуникацию то в экономическую сферу, превратив ее в разновидность бизнеса, то в политическую, «растворив» ее в институтах политической борьбы, то в социальную, а иногда и в культурную сферу. Действительно, массовая коммуникация является неотъемлемым элементом разных сфер общества (экономической, политической, культурной и т. п.) и взаимодействует с другими социальными институтами. Однако массовая коммуникация не укладывается ни в одну из этих сфер. Мы придерживаемся мнения И.М. Дзялошинского, что массовая коммуникация – самостоятельная система, обеспечивающая производство и массовое распространение смысловых конструкций, ядром которых являются способы жизнедеятельности в изменяющихся условиях. Массовая коммуникация порождает совокупность социальных институтов и видов деятельности, обеспечивающих ее функционирование и развитие. Одним из таких институтов являются средства массовой информации¹.

При субъективистской парадигме, как отмечал еще в своем докладе Н. Флигстайн, теории социологического институционализма исходят из пластичности институтов и носят социально-конструктивистский характер, то есть институты в рамках этого направления предстают и исследуются как результат взаимодействия социальных субъектов². Общество воспроизводится в ходе вовлечения и участия индивидов в институциональных практиках. Исходя из вышесказанного, мы будем придерживаться трактовки, данной Д. Нормом: «Институт – это правила игры в обществе, или, более формально, это ограничения, сконструированные людьми, чтобы придавать форму человеческому взаимодействию»³. Соответственно, социальный институт СМИ – это организация социальной деятельности и социальных отношений, осуществляемых субъектами посредством стандартов поведения (институциональных практик), которые обеспечивают главные социальные функции данного института.

Рассматривая социальные институты, большинство социологов признает системный характер их строения, но выделяет разные составляющие. Например, Дж. Фейблман в строении социального института вычленяет шесть элементов – социальную группу, учреждения, обычаи, материальные орудия, организацию, определенную цель. И.И. Лейман выделяет следующие компоненты строения социального института: коллектив, социально значимая функция, управляющие подразделения, материальные учреждения. По мнению Н.Б. Костиной, тесно взаимодействующими элементами социального института следует считать цели деятельности, субъектов деятельности, средства и способы деятельности⁴.

Из трактовки социального института СМИ в рамках субъективистской парадигмы выделяются, как минимум, три компонента – субъекты деятельности, стандарты поведения (институциональные практики), функции института. Рассмотрим данные элементы более подробно применительно к институту СМИ.

1. Под субъектами деятельности мы понимаем внешних и внутренних субъектов. Внешними субъектами являются различные институты или системы, тесно сосуществующие с системой массовой коммуникации – политические, экономические, культурные системы (так как социальный институт СМИ является продуктом развития всей социальной системы). К особым внешним субъектам мы причисляем аудиторию в системе отношений, выраженных формулой «внешний субъект СМИ + внутренний субъект СМИ = получатель информации». Однако специфика основных механизмов функционирования института зависит от внутренних закономерностей развития, то есть внутренними субъектами являются субинституты как совокупность самостоятельных органических образований внутри института СМИ, действующих в рамках социального института СМИ. В этом качестве они имеют признаки института, но вписаны в контекст общей институциональной практики СМИ, обслуживают ее и вне ее пределов существовать не могут. Как субинституты они также подчиняются общей цели института СМИ и обеспечивают его основные функции. Под субинститутами мы подразумеваем прессу, радио, телевидение, Интернет.

2. Стандарты поведения внутри института, или институциональные практики, объективируются в виде определенного статуса людей, ассоциирующихся с данным институтом, а также в виде ролей, выполнение которых на них возлагается. Данные практики являются журналистскими, с их помощью осуществляются основные функции института.

3. Если под СМИ понимается обеспечение информацией общества, то с превращением в социальный институт СМИ утрачивают свою первоначальную функцию распространителя информации. Эта функция становится вторичной по отношению к главной цели, заключающейся в управлении общественными отношениями. Итак, целью мы определяем социализацию и координацию деятельности людей и организаций. Исходя из цели мы выделяем следующие функции института СМИ: воздействие как функцию первичного социального контроля, функции информирования и культурного просвещения как механизмы, необходимые для поддержания института (функции вторичного социального контроля)⁵.

Соответственно, характеризуя субинститут телевидения в институте СМИ по той же схеме, мы обозначим следующие его признаки:

1) субъектами деятельности являются внешние – другие субинституты СМИ, системы

более высокого порядка, телеаудитория, – а также внутренние – субинституты телевидения (все каналы телевизионного вещания, которые можно классифицировать по-разному – традиционные и электронные, государственные и коммерческие, центральные и локальные и т.д.);

2) телевизионные практики – объективируются в виде статуса телеведущих, репортеров и других, выполняющих определённые роли. Телевизионные практики выражаются посредством структуры сообщения (типы и виды телепередач), которая включает в себя вербальный (контент) и невербальный компонент (все фоны телепередачи – музыка, видеоряд, имидж ведущего и т.д.). В совокупности телевизионные практики формируют картину мира и воздействуют на получателя информации, осуществляя упомянутые выше вторичные функции СМИ;

3) субинститут телевидения имеет общую цель с институтом СМИ и обеспечивает его основные функции. Анализируя институциональную трансформацию, можно рассматривать изменения на всех уровнях предложенной структуры – субъекты (внешние и внутренние), институциональные практики (соответственно, биологические индивидуумы, являющиеся носителями институциональных практик, и текст, фиксирующий изменения институциональных практик), функции института, которые формируют главную цель социального института.

Институциональная трансформация включает в себе следующие причины:

1) внешние факторы (взаимодействие стран со странами с однотипными и отличающимися институциональными матрицами);

2) внутренние факторы (расширение социальных потребностей и культурных запросов проживающего на территории государства населения)⁶.

Итак, трансформацию субинститута телевидения мы трактуем как процесс качественного преобразования телевизионных практик каналов вещания, находящихся под воздействием внешних

субъектов, других субинститутов СМК, а также телеаудитории как институциональных инноваторов. Мы также учитываем внешнее политическое взаимодействие страны и некоторые исторические события, определяющие траекторию ее развития.

Через некоторые параметры субинститута телевидения возможно доказать трансформацию института СМИ, показав также степень трансформации, поскольку она выражается прежде всего в изменении главных функций института, формирующих цель, а телевидение как субинститут подчиняется общей цели института СМИ и обеспечивает его основные функции. Если все структурные элементы социального института тесно взаимодействуют между собой, то возможно доказать степень изменения функций главного института через остальные параметры субинститута – субъектов и институциональные практики.

Итак, в рамках субъективистской парадигмы представляется возможным исследовать изменение первичной функции контроля института СМИ посредством некоторых телевизионных практик.

Примечания

- 1 См.: Дзялошинский И.М. СМИ и общественные институты: перспективы взаимодействия // Медиаскоп. 2008. Вып. 2. [Электронный ресурс]. URL: www.mediascope.ru/node/223 (дата обращения: 10.10.10).
- 2 См.: Флигстайн Н. Поля, власть и социальный талант: критический анализ теорий нового институционализма М., 1999.
- 3 Цит. по: Курдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001. С. 308.
- 4 См.: Глотов М.Б. Социальный институт: определение, строение, классификация // Социологические исследования, 2003. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://socis.isras.ru/> (дата обращения: 10.10.10).
- 5 См.: Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. Anchor Books. N.Y., 1966. P. 188.
- 6 См.: Курдина С.Г. Указ. соч.

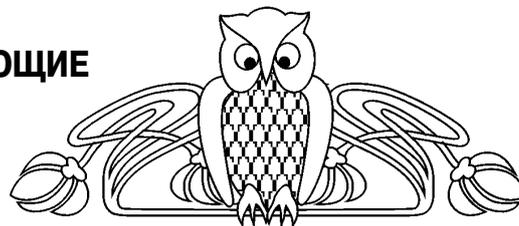
УДК 316.346.32-053.81(470+571)

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ, СОДЕЙСТВУЮЩИЕ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА

И.В. Курышов

Статья посвящена современному молодежному рынку труда. Рассматриваются социальные механизмы, адаптирующие молодежь к рыночным условиям, так как современная ситуация в сфере труда и занятости ставит ее в очень сложное положение.

Ключевые слова: молодежный рынок труда, адаптация, занятость, работодатель, выпускники.

The Social Mechanisms Promoting Employment of Young Generation on a Modern Labor Market

I.V. Kuryshov

This article is devoted a modern youth labor market. Social mechanisms adapting youth to market conditions as the modern situation in

более высокого порядка, телеаудитория, – а также внутренние – субинституты телевидения (все каналы телевизионного вещания, которые можно классифицировать по-разному – традиционные и электронные, государственные и коммерческие, центральные и локальные и т.д.);

2) телевизионные практики – объективируются в виде статуса телеведущих, репортеров и других, выполняющих определённые роли. Телевизионные практики выражаются посредством структуры сообщения (типы и виды телепередач), которая включает в себя вербальный (контент) и невербальный компонент (все фоны телепередачи – музыка, видеоряд, имидж ведущего и т.д.). В совокупности телевизионные практики формируют картину мира и воздействуют на получателя информации, осуществляя упомянутые выше вторичные функции СМИ;

3) субинститут телевидения имеет общую цель с институтом СМИ и обеспечивает его основные функции. Анализируя институциональную трансформацию, можно рассматривать изменения на всех уровнях предложенной структуры – субъекты (внешние и внутренние), институциональные практики (соответственно, биологические индивидуумы, являющиеся носителями институциональных практик, и текст, фиксирующий изменения институциональных практик), функции института, которые формируют главную цель социального института.

Институциональная трансформация включает в себе следующие причины:

1) внешние факторы (взаимодействие стран со странами с однотипными и отличающимися институциональными матрицами);

2) внутренние факторы (расширение социальных потребностей и культурных запросов проживающего на территории государства населения)⁶.

Итак, трансформацию субинститута телевидения мы трактуем как процесс качественного преобразования телевизионных практик каналов вещания, находящихся под воздействием внешних

субъектов, других субинститутов СМК, а также телеаудитории как институциональных инноваторов. Мы также учитываем внешнее политическое взаимодействие страны и некоторые исторические события, определяющие траекторию ее развития.

Через некоторые параметры субинститута телевидения возможно доказать трансформацию института СМИ, показав также степень трансформации, поскольку она выражается прежде всего в изменении главных функций института, формирующих цель, а телевидение как субинститут подчиняется общей цели института СМИ и обеспечивает его основные функции. Если все структурные элементы социального института тесно взаимодействуют между собой, то возможно доказать степень изменения функций главного института через остальные параметры субинститута – субъектов и институциональные практики.

Итак, в рамках субъективистской парадигмы представляется возможным исследовать изменение первичной функции контроля института СМИ посредством некоторых телевизионных практик.

Примечания

- 1 См.: Дзялошинский И.М. СМИ и общественные институты: перспективы взаимодействия // Медиаскоп. 2008. Вып. 2. [Электронный ресурс]. URL: www.mediascope.ru/node/223 (дата обращения: 10.10.10).
- 2 См.: Флигстайн Н. Поля, власть и социальный талант: критический анализ теорий нового институционализма М., 1999.
- 3 Цит. по: Курдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001. С. 308.
- 4 См.: Глотов М.Б. Социальный институт: определение, строение, классификация // Социологические исследования, 2003. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://socis.isras.ru/> (дата обращения: 10.10.10).
- 5 См.: Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. Anchor Books. N.Y., 1966. P. 188.
- 6 См.: Курдина С.Г. Указ. соч.

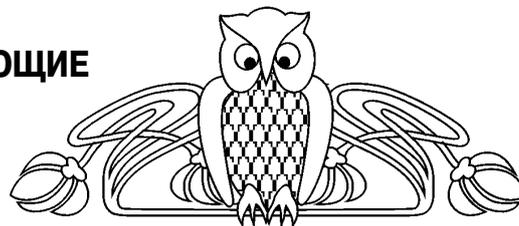
УДК 316.346.32-053.81(470+571)

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ, СОДЕЙСТВУЮЩИЕ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА

И.В. Курышов

Статья посвящена современному молодежному рынку труда. Рассматриваются социальные механизмы, адаптирующие молодежь к рыночным условиям, так как современная ситуация в сфере труда и занятости ставит ее в очень сложное положение.

Ключевые слова: молодежный рынок труда, адаптация, занятость, работодатель, выпускники.

The Social Mechanisms Promoting Employment of Young Generation on a Modern Labor Market

I.V. Kuryshov

This article is devoted a modern youth labor market. Social mechanisms adapting youth to market conditions as the modern situation in

work and employment sphere puts youth in very difficult situation are considered.

Key words: youth labour market, adaptation, employment, employer, graduates.

Переход России к рыночным отношениям существенно изменил социально-трудовую сферу. Отмена в 1990 г. централизованного распределения выпускников учебных заведений привела к тому, что более половины оканчивающих общеобразовательные школы, среднеспециальные учебные заведения, вузы не могли найти применения своим силам в соответствии с полученной специальностью и профессией¹.

Реформированная сфера труда не принесла молодым специалистам ожидаемой свободы в профессиональном самоопределении. Молодежь попала в новую зависимость от работодателей и акционером, чья деятельность не ограничена развитыми механизмами социальной защиты.

Молодежный рынок труда является особым сегментом российской экономики, подчиняющимся собственным закономерностям, которые необходимо учитывать при содействии занятости. Молодые люди характеризуются неустойчивостью жизненных установок, отсутствием производственного стажа и опыта работы и, как следствие, относительно низким профессиональным статусом. Из-за перенасыщенности рынка труда более конкурентоспособными категориями населения молодежь является достаточно выраженной группой риска². Для решения вышеуказанных проблем возникает необходимость оперативной разработки новых подходов, создания в стране социальных механизмов содействия адаптации молодежи на рынке труда, которые могут быть организованы по нескольким направлениям.

Одним из наиболее эффективных механизмов адаптации молодежи на рынке труда является образование, а также содействие профессиональной подготовке и переподготовке, которая приобретает приоритетное значение в системе мер по повышению качества рабочей силы и регулированию профессиональной структуры спроса и предложения рабочей силы.

Сегодня существует проблема несоответствия между тем, какие специальности на конкретный момент требуются на рынке труда, и тем, специалистов каких специальностей выпускают вузы и другие учебные заведения.

Необходимо, таким образом, ввести изменения в учебный процесс для того, чтобы адаптировать молодых специалистов к рынку труда, но в то же время система вузовского образования должна быть ограждена от давления сиюминутных интересов. Она обязана сохранить свою главную функцию – воспроизводство высокоинтеллектуального профессионального потенциала общества.

Образование молодежи – проблема комплексная, ее решение предполагает взаимодействие и

сотрудничество разных структур – государственных органов власти, службы занятости населения, сферы образования и комитетов по делам молодежи. Одним из направлений деятельности является содействие дополнительному образованию молодежи через организацию и функционирование профильных клубов и центров дополнительного образования. Чтобы предотвратить появление новых безработных, необходимо вести систематическую профориентационную работу с абитуриентами, которая должна содействовать личности в профессиональном самоопределении с учетом не только потребностей и возможностей, но и ситуации на рынке труда.

Сегодня необходимо организовать четкую систему профессионального обучения, переподготовки и повышения квалификации в системе государственной службы занятости или других учебных заведениях, разработку специальных программ по повышению адаптационных возможностей молодежи на рынке труда.

Работодатели предъявляют достаточно высокие требования к молодым специалистам. Многие компании не видят перспектив применения труда молодежи и относятся к их способностям и возможностям с большим неуважением, не видят для них условий карьерного роста в рамках своего предприятия. Следовательно, одним из основных направлений содействия занятости молодежи может стать механизм, который смягчил бы критерии приема на работу, облегчил трудоустройство без опыта работы, создание гибкого графика работы для студентов дневной формы обучения и др.

Наличие опыта работы и трудового стажа, особенно по специальности, на сегодняшний день является одним из существенных требований к кандидатам на замещение предлагаемых на рынке труда вакансий. Вследствие этого молодое поколение не приобретает не только опыта работы, но и не имеет возможности получения такого опыта.

Решение этой проблемы существует в реализации такого механизма, как квотирование рабочих мест для выпускников. В настоящее время эта практика применяется к таким категориям граждан, как инвалиды, дети-сироты, члены многодетных семей. Поэтому на рассмотрении в Госдуме РФ находятся поправки в закон «О занятости населения в РФ», по которым работодатель обязан соблюдать квоту при приеме на работу граждан в возрасте от 18 до 23 лет из числа выпускников государственных учреждений начального и среднего профессионального образования, ищущих работу впервые, и граждан в возрасте от 22 до 25 лет из числа выпускников государственных учреждений высшего профессионального образования, ищущих работу впервые. Квота устанавливается в следующих размерах:

– для организаций, численность работников за месяц в которых составляет от 100 до 200 человек – два рабочих места;

– для организаций, численность работников за месяц в которых – 201 и более человек – не менее 2 процентов от количества работников за месяц³.

В системе занятости молодежи характерной является частичная, или скрытая безработица, когда работодатель дает возможность трудиться неполный рабочий день, неделю или официально не регистрирует работника. Для нормализации ситуации в области занятости населения требуется развитие предпринимательской деятельности, особенно в малых городах и сельской местности. Малый и средний бизнес во многом инициирует появление дополнительных рабочих мест, способствует деловой активности граждан, в том числе и тех, кто менее конкурентоспособен на рынке труда.

В стратегическом плане речь идет о подготовке молодого поколения людей, способных наращивать финансово-экономические, научные, образовательные, социально-политические, культурные и духовные ресурсы страны. В связи с этим в 2009 г. была принята комплексная целевая программа развития и поддержки малого предпринимательства⁴. А в рамках Федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 гг. Российским государственным университетом инновационных технологий и предпринимательства был объявлен конкурс на лучший инновационный и технологический предпринимательский проект среди молодежи⁵.

Становление и развитие молодежного предпринимательства не только решает общие проблемы развития малого бизнеса, но также способно выполнить ряд социально значимых задач, таких как организация занятости молодежи, усиление ее социальной защищенности, проведение профессиональной ориентации и обучения молодых людей.

Молодые люди зачастую не имеют активной позиции в поиске работы, а соответственно, не используют многих из существующих возможностей нахождения работы. В немалой степени это связано с нежеланием попадать в некомфортные и жесткие ситуации рынка труда. Кроме того, для российского общества актуальным является включение в общественном сознании механизма активного поиска работы, которое состоит прежде всего в осведомлении молодежи в поиске работы, то есть в информировании о принципах и технологии поиска.

В настоящее время население крайне неудовлетворительно информировано о возможностях поиска работы. При этом играют роль как уже упоминавшаяся пассивная позиция в поиске работы, так и определенного рода предрассудки, неверная интерпретация ищущими работу гражданами своего положения как неудачников и просителей. Кроме того, информационных каналов о спросе на рынке труда явно недостаточно.

В связи с этим необходимой представляется работа по широкому и доступному информированию населения о существующих на рынке вакансиях. Также необходимо информировать о существующей возможности получить такого рода информацию посредством СМИ, Интернета, газет, журналов, что может оказать положительное регулирующее воздействие на процесс формирования профессионально-образовательных потребностей молодежи и, следовательно, на взаимосвязь рынков труда и образовательных услуг.

Таким образом, следует выделить две основные группы социальных механизмов содействия адаптации молодежи на рынке труда – специфические и неспецифические. К первой группе относятся образование, профориентация, информирование субъектов рынка труда о взаимных потребностях и ожиданиях, а также содействие временному и постоянному трудоустройству как учащейся молодежи, так и выпускников средних специальных и высших учебных заведений, содействие молодежному предпринимательству. Ко второй группе следует отнести формирование системы ценностных ориентаций, профессиональной и карьерной мотивации, коммуникативной, социальной и деятельностных компетенций, отвечающих запросам рынка труда. Эффективность реализации указанных групп механизмов прежде всего определяется их комплексностью, тесной взаимосвязью, системностью и преемственностью реализации – от первых агентов социализации (семьи, дошкольных образовательных учреждений) до момента успешного включения молодого человека в трудовую деятельность.

Примечания

- ¹ Скутнева С.В. Стратегии жизненного самоопределения молодежи в трудовой сфере // Социс. 2006. № 10. С. 88–94.
- ² Дунаева Н. Молодежь на рынке труда // Вопросы экономики. 1998. С. 81–91.
- ³ Квотирование рабочих мест для выпускников вузов и техникумов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.futuretoday.ru/blogs/194>. (дата обращения: 19.02.2009).
- ⁴ Постановление правительства РФ от 4 августа 2009 г. № 724-ПП «О комплексной целевой программе развития и поддержки малого предпринимательства» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2009. 18 авг. № 45.
- ⁵ Официальный сайт Российского государственного университета инновационных технологий и предпринимательства. [Электронный ресурс]. URL: http://www.itbu.ru/news/konkurs2008_innovprojects. (Дата обращения: 11.09.2008).

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 328. 36

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В представленной статье речь идет о специфике взаимоотношений государства и гражданского общества в постсоветской России в контексте их соучастия в политическом управлении. Автором рассмотрены основные модели субъект-объектных взаимоотношений политической системы и гражданских институтов и обоснован наиболее адекватный вариант, отвечающий историческим особенностям и современным объективным и субъективным российским реалиям.

Ключевые слова: политическое управление, гражданское общество, институты гражданского общества, модели управления, функциональность государства, специфика российской модели гражданского общества.

Political Government and Civil Society in Modern Russia

A.A. Vilkov

In this article we are talking about the specific relationship between the state and civil society in post-Soviet Russia in the context of their participation in political governance. The author describes the main models of subject-object relationships of the political system and civil institutions. He proves the most adequate option that serves the historic features and modern Russian objective and subjective realities.

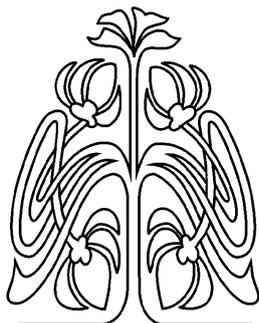
Key words: political governance, civil society, civil society institutions, governance model, functionality of the state, specifics of the Russian model of civil society.

Стержнем и основным институтом любой политической системы является государство. Оно является главным механизмом управления всеми сферами общественной жизни, конечной целью борьбы всех субъектов политики, олицетворением сущности политической власти. Без него утратила бы смысл всякая политическая деятельность.

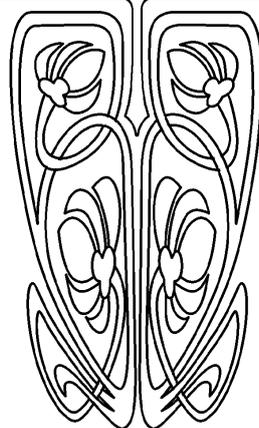
По мнению большинства политологов, конкретное воплощение политической сущности государства, характер его взаимоотношений с обществом определяются прежде всего особенностями взаимоотношений с институтами гражданского общества.

Это не случайно, поскольку государство и гражданское общество существуют как две стороны одной медали, которые не могут быть поняты отдельно друг от друга. В них заключены два самостоятельных механизма консолидации населения в рамках единого сообщества.

Гражданское общество скреплено сложным и многообразным переплетением свободно реализуемых частных и групповых (корпоративных) интересов. В чем-то эти интересы совпадают, в чем-то конкурируют друг с другом, в чем-то могут носить разнонаправленный, а иногда и антагонистический характер. Единые правила игры и единый вектор развития для всех элементов данного сообщества задаются правовым государством, в том числе и политическим принуждением. Однако понимание роли самого гражданского общества в управлении разнообразными общественными и политическими процессами до сих пор остается дискуссионным.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

На закате перестройки и в начале радикальных преобразований, проводимых под либеральными лозунгами, у российских обществоведов доминировали идеалистические представления о становлении гражданского общества как основы демократического развития постсоветской России¹. По их мнению, введение института частной собственности, свободной конкуренции на основе рыночных отношений, провозглашение прав и свобод, закрепление плюрализма в политике и других сферах жизни общества и другие подобные преобразования приведут к тому, что в России будет реализована западная модель демократии. Соответственно, предполагалось, что будет сформирована модель общественного управления, в которой государство будет находиться под контролем институтов гражданского общества.

В соответствии с такой трактовкой именно гражданское общество выступает предпосылкой становления правового государства. Оно не только «автономизирует общественную сферу, но и опосредованно придает власти новые черты: при всей своей взаимосвязи с политической системой гражданское общество первично по отношению к ней и осуществляет функцию ограничения, определения наиболее разумного соотношения политических и иных начал в жизни социума»².

Однако реальные постсоветские преобразования проходили намного более сложно, болезненно и противоречиво. Значительной части российского общества пришлось пройти через резкое падение жизненного уровня, угрозу сепаратизма и гражданской войны, через расстрел парламента и принятие Конституции, содержавшей определенные предпосылки для установления авторитарного режима в России.

В результате все большее распространение в российском научном сообществе получила вторая трактовка, в соответствии с которой гражданское общество представляет собой «агрегированное понятие, обозначающее специфическую совокупность общественных коммуникаций и социальных связей, институтов и ценностей, главными субъектами которых являются гражданин со своими гражданскими правами и гражданские организации: ассоциации, объединения, общественные движения и гражданские институты»³. При таком понимании гражданское общество идентифицируется с государством особого типа, в котором юридически обеспечены и политически защищены основные права и свободы личности.

На наш взгляд, для современной России более адекватным является второе определение с учетом того, что оно акцентирует внимание на многовариантности понятия гражданского общества, на его конкретно-исторических особенностях возникновения и развития в различных странах.

Неслучайно со второй половины 1990-х гг. акцент в исследованиях гражданского общества стал смещаться на анализ особенностей развития России в дореволюционный и советский период и

их влияния на процесс становления гражданского общества в постсоветский период⁴.

Подобные тенденции имели место и в западном обществоведении, особенно с учетом того опыта многоуровневого политического управления, который был накоплен в результате функционирования Европейского союза. По определению Р. Майнтца, термин «управление» в меньшей степени стал обозначать осуществление иерархического контроля (government) и в большей степени – «новый способ управления» (governance), более кооперативный способ, где государственные и негосударственные акторы участвуют в работе смешанных государственно-частных сетей»⁵.

Среди значительной части отечественных политологов в связи с осуществлением политики укрепления «вертикали власти» и очевидной поддержкой данного курса большинством населения страны все большее распространение получала точка зрения об отсутствии исторических предпосылок для становления гражданского общества в России и о социокультурной предрасположенности россиян к авторитарной модели управления. Наиболее адекватной представляется позиция В.Г. Хороса, по мнению которого модернизация – это процесс всемирно-исторический, но одновременно и конкретно-национальный: «В этом смысле модернизация не однозначна вестернизации». Успешной модернизация в незападных обществах получалась тогда, когда «заимствования адаптировались к местной “почве”, национальным особенностям и традициям»⁶, то есть модернизация системы взаимодействия между государством и гражданским обществом также должна исходить из условий места и времени и учитывать тот конкретный исторический опыт, который характерен для данного сообщества.

Отрицание наличия элементов гражданского общества в дореволюционный и советский период означает, что их оценивают по модели «вестернизации», а не по собственным российским основаниям. Оруэлловское понимание тоталитаризма как политического режима, при котором контроль партийно-государственной власти над обществом становится всеобъемлющим и всепроникающим, хорошо лишь для антиутопий⁷, но не для оценки существовавших советских реалий.

По мнению О.Ф. Шаброва, такого в жизни не бывает. То, что хорошо работает в пропагандистских целях, не всегда отражает реальную ситуацию – даже в самом тоталитарном государстве людьми объединяют не только цепи. Речь может идти о более или менее развитой структуре, формах существования, уровне развития гражданского общества, но не о его наличии или отсутствии при наличии государства. Упразднить их можно только одновременно, и не через тотальное огосударствление, а через растворение государства в гражданском обществе, создание безгосударственного общественного строя⁸.

Действительно, такие проекты уже были неоднократно обоснованы – от утопий Томаса

Мора и Томмазо Кампанеллы до анархистских и коммунистических идеологий. Однако в рамках реализации последнего социального проекта путь к безгосударственному общественному устройству лежал через диктатуру пролетариата и социалистическое государство, роль которого и масштабы регулирования достигли невиданных прежде размеров.

Исходным тезисом, как представляется, должно стать понимание того, что государство и гражданское общество не просто взаимосвязаны, но неизбежно функционально дополняют друг друга. Обусловлено это тем, что гражданское общество отражает объективную общественную потребность в самоорганизации, а государство – объективную потребность в управлении.

Совокупность этих механизмов, по определению О.Ф. Шаброва, выполняет функцию адаптера общественной системы⁹.

В дореволюционной России наиболее распространенной формой такой самоорганизации была крестьянская община, которая реально даже в условиях крепостной деревни имела достаточно большие пределы автономности. В черносошной деревне крестьянский «мир» был практически абсолютно независим в решении подавляющего большинства жизненно важных для него вопросов на основе установлений схода всех общинников. После реформ 1860-х гг. таким элементом стал также институт земского самоуправления.

В годы советской власти немало структур возникало именно в результате самоорганизации различных групп населения – студенческие строительные отряды (хотя организовывались и работали нередко под контролем ВЛКСМ и партийных органов), туристские группы, садоводческие товарищества и другие действительно добровольные общества. Существовала и сфера неорганизованной реализации естественных интересов. Что-то из этого со временем в той или иной степени перемещалось в государственную сферу, которая, однако, никогда не перекрывала и не могла перекрыть всего многообразия человеческих отношений.

Большинство западных исследователей не просто разграничивает государство и гражданское общество, но относит к последнему все институты, функционирующие независимо от государства – в рамках общественной самоорганизации¹⁰.

Думается, это не совсем правильно. Можно согласиться с тем, что каждый из нас одновременно принадлежит и к государству, и к гражданскому обществу, а в рамках государства – и к политической, и к технологической компонентам управления¹¹.

Используя методологию О.Ф. Шаброва, можно утверждать, что каждый из нас одновременно включен в систему политического соподчинения как *Я* политическое (*Яп*), а частью участвует в общественных отношениях как величина от

государства и других политических институтов независимая (*Ян*). Но каждый человек стремится быть тождественным самому себе и воспринимает себя как цельную личность, не разделяя себя на составные части «Я – гражданин России», «Я – налогоплательщик», «Я – член партии “Справедливая Россия”», «Я – глава семьи», «Я – член конкретного трудового коллектива», «Я – член профсоюза», «Я – член общества защиты потребителей», «Я – член гаражного и погребного кооператива», «Я – член садоводческого кооператива», «Я – член общества защиты животных» и т.д.

Независимость разнообразных гражданских идентификаций и соответствующих статусов вхождения в институты гражданского общества во многом условна. Каждая из этих структур гражданского общества имеет собственную функциональность, разный масштаб и разные цели. Но практически все они действуют на основе тех правил, которые устанавливаются на основе государственной нормативной базы и под контролем государства.

То же самое относится и к большинству институтов гражданского общества на Западе. Их деятельность не должна противоречить конституции и действующему законодательству и уже в силу этого входит в сферу государственного управления и контроля.

Взаимоотношения государства и гражданского общества – это не отношения управления. Но, как и управление, они, по мнению О.Ф. Шаброва, складываются из двух противоположных воздействий: «При наличии развитых и эффективных механизмов влияния гражданского общества на государство, их приоритете, обеспечивающем представительство и влияние в органах государственной власти широкого спектра имеющихся в гражданском обществе частных интересов, правомерно говорить о демократическом режиме. В отсутствие или неэффективности таких механизмов, когда налицо доминирующая роль государственного воздействия, возникает противоположный ему авторитарный режим»¹².

На наш взгляд, принципиальный вопрос, с точки зрения политического менеджмента, заключается в характере их взаимоотношений друг с другом.

Это может быть *модель доминирующих субъект-объектных* отношений

$$S \Rightarrow O,$$

где государству отводится доминирующая роль на основе использования принципа «запрещено все, что не разрешено».

В этом случае государство стремится максимально полно контролировать сферу гражданских отношений на основе этого разрешительного принципа.

Если вы хотите создать какое-либо общество, например любителей поэзии или любителей

подводного плавания, то вам необходимо пройти большое количество разрешительных бюрократических процедур в самых разных учреждениях.

В советское время главный барьер, который нужно было преодолеть, – это доказать, что данная общественная структура не несет в себе никакой потенциальной угрозы советскому строю и социалистической идеологии. Для гарантированного следования этой задаче данное регистрируемое общество изначально мирилось с системой внутреннего и внешнего контроля за его деятельностью. Смысл этой модели заключается в дозволении гражданам удовлетворять часть своих потребностей не в рамках государственных отношений, а посредством создания разнообразных общественных структур, находящихся под постоянным государственным контролем. Иными словами, это *инструментальная, управляемая модель гражданского общества*.

Уровень делегирования полномочий таким общественным структурам и характер такого контроля был разным. Например, ВЛКСМ, охватывавший всю советскую молодежь в возрасте от 14 лет, фактически находился под непосредственным партийным управлением и контролем сверху донизу. Проявлялось это в том, что руководитель данной мощнейшей организации согласовывался и утверждался на уровне Политбюро ЦК КПСС и по должности был членом ЦК КПСС, напрямую подчиняясь всем партийным решениям. На союзном, областном, городском и районном уровне соответствующее согласование и утверждение осуществлялось союзными, областными, городскими и районными комитетами партии. Соответственно, комсомольские лидеры входили в состав данных партийных комитетов. Даже на уровне первичных парторганизаций в более или менее крупных учреждениях и на предприятиях должность секретаря комитета ВЛКСМ согласовывалась с парткомом и включалась в его структуру.

Например, в СГУ секретарь комсомольской организации был членом парткома СГУ, напрямую подчиняясь всем его решениям.

Секретари факультетских комсомольских организаций также обязательно были членами партии. Для этого использовалась система льготного приема в университет либо членов партии с рабочим стажем через подготовительные отделения, либо комсомольцев с таким стажем, которых на первых курсах принимали в члены КПСС. Из их состава нередко выбирали и комсоров студенческих групп, хотя на этом уровне жесткой партийной принадлежности уже не наблюдалось.

Главное, чтобы в факультетском бюро ВЛКСМ большинство составляли члены КПСС, напрямую подчиняющиеся решениям парторганизации.

Точно такой же принцип формирования и функционирования был характерен для профсоюзных организаций, которые официально рассматривались как «школа коммунизма» и «приводные ремни».

Другие общественные структуры могли не иметь такой пирамиды прямого партийного управления, особенно на низовом уровне (например, потребкооперация или общества охотников и рыболовов), но наличие партийного контроля присутствовало действительно повсеместно.

Даже семья как институт гражданского общества подвергалась косвенному контролю. Жена в случае семейного конфликта бежала жаловаться на мужа в партком. Для беспартийных семей существовали общественные комиссии, которые находились под партийным контролем.

Эта модель хорошо соответствует мобилизационному типу общества (то есть находящемуся в экстремальных условиях), но не способствует проявлению инициативы снизу и формирует этатистский тип политической культуры. Суть ее заключается в переложении ответственности за решение большинства вопросов на государство. Если государство не справляется с этими задачами, то оно теряет легитимность в глазах большинства.

Вторая модель – это *модель сбалансированных субъект-субъектных и объектных* отношений между государством и гражданским обществом, когда они одновременно выступают субъектом и объектом воздействия друг на друга:

$$S \Rightarrow O$$

$$O \Leftarrow S$$

Государству в ней отводится регулирующая роль на основе принципа «разрешено все, что не запрещено», то есть государство определяет лишь общие принципы и правила функционирования институтов гражданского общества, контролируя их соблюдение в основном в случае нарушения законодательно установленных норм.

В рамках такой модели инициатива снизу реализуется достаточно легко. Например, во Франции, чтобы создать и зарегистрировать партию, нужно провести собрание (независимо от количества членов), написать программу и устав, заплатить небольшую пошлину и послать документы в регистрирующий орган. Если партия не провозглашает открыто радикалистских и экстремистских целей, то её легко регистрируют и она получает полное право участвовать в политической жизни Франции.

Кроме того, такая модель предполагает наличие развитых и эффективных механизмов влияния гражданского общества на государство, обеспечивающих представительство и влияние в органах государственной власти широкого спектра имеющихся в гражданском обществе частных интересов.

В то же время данная модель имеет существенные недостатки. В этом многосложном и конкурентном взаимодействии официально закрепленные права и возможности институтов гражданского общества и отдельных граждан

на участие в политике на практике нередко не дают никаких особых преимуществ. Несмотря на наличие официальных публичных механизмов управления, решения зачастую принимаются в узких комиссиях (на собраниях) должностных лиц, советами крупных промышленных концернов, партийными комитетами, группами, лоббирующими свои интересы. Процесс этот крайне сложен и, как полагают, например, американские ученые Б. Хогвуд и Л. Ганн, «постоянное участие в нем множества индивидуальных и групповых фигурантов в принципе делает маловероятным рациональный подход к оценке и решению социальных проблем»¹³.

Третья модель – это *модель с преобладанием объект-субъектных* отношений, в соответствии с которой гражданское общество выступает доминирующим субъектом регулирования и контроля за государством:

$$O \ll S.$$

Это модель минимального вмешательства государства в общественные отношения. Примером в определенной степени может служить концепция государства – «ночного сторожа» периода раннего либерализма. Однако перманентные социальные конфликты XIX в. в разных странах показали несостоятельность такой модели.

Современные ее сторонники акцент делают на подконтрольности институтам гражданского общества политических механизмов перераспределения общественных ресурсов.

С определенной долей условности к наиболее радикальному левому варианту данной модели можно отнести также анархистский проект П. Кропоткина, который не отрицал наличия некой политической структуры, регулирующей взаимодействие автономных и самодостаточных общественных образований, действующих на основе самоуправления.

Как представляется, для нашей страны более целесообразно использование второй модели. По крайней мере, можно утверждать наличие как объективных предпосылок, так и определенных, хотя и слабых тенденций к ее воплощению.

Приведем объективные предпосылки особой функциональности Российского государства. Огромная и разнородная территория (то есть географический фактор) обуславливает неизбежность государственного вмешательства для выравнивания экономических условий деятельности и социальных условий проживания в разнородных регионах. Условия проживания в Воркуте и Сочи, Якутске и Калининграде настолько различны, что объективно требуют специфической государственной политики для каждого региона.

Кроме того, большая территория и особое геополитическое положение России неизбежно диктуют необходимость уделять особое внимание укреплению обороноспособности страны и

содержанию мощной армии, способной предотвратить угрозы потенциального агрессора. Вся трагическая и одновременно героическая история России подтверждает такую объективную потребность.

Важнейшим фактором выступают полиэтничный и поликонфессиональный состав Российской Федерации и соответствующие потенциальные проявления центробежных тенденций, противостоять которым может только сильная общенациональная государственная политика.

Значительная часть сельскохозяйственных регионов России находится в зоне рискованного земледелия. Данное обстоятельство также объективно обуславливает наличие существенных общенациональных продовольственных резервов и требует мощной государственной аграрной политики.

Необходимость модернизации всех сфер общественной жизни, объективная потребность в которой особенно обострилась в результате нарастания процессов конкуренции в условиях глобализации и мирового финансового кризиса, также требует концентрации общенациональных ресурсов на прорывных стратегических направлениях и соответствующей государственной политики. Демографический кризис диктует необходимость соответствующей государственной программы решения данной проблемы.

Перечисление объективных факторов может быть продолжено, но даже схематичное обозначение указанного выше достаточно для того, чтобы продемонстрировать неизбежно активную и значимую регулируемую роль государства в общественном развитии России.

Говоря о тенденциях, с одной стороны, можно отметить наличие определенной динамики структурных элементов гражданского общества в современной России. Прежде всего нужно признать, что формализованный уровень гражданской субъектности в современной России достаточно высок и закреплён на конституционном и законодательном уровне.

С одной стороны, однако, практическая эффективность данной субъектности намного ниже. Обусловлено это в значительной степени тем, что в системе взаимоотношений власти, общества и бизнеса (составляющих институциональную основу гражданского общества в России) большую роль играет манипуляционное начало, которое нередко сводит субъектность гражданского участия (в политике прежде всего) к его формальному варианту. Другим важнейшим фактором снижения эффективности институтов гражданского общества является отсутствие прозрачных, действующих на правовой основе каналов лоббирования¹⁴, одним из последствий которого выступает повсеместная коррупция во всех ее проявлениях*.

* Данная проблема требует отдельного всестороннего исследования.

Важность поиска новых подходов к управленческой деятельности в этих условиях, по мнению В.А. Потехина, обусловлена двумя противоречивыми особенностями современного развития: «С одной стороны, выстраивание управленческой вертикали открывает новые возможности целенаправленного планомерного развития всего общества, а с другой – усиливаются угрозы и риски неоправданного ограничения и сворачивания свободной, инициативной, творческой самостоятельности человека как главного мотора общественного развития»¹⁵.

С учетом данных тенденций модель взаимодействия государства и гражданского общества в политической сфере может стать эффективной на основе, с одной стороны, планомерного воплощения стратегической государственной программы общественного развития, а с другой – создания оптимальных условий для реализации социальных инноваций снизу. Баланс субъектно-объектного взаимодействия двух этих фундаментальных основ российского социума найти очень непросто. Как представляется, только на его основе можно мобилизовать все имеющиеся ресурсы для того, чтобы Россия заняла достойное место в системе мировых отношений в условиях жесткой конкуренции ведущих держав и интенсивного внедрения революционных технологий во многих модернизирующихся странах.

Кроме того, именно сбалансированное взаимодействие государства и гражданского общества, осуществляемое на правовой основе, сможет гарантировать сохранение и укрепление демократического потенциала в современной России и обеспечить сочетание преемственности и стабильности развития страны с возможностями постоянного обновления и нахождения адекватных ответов на возникающие внутренние и внешние вызовы времени.

Процесс формирования такого баланса очень противоречив, так как механизмы возникновения и развития институтов гражданского общества в разных сферах общественной жизни в постсоветской России существенно отличаются друг от друга по форме, содержанию и результатам.

Например, по данным органов юстиции, число НКО (общественных и религиозных объединений, политических партий, других структур) в Саратовской области составляло на 1 декабря 2008 г. 3,5 тысячи, в том числе 2674 общественных объединения, 322 религиозные организации, 503 иные некоммерческие организации¹⁶.

Количественный рост налицо (по сравнению с советским периодом более чем в 100 раз), однако реально, по данным председателя Комитета общественных связей и национальной политики Саратовской области, на тот момент работало лишь около тысячи организаций, остальные существовали только на бумаге¹⁷. Например, в рамках областной целевой программы правительство проводило конкурс среди общественных объеди-

нений на получение субсидий из областного бюджета. Тем не менее в 2008 г. в конкурсе приняло участие всего лишь около 160 организаций. В рамках экспертного совета – общественного органа, который участвует в экспертизе проектов областных законов, – работают представители только 90 общественных организаций, хотя он и открыт для всех зарегистрированных в области¹⁸.

Особого успеха за последние два десятилетия достигла институционализация гражданских отношений в экономической сфере. Несмотря на бюрократические препоны, деятельность малого и среднего бизнеса в современной России не просто набирает силу, но обретает политическую субъектность в виде различных общественно-политических организаций. Наиболее известна по своему социальному статусу и ресурсным возможностям Торгово-промышленная палата, а также другие подобные ассоциации¹⁹.

В целом анализ материалов позволяет констатировать, что доминирующую роль в процессе взаимодействия играют властные структуры, о чем свидетельствует не только подчеркнутое внимание власти к проблемам развития гражданского общества, но и регулярность проведения гражданских форумов, поддержка НКО посредством расширения системы государственных грантов, воссоздание института общественных палат и т.п.

В Саратовской области были приняты и действуют региональные законы «О государственной поддержке общественных объединений в Саратовской области», «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», областная целевая программа «Развитие институтов гражданского общества в Саратовской области на 2008–2009 гг.», долгосрочная областная целевая программа «Развитие институтов гражданского общества в Саратовской области на 2010–2012 гг.»²⁰ и др. Тем не менее, несмотря на заявления об упрощении процедуры государственной регистрации, введение соответствующих административных регламентов, до сих пор инициативные граждане сталкиваются со сложной процедурой, массой бюрократических препон, волокитой при создании новых и реорганизации действующих общественных организаций²¹.

В качестве примера взаимодействия региональной власти и гражданского общества можно привести ставший уже традиционным Гражданский форум Саратовской области. Он проводится в области ежегодно, начиная с 2008 г. В течение нескольких дней прошла серия круглых столов и семинаров, завершившаяся итоговым заседанием, на котором была принята резолюция, вобравшая в себя резолюции со всех «переговорных площадок»²². В рамках первого Форума состоялись следующие мероприятия: заседание Конгресса Ассамблеи народов Саратовской области; совместное заседание Общественной палаты и Экспертного совета при правительстве области; семинар – круглый стол «Перспективы развития

этноконфессиональных отношений в Саратовской области»; переговорные площадки по темам «Стратегия 2020», «Общественная палата как инструмент взаимодействия органов власти и населения», «Коммуникация власти и молодежи в антикоррупционной политике», «Формирование благоприятных условий для развития благотворительных инициатив и улучшение положения социально незащищенных категорий граждан», «Молодежь: национальный и социальный аспект», «Детско-юношеская общественная организация – основа формирования гражданского общества», «Грани патриотизма», «Совершенствование региональной и муниципальной экологической политики», «Информационные стратегии социальной политики в отношении инвалидов», «Семья как основа стабильности общества», «Защита прав и законных интересов трудовых мигрантов гражданским обществом Саратовской области», «Преодоление правового нигилизма как основы коррупции», «Межнациональные отношения: проблемы и перспективы», «Роль СМИ и НКО в формировании общественного мнения, мировой опыт и региональные особенности», «Совершенствование правового регулирования диалога общества и власти».

Тематика Гражданского форума общества, содержание обсуждаемых проблем свидетельствуют о многообразии основных направлений деятельности, которые институты гражданского общества реализуют в сотрудничестве с государственными структурами. Сам по себе Форум, организованный совместно Общественной палатой и Комитетом общественных связей и национальной политики правительства области, продемонстрировал внимание со стороны исполнительной и законодательной власти к «третьему сектору», их восприятие общественных организаций как полноправных партнеров и готовность к поддержке деятельности последних. Неслучайно по его окончании было принято распоряжение правительства Саратовской области, в котором органам государственной власти и местного самоуправления рекомендовалось обеспечить рассмотрение решений и резолюций переговорных площадок Гражданского форума Саратовской области. Областные органы исполнительной власти должны ежеквартально предоставлять мотивированную информацию вице-губернатору – первому заместителю председателя правительства области А.Г. Бабичеву о ходе рассмотрения резолюций Гражданского форума Саратовской области²³.

В рамках II Гражданского форума Саратовской области 2009 г. также состоялась серия переговорных площадок, посвященных перспективам социального, общественно-политического, культурного развития губернии. В дискуссиях приняли участие лидеры общественных объединений, представители органов государственной власти, независимые эксперты. На переговорных площадках «Защита прав, свобод и законных

интересов граждан Саратовской области», «Независимые суды: миф или реальность» поднимались проблемы правоприменительной практики. В ходе дискуссии «Взаимодействие национально-культурных объединений области с органами власти и УВД в противодействии ксенофобии, профилактике конфликтов на этнической почве в муниципальных образованиях области» обсуждалась роль национальных общественных организаций в укреплении мира и согласия между народами, проживающими на территории Саратовской области. Особую актуальность обсуждаемой теме придавал акцент на ситуацию, складывающуюся в районах области. На двух переговорных площадках развернулась дискуссия о перспективах патриотического воспитания молодежи. Участники отметили важность увековечения памяти воинов, защищавших нашу Родину, – это, безусловно, будет способствовать нравственному воспитанию молодежи. Особое внимание уделили вопросам оказания шефской помощи со стороны Саратовской области подразделениям Черноморского флота РФ. Большой общественный интерес вызвала переговорная площадка «СМИ как фактор гражданской стабильности общества». В ее рамках рассматривалась роль средств массовой информации в развитии гражданских инициатив, диалога в треугольнике «общество – власть – СМИ». На переговорной площадке «Роль общественных организаций в развитии международных связей Саратовской области» обсуждалась перспектива укрепления горизонтальных связей между общественными организациями различных стран²⁴.

В сентябре-октябре 2010 г. состоялся уже третий Гражданский форум, деятельность которого охватила все районы Саратовской области. В течение двух месяцев проходили круглые столы, конференции, переговорные площадки, тематические национальные праздники, выставки, фестивали – всего более 50 областных и районных мероприятий²⁵.

О значимости проблематики развития институтов гражданского общества свидетельствует и тот факт, что 19 июля 2010 г. на аппаратном совещании в ООС «Общественная Комиссия по мониторингу реализации в Саратовской области Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ» был рассмотрен и положительно решен вопрос о включении в структуру этого общественного объединения должности уполномоченного по делам средств массовой информации и некоммерческих организаций в Саратовской области²⁶. Однако уже 8 ноября 2010 г. руководитель аппарата ООС «Общественная Комиссия по мониторингу реализации в Саратовской области Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ» С.А. Почечуев аннулировал полномочия уполномоченного по СМИ и НКО в Саратовской области, которыми он был наделен аппаратом Комиссии, с форму-

лировкой «за утрату доверия»²⁷. Очевидно, что скандальная ситуация не снижает значимости данного направления работы, а обуславливает лишь необходимость более внимательно и ответственно относиться к выбору его руководителей.

В целом можно констатировать, что процесс становления институтов гражданского общества в постсоветской России реализуется медленно и противоречиво. Многие институты (в противовес классическим концепциям) появляются по инициативе государства и стимулируются в результате постоянного внимания властных органов. Российская специфика заключается не только в том, что политико-правовые нормы и государственные решения задают условия и рамки, в которых субъекты гражданского общества осуществляют свои практики, но и в том, что властные структуры нередко выступают инициаторами преобразований в данной сфере. Тем самым институты гражданского общества фактически включаются в сферу политического управления на основе определенных политических технологий.

В то же время даже в этом случае можно вести речь об относительной самостоятельности и независимости действий субъектов гражданского общества, о проявлении в перспективе собственной логики развития. Она объективно обусловлена имманентной функциональностью гражданских институтов, закрепленных на нормативно-правовом уровне.

В процессе реализации гражданскими институтами своих повседневных практик они могут меняться под воздействием социальной среды и конкретных обстоятельств, а также в результате мотивации деятельности лидеров данных структур, активно и творчески стремящихся утвердиться на своем поприще или сделать свою дальнейшую карьеру. Кроме того, необходимо помнить, что действия этих лидеров не всегда объективно детерминированы социально-экономической и политической средой, но могут быть и иррационально мотивированными.

Это обстоятельство еще более снижает потенциальную возможность формирования гражданского общества по заранее определенной и утвержденной схеме.

Оптимальным и наиболее целесообразным представляется использование двухуровневого подхода к анализу формируемой модели взаимоотношений власти и общества в современной России. Это предполагает, с одной стороны, выявление потенциальных возможностей в сфере гражданского общества (степени готовности граждан к социально-политическому и социально-экономическому участию, внутренних тенденций развития существующих институтов, перспективы появления новых структур, сферы малого и среднего бизнеса и т.д.), а с другой – степень реального участия граждан и их объединений в различных сферах общественной жизни.

При таком подходе развитие гражданского общества в России рассматривается как медленное, но поступательное движение за счет совершенствования существующих и формирования новых механизмов и институтов взаимоотношений между властью и обществом, способных не только выполнять декоративные функции, но и реально защищать интересы разных социальных групп.

Это позволит уйти от схематичных попыток соотнести российский процесс становления гражданского общества с идеальными типическими западными моделями и концентрировать внимание научного сообщества на выработке практических предложений по оптимизации реально существующих институтов и механизмов взаимоотношений и каналов взаимодействия власти, общества и бизнеса.

В этом случае стратегический вектор исследований будет заключаться не в выявлении отклонений от изначально заданных параметров западной модели, а в оценке эффективности и результативности функционирования сложившихся институтов гражданского общества в современной России. При таком подходе российская политическая система и гражданское общество оцениваются как элементы единого социального контекста. В этом смысле можно говорить о некой общей логике их развития, структурной взаимозависимости, взаимосвязанности и иерархической соподчиненности составляющих их субъектов и структур. Это обстоятельство обуславливает специфику процесса становления гражданского общества в современной России и уникальность формируемой модели общественного управления.

Примечания

- ¹ См.: *Вырывдин В.А.* Гражданское общество // Социально-политический журнал. 1992. № 8; *Кочетков А.П.* На пути к гражданскому обществу. М., 1992; *Кравченко И.* Концепция гражданского общества в философском развитии // Полис. 1991. № 5; *Шаниро И.* Демократия и гражданское общество // Полис. 1992. № 4; и др.
- ² *Сергеев С.Г.* Становление гражданского общества в России: историко-политологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 1999. С. 4.
- ³ *Голенкова З.Т.* Гражданское общество в России // Социс. 1997. № 3. С. 26.
- ⁴ См.: *Вайнштейн Г.* Формирование гражданского общества в России // МЭМО. 1998. № 5; *Воронцова Л., Филатов С.* «Русский путь» и гражданское общество // Свободная мысль. 1995. № 1; *Дилигенский Г.* Что мы знаем о демократии и гражданском обществе // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4; *Пляйс Я.А.* Тема гражданского общества в диссертациях российских докторов и кандидатов политических наук // Политическая наука. 2002. № 1; *Серебряков С.Л.* Цивилизационные основы формирования гражданского общества в Рос-

- сии // Социально-политическая жизнь. 1995. № 2; Стратегии формирования гражданского общества в России. СПб., 2002; *Хорос В.Г.* Гражданское общество: как оно формируется (и сформируется ли) в постсоветской России? // МЭиМО. 1997. № 5; *Хлопин А.Д.* Гражданское общество или социум клик: российская дилемма // Полития. 1997. № 1; и др.
- 5 Цит. по: *Громогласова Е.С.* Теория и практика политического управления в Европейском союзе. М., 2009. С. 13.
 - 6 *Хорос В.Г.* Модернизация, авторитаризм и демократия в посттрадиционных обществах // Модернизация, авторитаризм и демократия: Сб. материалов конф. ИМЭМО РАН, 29 марта 2010 г. М., 2010. С. 8.
 - 7 См.: *Оруэлл Дж.* «1984». М., 1989.
 - 8 См.: *Шабров О.Ф.* Политическое управление: проблема стабильности и развития. М., 1997. [Электронная версия]. URL: <http://www.shabrov.info/Polupr/titul.htm> (дата обращения: 09.11.10.)
 - 9 Там же.
 - 10 См.: *Арато А., Коэн Д.* Гражданское общество и переходный период от авторитаризма к демократии // Гражданское общество. М., 1994.
 - 11 См.: *Шабров О.Ф.* Указ. соч.
 - 12 Там же.
 - 13 Цит. по: *Соловьёв А.И.* Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. М., 2006. С. 482–483.
 - 14 См.: *Любимов А.П.* История лоббизма в России. М., 2005.
 - 15 *Потехин В.А.* Развитие взаимодействия государства и гражданского общества как условие модернизации управленческой деятельности // Власть. 2010. № 8. С. 59.
 - 16 Доклад Общественной палаты Саратовской области «О состоянии гражданского общества в Саратовской области в 2008 году». [Электронная версия]. URL: http://sargo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1112&Itemid=115 (дата обращения: 15.09.09)
 - 17 В области реально работает лишь треть зарегистрированных общественных организаций // Российская газета – Средняя Волга. 2008. 9 окт.
 - 18 Там же.
 - 19 Подробнее см.: *Вилков А.А.* Проблема транспарентности взаимодействия власти и бизнеса в современной России // Политико-правовые основы предпринимательства в России: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию юрид. фак. Сарат. ун-та. Саратов, 2008. С. 218–223.
 - 20 Постановление Правительства Саратовской области от 3 августа 2009 г. № 344-П «О долгосрочной областной целевой программе» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianpeople.ru/ru/node/41929> (дата обращения: 09.11.10.).
 - 21 Доклад Общественной палаты Саратовской области «О состоянии гражданского общества в Саратовской области в 2008 году».
 - 22 [Электронный ресурс]. URL: http://sargo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=976&Itemid=120 (дата обращения 15.09.09.)
 - 23 Распоряжение Правительства Саратовской области «Об итогах Гражданского форума Саратовской области» от 17 февраля 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: http://sargo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1154&Itemid=120 (дата обращения: 15.09.09.)
 - 24 На переговорных площадках II Гражданского форума обсудили патриотизм и СМИ. [Электронная версия]. URL: <http://redcollegia.ru/news.php?id=10017>. (дата обращения: 11.11.10.)
 - 25 Третий Гражданский Форум Саратовской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/komobotn/news/detail.php?ID=51041> (дата обращения: 11.11.10.)
 - 26 В Саратовской области появился третий уполномоченный. [Электронный ресурс]. URL: <http://rumorology.conspirology.org/2010/07/19/v-saratovskoj-oblasti-poyavilsya-tretij-upolnomochennyy.html> (дата обращения: 10.11.10.)
 - 27 Уполномоченный по СМИ и НКО в Саратовской области «утратил доверие». [Электронный ресурс]. URL: <http://rumorology.conspirology.org/2010/11/09/grigorij-axtyrko-bolshe-ne-yavlyaetsya-upolnomochennym.html#more-3215> (дата обращения: 10.11.10.)

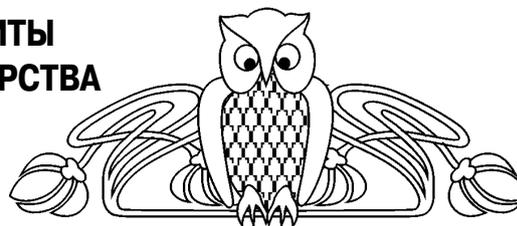
УДК 543.51

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ПРАКТИКЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В.А. Труханов

Саратовская государственная академия права
e-mail: sambur_sar@rambler.ru

В статье раскрывается роль ответственной политической элиты в формировании институциональной структуры гражданского общества, способной эффективно взаимодействовать

с государственной властью, в частности на региональном уровне.

Ключевые слова: политическая элита, ответственность политической элиты, принятие политического решения, институты гражданского общества, институты власти, региональный политический процесс.

- сии // Социально-политическая жизнь. 1995. № 2; Стратегии формирования гражданского общества в России. СПб., 2002; *Хорос В.Г.* Гражданское общество: как оно формируется (и сформируется ли) в постсоветской России? // МЭиМО. 1997. № 5; *Хлопин А.Д.* Гражданское общество или социум клик: российская дилемма // Полития. 1997. № 1; и др.
- 5 Цит. по: *Громогласова Е.С.* Теория и практика политического управления в Европейском союзе. М., 2009. С. 13.
 - 6 *Хорос В.Г.* Модернизация, авторитаризм и демократия в посттрадиционных обществах // Модернизация, авторитаризм и демократия: Сб. материалов конф. ИМЭМО РАН, 29 марта 2010 г. М., 2010. С. 8.
 - 7 См.: *Оруэлл Дж.* «1984». М., 1989.
 - 8 См.: *Шабров О.Ф.* Политическое управление: проблема стабильности и развития. М., 1997. [Электронная версия]. URL: <http://www.shabrov.info/Polupr/titul.htm> (дата обращения: 09.11.10.)
 - 9 Там же.
 - 10 См.: *Арато А., Коэн Д.* Гражданское общество и переходный период от авторитаризма к демократии // Гражданское общество. М., 1994.
 - 11 См.: *Шабров О.Ф.* Указ. соч.
 - 12 Там же.
 - 13 Цит. по: *Соловьёв А.И.* Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. М., 2006. С. 482–483.
 - 14 См.: *Любимов А.П.* История лоббизма в России. М., 2005.
 - 15 *Потехин В.А.* Развитие взаимодействия государства и гражданского общества как условие модернизации управленческой деятельности // Власть. 2010. № 8. С. 59.
 - 16 Доклад Общественной палаты Саратовской области «О состоянии гражданского общества в Саратовской области в 2008 году». [Электронная версия]. URL: http://sargo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1112&Itemid=115 (дата обращения: 15.09.09)
 - 17 В области реально работает лишь треть зарегистрированных общественных организаций // Российская газета – Средняя Волга. 2008. 9 окт.
 - 18 Там же.
 - 19 Подробнее см.: *Вилков А.А.* Проблема транспарентности взаимодействия власти и бизнеса в современной России // Политико-правовые основы предпринимательства в России: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию юрид. фак. Сарат. ун-та. Саратов, 2008. С. 218–223.
 - 20 Постановление Правительства Саратовской области от 3 августа 2009 г. № 344-П «О долгосрочной областной целевой программе» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianpeople.ru/ru/node/41929> (дата обращения: 09.11.10.).
 - 21 Доклад Общественной палаты Саратовской области «О состоянии гражданского общества в Саратовской области в 2008 году».
 - 22 [Электронный ресурс]. URL: http://sargo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=976&Itemid=120 (дата обращения 15.09.09.)
 - 23 Распоряжение Правительства Саратовской области «Об итогах Гражданского форума Саратовской области» от 17 февраля 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: http://sargo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1154&Itemid=120 (дата обращения: 15.09.09.)
 - 24 На переговорных площадках II Гражданского форума обсудили патриотизм и СМИ. [Электронная версия]. URL: <http://redcollegia.ru/news.php?id=10017>. (дата обращения: 11.11.10.)
 - 25 Третий Гражданский Форум Саратовской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/komobotn/news/detail.php?ID=51041> (дата обращения: 11.11.10.)
 - 26 В Саратовской области появился третий уполномоченный. [Электронный ресурс]. URL: <http://rumorology.conspirology.org/2010/07/19/v-saratovskoj-oblasti-poyavilsya-tretij-upolnomochennyy.html> (дата обращения: 10.11.10.)
 - 27 Уполномоченный по СМИ и НКО в Саратовской области «утратил доверие». [Электронный ресурс]. URL: <http://rumorology.conspirology.org/2010/11/09/grigorij-axtyrko-bolshe-ne-yavlyaetsya-upolnomochennym.html#more-3215> (дата обращения: 10.11.10.)

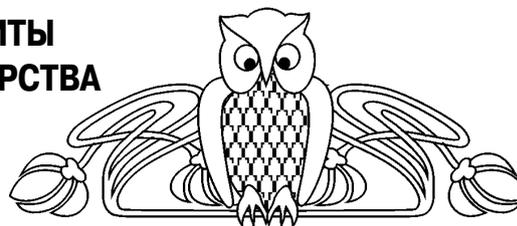
УДК 543.51

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ПРАКТИКЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В.А. Труханов

Саратовская государственная академия права
e-mail: sambur_sar@rambler.ru

В статье раскрывается роль ответственной политической элиты в формировании институциональной структуры гражданского общества, способной эффективно взаимодействовать

с государственной властью, в частности на региональном уровне.

Ключевые слова: политическая элита, ответственность политической элиты, принятие политического решения, институты гражданского общества, институты власти, региональный политический процесс.

Responsibility of Political Elite in Practical Person of the Interaction State and Civil Society: Regional Aspect

V.A. Trukhanov

The role of responsible political elite opens in article in shaping structures civil society, capable effectively to interact with state power on regional level in particular

Key words: political elite, responsible political elite, taking the political decision, institutes civil society, institutes authorities, regional political process.

Актуальность данной темы обусловлена существованием проблемы создания устойчивых и эффективных институтов, норм, принципов, установок, призванных оказывать положительное воздействие на судьбу граждан, региона и в целом государства. Неудивительно поэтому, что дискуссии о роли, которую играет политическая элита в процессе разработки, принятия и проведения в жизнь политических решений на разных уровнях власти – муниципальном, региональном, федеральном, – равно как и о влиянии, которое она оказывает на развитие гражданского общества, продолжают привлекать внимание как специалистов, представляющих различные области знания, так и тех кто осуществляет практическую политику.

Вынесенное в название статьи словосочетание «ответственность политической элиты» может вызвать неоднозначные суждения, так как оно несет в себе метафизическое противоречие. Ведь слово «элита» в переводе с французского означает «лучшее», «отборное», «избранное», поэтому «лучшее» уже подразумевает «ответственное». К сожалению, политическая практика последних лет в России показала, что находящиеся у власти люди зачастую идентифицируются научным сообществом как не самые ответственные и лучшие.

Ответственность – понятие философско-социологическое, отражающее характер взаимоотношений личности, коллектива, общества с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним взаимных требований. Если мы заглянем в социологическую энциклопедию, то найдем, что «*ответственность* – это качество социального субъекта, организующее его социальное взаимодействие на основе сознательного творческого осуществления предъявляемых требований»¹.

Термин «элита» в прошлом применялся к той части общества, в которой состояли наиболее богатые, авторитетные, почитаемые представители разных социальных групп. Особенностью современного политического положения в России является то, что на формирование политической элиты существенное влияние оказывают деструктивные социальные и экономические факторы, и можно с уверенностью констатировать – сейчас в политическую элиту входят представители криминально-

олигархических группировок, что особенно ярко проявляется на региональном уровне.

Вынесенное в название статьи понятие «ответственность» является антиподом понятия «безответственность». На наш взгляд, «безответственность» означает, когда индивид или социальная группа: 1) не осознает своей ответственности, не отвечает за свои действия; 2) действует без осознания ответственности; 3) свободны от ответственности, не подлежат контролю.

Таким образом, с большой долей уверенности можно предположить, что есть «ответственная элита», «неответственная элита» и «безответственная элита». Образуется достаточно обширное проблемное поле для исследований в области функционирования элиты. Но из-за небольшого исследовательского пространства данной статьи мы не будем рассматривать эти понятия, равно как и такие категории как «элита», «политическая элита», «региональная элита» и т.п.

Отметим только, что концепции элит Г. Моски, В. Парето и Р. Михельса² дали толчок широким теоретическим и эмпирическим исследованиям групп, руководящих государством или претендующих на это. Современные теории элит разнообразны. Мы будем опираться на либеральный подход к элитарности общества, который отличают демократичность и отрицание ряда жестких установок классических теорий элит. К активным сторонникам этого подхода можно отнести австрийского социолога Йозефа Алоиса Шумпетера. Следуя элитарной традиции, он определял элиту как властвующее меньшинство, занимающее в государственных и экономических институтах общества стратегические позиции и оказывающее значительное влияние на жизнь большинства людей путем принятия политических решений.

Надо отметить, что принятие политического решения всегда сопровождается определенным риском. И это накладывает отпечаток на политическую элиту, находящуюся у власти. Так, политическая практика показывает, что политическая элита формируется по таким критериям, как наличие у человека определенных качеств, которые в его творческом потенциале представлены незаурядными способностями и задатками. В разные конкретно-исторические эпохи нужны были и разные качества у человека, стремившегося в элитарное политическое сообщество. Например, в сталинскую эпоху в элиту входили люди достаточно жесткие, принимающие политические решения без оглядки на судьбы людей, ставившие на первое место интересы государства, не боявшиеся риска и встречающиеся с массами людей на митингах. Современное политическое время выдвигает в политическую элиту людей с другими качествами, и как показывает практика, в большинстве своем это люди достаточно осторожные, сторонящиеся публичной политики, общающиеся с электоратом в основном с экрана

телевизора или на заранее подготовленных площадках, уходящие от дискуссий, что и породило феномен неответственности.

Другой фактор, повлиявший на феномен неответственности, – отсутствие гражданского общества в том смысле, который в него вкладывает западное ученое сообщество. Дело в том, что гражданское общество – это система самоорганизующихся посреднических групп, которые относительно независимы как от органов государственной власти, так и от внесударственных единиц производства и воспроизводства – корпораций и семей; способны планировать и осуществлять коллективные акции по защите и достижению своих интересов или устремлений, не стремясь при этом подменять ни государственные структуры, ни частных производителей или же принимать на себя функции по управлению государством; согласны действовать в рамках сложившихся правовых норм. Социальная сущность гражданского общества – быть прослойкой, амортизировать взаимодействие власти и народа, правительства и людей. Упрочение гражданского общества заключается в появлении партийного спектра, способности проводить легальным путем гражданские идеалы без боязни репрессий. При наличии гражданского общества нет наследуемой власти, существуют ограничения абсолютизма, ротация эшелонов власти, передача управленческого статуса и правления согласно заявлению народной воли. Гражданское общество формирует «питательную среду» для состоятельности в политической сфере, обеспечивает передачу эстафеты полномочий по вердикту народа. В полной мере это касается и регионального уровня. Поэтому современное цивилизованное общество характеризуется развитым гражданским обществом, способным существенно влиять на властную политическую элиту.

Как нам представляется, в России в свете модернистских изменений последних лет роль гражданского общества должна существенно возрасти. Связано это с тем, что у политической элиты с целью ускорения модернизационных процессов появляется искушение использования практики силового продавливания законов и политических решений, прикрываясь фразеологией о политической целесообразности, пренебрегая мнением гражданского общества, нормами морали, а зачастую и права, что ведет в тупик во взаимоотношениях гражданского общества и государства.

Наиболее ярко данное противоречие проявляется во взаимодействии государства и гражданского общества в региональном политическом процессе. Это можно объяснить тем, что региональные институты гражданского общества во многом конъюнктурны и находятся в стадии формирования, имеют слабую социальную базу в силу социальной пассивности граждан, находящихся в стороне и занимающих наблюдательно-

созерцательную позицию. Государственные же институты не заинтересованы во вмешательстве гражданского общества в процесс принятия политических решений в силу исторически сложившейся традиционной практики авторитарного менеджмента. Это подтверждается исследованиями в течение двух лет (с 2007 по 2008 г.) сотрудников Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина в рамках проекта «Трансформация механизмов взаимодействия власти и общества в России. Влияние сетевых структур третьего сектора на характер политического процесса». Проведена серия глубинных интервью с руководителями некоммерческих организаций в трех регионах Приволжского федерального округа – Саратовской, Самарской и Ульяновской областях.

Анализ российского опыта (пусть даже и весьма незначительного) взаимодействия органов власти с сетевыми структурами третьего сектора позволяет сделать выводы о существовании трех возможных вариантов (моделей) такой интеракции, которые тесно связаны с видами политических механизмов.

1. Патерналистский (доминантный) – вариант, при котором органы власти стремятся оказать давление на существующие НКО, встроить их в собственную иерархическую систему, отводя им роль подчиненной структуры. При этом диалог сводится к диктату со стороны властных структур собственных условий сетям с минимальным учетом мнения последних. Однако сети являют собой антоним иерархии, что определяет бесперспективность и крайнюю неэффективность этого подхода.

2. Партнерский – заключается в попытках властных органов встроиться в действующие сети некоммерческих организаций, выступить в качестве одного из сетевых узлов. «Властный узел», как правило, пытается играть ключевую роль в сетевом взаимодействии, определяя характер функционирования всего сетевого образования. Несмотря на большую, по сравнению с предыдущим подходом, вариативность складывающихся отношений, данный подход все же мало перспективен и малоэффективен, поскольку сеть не воспринимает моноцентризма и отторгает его. В результате сеть переходит в латентное состояние, нарушается коммуникация между сетями НКО и органами власти.

3. Институционально-коммуникационный – предполагает разработку практик, преследующих цель опосредованного взаимодействия или воздействия органов власти на сетевые образования. Органы власти, таким образом, выступают инициатором и архитектором сетей. Реализация данной модели возможна в двух вариантах. В рамках первого интеракция осуществляется опосредованно, через медиатора – оператора сети, аффилированного органами власти. Эффективность данного подхода зависит от авторитетно-

сти и влиятельности организации-посредника, а также от неразглашения информации о связи этой организации с властными структурами. В рамках второго варианта предполагается использование потенциала сетевых структур некоммерческого сектора через установление повестки дня НКО. Суть данного подхода заключается в создании сетей НКО путем формирования единого информационно-коммуникационного пространства НКО и введения в их повестку дня тех или иных проблем. Чем большее число информационных каналов при этом задействовано, тем результативнее будет данный подход³.

Таким образом, можно заявить о том, что во всех трех моделях взаимодействия государственных институтов и гражданского общества органы власти стараются играть ключевую роль, стремясь подчинить себе или оказать давление на негосударственные некоммерческие институты. Становится ясно, что практика взаимодействия государства и гражданского общества свидетельствует о несоответствии целей и ценностных ориентиров государства и гражданского общества.

Возможный путь решения проблемы в сторону демократизации отношений – создание института ответственности политической элиты в сфере взаимодействия власти и гражданского общества, а также воспитание гражданской инициативы, создание развитой инфраструктуры гражданского общества. Под инфраструктурой гражданского общества нами понимается комплекс взаимодействующих между собой институтов, ролей, связей, норм и традиций.

Можно сделать вывод, что успешная стратегия ответственной региональной политической элиты в современной ситуации модернизации состоит в формировании такой институциональной структуры политической системы, которая должна отвечать двуединым требованиям: во-первых, наследовать оправдавшие себя в прошлом политические механизмы, обеспечивающие политическую стабильность; во-вторых, быть открытой для институциональных инноваций. Выполнение данных требований позволяет политической элите выводить политические процессы в регионе на оптимальный режим, выдерживать наиболее прагматичный, сбалансированный, поступательный курс политических преобразований. Нарушение равно-

весия указанных требований влечет кризисные явления, а в конечном итоге – провал политического курса.

Ответственность региональной политической элиты закрепляется контролем со стороны гражданского общества. С одной стороны, механизмы контроля гражданским обществом политической элиты должны быть направлены на постоянную и широкую общественную экспертизу действий элиты, при необходимости – на их корректировку. С другой стороны, действия элиты должны вписываться в контекст гражданственности, патриотизма, системы национальных интересов и приоритетов конкретной страны и региона, конкретного социума. Иными словами, действия элиты в современных условиях должны быть, помимо всего прочего, соотношены с общепризнанными ценностями и целями развития конкретного общества и региона.

В заключение можно отметить, что основной путь появления ответственной политической элиты в регионе лежит через создание механизмов выдвижения политических лидеров из гражданского общества и систему непрерывного контроля со стороны институтов гражданского общества. Основой такого механизма является уверенность рядовых граждан в том, что политическая элита – это не привилегированная и закрытая группа, способная манипулировать административным аппаратом для собственной выгоды.

Примечания

- ¹ Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003. С. 129.
- ² См., напр.: *Ашин Г.К.* Наука об элитах и элитном // *Власть*. 2004. № 1. С. 46–56; *Гаман-Голутвина О.В.* Определение основных понятий элитологии // *Полис*. 2000. № 3; *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // *Диалог*. 1990–1991; *Моска Г.* Правящий класс // *СОЦИС*. 1994. № 10; *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
- ³ См.: *Заббаров А.Г., Мамонов М.В.* Взаимодействие органов власти и сетевых структур некоммерческих организаций в российских регионах: практика упущенных возможностей // *Общество и безопасность: история, перспективы эволюции, современное состояние*: Межвуз. сб. науч. ст. Саратов: СВИБХБ, 2009. С. 103.

УДК 321.015

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

И.И. Кузнецов

Саратовский государственный университет
E-mail: politbum@mail.ru

Статья посвящена анализу основных правовых позиций Конституционного суда России и их влиянию на реализацию конституционного принципа разделения властей. Автор обращается к наиболее важным решениям Конституционного суда РФ, повлиявшим на распределение полномочий и ответственности органов государственной власти.

Ключевые слова: Конституционный суд России, государственная власть, политические институты, современные политические процессы России, Президент РФ, разделение властей, сдержки и противовесы.

The Legal Position of the Constitutional Court in Implementing the Principle of Separation of Powers

I.I. Kuznetsov

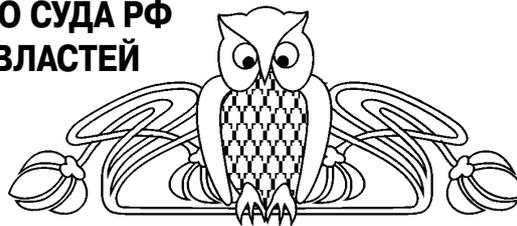
This article analyzes the principal legal position of the Russian Constitutional Court and its impact on the implementation of the constitutional principle of separation of powers. The author addresses the most important decisions of the Constitutional Court affect the distribution of powers and responsibilities of public authorities.

Key words: Russian Constitutional Court, government, political institutions, current political processes in Russia, Russian President, separation of powers, checks and balances.

Принцип разделения властей относится к ряду общих признаков демократического правового федеративного государства. В российской Конституции 1993 г. данный принцип закреплен в качестве одной из основ конституционного строя, что предполагает особое к нему отношение и невозможность изменения путем принятия поправок к основному закону. Этот принцип обязателен не только для федерального уровня, но и для организации государственной власти в субъектах Российской Федерации.

Согласованное функционирование ветвей власти и реализация механизма «сдержек и противовесов» зависит от многих факторов, но одним из важнейших представляется деятельность судебной ветви власти. В рамках данной публикации преследуется цель проанализировать основные решения Конституционного суда РФ, решающим образом повлиявшие на политическое становление, институционализацию разделения властей в нашей стране.

В правовой науке данный вопрос рассматривается, как правило, в контексте анализа конкретных механизмов и процедур обеспечения конституционного надзора и контроля. При этом учитываются и зарубежный опыт конституцион-

ного права, и особенности становления отечественной конституционной юстиции¹.

Полагаем наиболее важным сконцентрировать внимание на некоторых узловых вопросах деятельности Конституционного суда РФ (КС). Особенность юридической природы КС такова, что он должен не только применять Конституцию и право, но и в определенной мере «творить» его. Этот аспект дает почву для споров даже в странах, имеющих богатые традиции судебного конституционного контроля. По мнению американского юриста Л. Фридмана, «... суд идет дальше простой интерпретации. Суд изобретает и расширяет конституционную доктрину; некоторые из положений доктрины связаны с основным текстом легкими паутинками, если вообще связаны»². В этом положении, на наш взгляд, проявляется констатация особой важности роли Верховного суда США в реальности феномена «живой Конституции», обеспечивающего динамизм механизма разделения властей и всего правового поля³.

В правовой системе России официальное толкование Конституции (согласно ст. 125) предоставлено исключительно Конституционному суду РФ. Этот орган принимает такие акты толкования, которые строго обязательны для всех субъектов российского права и имеют, по существу, нормативный характер. Таким образом, это отличает КС от всех иных судов или иных органов государственной власти, которые могут в своей деятельности руководствоваться краткосрочными интересами или принимать решения под давлением различных общественных групп. «В этом смысле КС является хранителем долгосрочных конституционных ценностей, на основе которых выверяются решения органов законодательной или исполнительной власти», – пишет известный юрист, бывший судья Конституционного суда РФ, ныне президент Карачаево-Черкесской Республики Б.С. Эбзеев⁴. Здесь стоит добавить, что решения суда уточнили его собственные полномочия. Отныне суд общей юрисдикции или арбитражный суд, придя к выводу о несоответствии федерального закона или закона субъекта федерации, не вправе применить его в конкретном деле и обязан обратиться в Конституционный суд РФ с запросом о проверке конституционности этого закона⁵. Тем самым роль КС, на наш взгляд, как гаранта соблюдения механизма разделения властей усилена его возможностью контролировать процесс

«очищения» законодательства от противоречий и коллизий.

Остро стоит проблема соотношения собственно «политического» и «правового» начала в деятельности КС. Некоторые авторы указывают на то, что «в стремлении не быть втянутым в политическое противостояние <...> и затянуть рассмотрение вопросов огромной важности КС может подтолкнуть государственную власть к параличу»⁶. Тем самым фиксируется неизбежная «привязанность» конституционного правосудия к политике. Другие ученые полагают, что «конституционное правосудие находится вне трех властей, обеспечивая соблюдение ими своих полномочий»⁷, а следовательно, отрицается безусловность его политизированности. Некоторые исследователи предпочитают вообще рассматривать конституционный контроль в широком значении этого понятия, охватывая наряду с судебным конституционным контролем и иные формы (парламентские, контроль главы государства и т.п.), как особую власть – контрольную⁸. Последнее широкое понимание, в конечном счете, ведет к несколько иному взгляду на доктрину «сдержек и противовесов», так как их можно рассматривать только как формы контроля и взаимоконтроля.

Полагаем, что любые решения КС по вопросам толкования, превращения или конкретизации норм Основного закона не могут удовлетворять **всех** участников возможного спора или **все** политические силы, действующие в обществе (даже если их цели и деятельность тождественны конституционному строю). Поэтому обвинения в излишней политизированности суда, наверное, всегда неизбежны. Другое дело – поиск «своей золотой середины» для КС РФ между юридизацией политики и политизацией конституционного правосудия⁹.

На сегодня этот поиск показал реальные позитивные результаты работы КС и некоторые его «промахи» в области регулирования механизма разделения властей.

Среди первых – восполнение ряда пробелов, «дыр» в Конституции, которые мешали целостному восприятию некоторых норм, давали возможность различных интерпретаций:

– постановление КС от 12.04.95 г. дало толкование ряда статей Основного закона, где использовались понятия «общее число депутатов Государственной Думы» и «общее число членов Совета Федерации». Было четко зафиксировано это число, то есть 450 и 178, тем самым удалось избежать ситуаций, когда многие законы и другие важные акты могли быть приняты даже в условиях вакантности значительной части депутатских мандатов¹⁰;

– в постановлении от 23.03.95 г. КС дал толкование ч. 4 ст. 105 и ст. 106 Конституции. Было сформулировано правило, определяющее рассмотрение закона, переданного из Государственной думы, не позднее 14 дней. Но если Совет

Федерации не завершил рассмотрения, то закон не считается одобренным и его рассмотрение продолжается на следующем заседании Верхней палаты до вынесения решения об одобрении или отклонении. КС, дав расширительное толкование, «закрыл» один из пробелов текста Конституции, потенциально таивший в себе зерно конфликта внутри представительной власти¹¹.

Но есть и иные примеры толкования, которые, на наш взгляд, не столь успешны и дестабилизируют механизм взаимодействия властей.

В постановлении КС от 30.04.96 г. признано соответствующим основному закону издание указов президента РФ, «восполняющих пробелы в правовом регулировании по вопросам, требующим законодательного решения, при условии, что такие указы не противоречат Конституции РФ и федеральным законам, а их действие во времени ограничивается периодом до принятия соответствующих законодательных актов»¹². Несмотря на закрепление в решении КС принципа временности действия таких указов, представляется весьма спорным давать столь широкие возможности президенту. Учитывая чрезмерную персонафицированность российского политического режима, слабость институтов и повышенную конфликтность происходящих процессов, такие возможности необходимо скорее ограничивать и строже обуславливать.

Явление «указного права», которое наблюдалось в 1990-е гг. и отчасти присутствует в нынешней политической практике России, правоведы оценивают как конфликт между указом и законом. Подчеркивается искажение той социальной и нормативной сущности законодательства страны, которое возникает при активном использовании главой государства такого серьезного инструмента. На наш взгляд, такое положение может быть объяснимо с позиции политологической интерпретации так называемой политической целесообразности. Президент Б.Н. Ельцин в своем Послании Федеральному собранию в 1995 г. заявил, что «пока нет соответствующих законов, указы остаются полноценной правовой базой для возникновения, прекращения и изменения тех или иных общественных отношений»¹³.

В конечном счете подобное положение дел определяется несогласованностью действий законодательной и исполнительной власти. Более того, здесь налицо все та же «игра на опережение», когда исполнительная власть, будучи по природе своей более динамичной и оперативной, использует свои возможности «возвышения» над законодательной. Видный историк права З.М. Черниловский писал: «Многовековой опыт показал, что исполнительная власть по природе своей стремится к независимости и бесконтрольности. Этому способствуют многие факторы: возможность опереться на бюрократический аппарат, ею же создаваемый... распоряжение орудиями принуждения; возможности привлечения на свою

сторону той части депутатского корпуса, которая подвержена коррупции... владение информацией, связанное с безнаказанностью ее сокрытия и извращения...»¹⁴.

Исходя из законоопределяющей роли указов уже в Послании к ФС 23 февраля 1996 г. президент вновь почти дословно подтвердил свою позицию: «Пока не соблюдаются законодательные приоритеты, определенные предыдущим посланием... Президент должен выпускать указы по тем ключевым вопросам, которые не урегулированы действующим законодательством»¹⁵. Безусловно, тем самым президент «возложил на себя функцию установления приоритетов законодательства... и присвоил право восполнять пробелы в действующем законодательстве»¹⁶.

Однако, на наш взгляд, явление «указного права» в России не может быть однозначно признано только исключительным нарушением принципа разделения властей (хотя само по себе это, конечно, так). Но это явление стоит рассматривать и как инерцию переходного состояния политической системы в целом, качественную неопределенность в сферах компетенции и наборе полномочий ветвей власти. Президент, с одной стороны, выступает как главный движущий элемент политического процесса, издавая нормативные указы, он осуществляет как бы «разведку боем», выходя зачастую за пределы конституционного поля (это, собственно, и является нарушением принципа разделения властей). Тем самым как бы создается некая основа для проведения политических стратегий «в обход» конкурирующей ветви власти. С другой стороны, этот процесс может быть и вполне законным (с точки зрения формального соответствия правовым нормам), но не совсем безупречным с позиции направленности политического действия. Здесь мы имеем в виду такие факты, как, например, длительное сохранение на ведущих постах и.о. (исполняющих обязанности) каких-то чиновников, «продавливание» своих кандидатов на ключевые государственные должности (к примеру, судей КС, ВС и ВАС, Генерального прокурора) и т.д.

Все это дает нам возможность оценивать феномен «указного нормотворчества» в РФ не только и не столько как каприз или личное властное устремление президента, грубое нарушение принципа разделения властей. Здесь мы имеем дело, скорее, с одним из методов осуществления государственной власти центральным институтом политической системы в условиях слабости, неоформленности других. Кроме того, наличие взаимобусловленности влияния: кризис власти предопределяет нарушения законности, последние же усугубляют кризис власти!

Подобное явление в Латинской Америке (да и в других транзитных режимах) принято называть декретизмом. По мнению видного аргентинского политолога, лихорадка решений в условиях «делегативной демократии» (термин

Гильермо О'Доннела) представляет собой нескончаемую цепь поспешных односторонних актов исполнительной власти. Причем эти акты практически не выполняются, так как затрагивают очень важные политически организованные интересы. «В условиях тяжелого кризиса и растущего недовольства прибегают к новой серии решений, вероятность исполнения которых еще ниже, так как на разных уровнях общества уже имеется опыт противодействия предыдущим решениям. Наряду с этим большинство политических, социальных и экономических субъектов могут заявлять о снятии с себя ответственности за способ принятия этих решений. Власть была делегирована президенту и он поступал, сообразуясь только со своими представлениями о благе»¹⁷.

Конституционный суд России принял несколько важных постановлений, касающихся непосредственно толкования положения ст. 10 Конституции РФ, закрепляющей разделение властей¹⁸. Однако в целом правовые позиции данного судебного органа выражены намного шире, поскольку были сформированы в ходе рассмотрения обращений, иногда напрямую не связанных с принципом разделения властей, но затрагивающих его реализацию в политической практике.

Не ставя своей целью рассмотреть большую часть практики КС, связанной с «настройкой» механизма разделения властей, мы все же не можем не обратить внимание на некоторые ключевые решения.

Очень серьезную роль сыграло дело о проверке КС РФ в июне-июле 1995 г. ряда правовых актов президента и правительства РФ, принятых в связи с урегулированием вооруженного конфликта в Чеченской Республике. Не касаясь собственно правовой части этого дела, считаем необходимым отметить явное расхождение позиций законодательной и судебной ветвей власти.

Военные действия в Чечне критиковались в Государственной думе и справа¹⁹, а Конституционный суд, признав своим постановлением от 31 июля 1995 г.²⁰, что президент РФ не превысил своих полномочий, введя войска в декабре 1994 г. в Чечню, вызвал неоднозначную реакцию в обществе²¹. Даже учитывая неоднородность точек зрения судей КС (ряд из них резко возражал, и каждый заявил особое мнение по данному делу²²), в целом его позиция оказалась ближе к президентской, то есть фактически одобрила его действия²³. Именно это решение вызвало шквал обвинений в сервильности и несамостоятельности КС в СМИ.

Решение по этому делу имело вполне определенную политическую подоплеку, так как было принято по «горячим следам» июньского кризиса правительства в 1995 г. После выражения вотума недоверия кабинету министров Государственной думой (повод – события в Будённовске) президент заявил о своей поддержке правительства, а его глава В.С. Черномырдин поставил перед парламен-

том встречный вопрос о доверии своей команде. Рискавая быть быстро распущенной, Государственная дума «сдалась». Поэтому, весьма вероятно, КС тоже «сдался», предполагая, какой эффект может произвести признание рассматриваемых актов главы государства неконституционными. Реально это только подтолкнуло бы конфронтацию ветвей власти, хотя такое признание указов неконституционными само по себе еще не решало бы проблемы сецессии Чечни, ведения боевых действий, переговорного процесса и т.д. Долгосрочные последствия решения КС заключаются, на наш взгляд, в том, что была расширена компетенция главы государства в использовании вооруженных сил на территории страны. Сработал механизм государственной дискреции²⁴.

Кризисные события 1998 г. высветили очень важную проблему «запаздывания» решений КС, так как тот считает, что нет критериев для установления важности и приоритетности (внеочередности) рассмотрения того или иного дела. Этим объясняется появление решения о том, «какой номер у нынешнего Президента РФ» и может ли он избираться на третий срок²⁵ уже после заявления самого Ельцина о нежелании переизбираться. Время от появления запроса депутатов Государственной думы в КС (29 октября 1997 г.) до принятия соответствующего решения самим президентом (весна 1998 г.) – период «повышенной напряженности» дискуссий по данной проблеме (полярность оценок: от заявления представителя Администрации Президента С. Ястржембского в Страсбурге, что Основной закон позволяет Ельцину переизбираться до полного отрицания этого оппозицией в парламенте)²⁶. Полагаем, такое «запаздывание» могло дорого стоить. Если учесть, что по новому Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде РФ» от 21.07.94 г. этот орган, в отличие от своего предшественника образца 1991–1993 гг., имеет гораздо меньший объем прав «активного» влияния, то представляется весьма вероятным сценарий опасного конституционного кризиса. Весной 1998 г. ни законы, ни Конституция не определяли «цепочки» передачи президентской власти на случай форсмажорных обстоятельств, так как она была ограничена «одним звеном» – «премьерским» (ст. 92 ч. 3) в отсутствие утвержденного Думой главы кабинета. В сложившихся условиях КС не взял на себя инициативы и ответственности толковать Конституцию и «продлить» цепочку передачи полномочий президента. Тем самым орган конституционного правосудия уклонился от разрешения серьезного государственного вопроса и в какой-то мере спровоцировал новый виток небрежения к конституционной модели государственной власти в обществе и активных настроений по «перекраиванию» всего текста Основного закона среди политических элит.

Такое же «запаздывание» в некоторой степени определило многие трудности взаимодействия

парламента и президента в вопросе назначения главы правительства. Еще 20 апреля 1998 г. Государственная дума инициировала запрос в КС о толковании ч. 4 ст. 111 Конституции по вопросу, вправе ли президент представлять думе уже отклоненную кандидатуру. Рассмотрение этого дела в суде началось уже после двухкратной попытки «продать» В.С. Черномырдина в премьер-министры, то есть уже на новом «осеннем» этапе кризиса²⁷.

В целом же такую осторожность КС можно расценивать, с одной стороны, как стремление избежать излишней политизированности, ситуативной конъюнктурности, а с другой – как определенную скованность, груз тяжелого «наследия» опыта старого КС образца 1991–1993 гг., пострадавшего в ходе кризиса власти, нежелание «подставляться». Все это осложняет процесс становления нынешнего суда, снижает эффективность многих его решений и в целом умаляет его значимость в системе разделения властей.

Одно из последних по времени и весьма значимых для реализации принципа разделения властей решений – урегулирование вопроса о наделении полномочиями руководителя высшего органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Этот вопрос решался в течение длительного периода по-разному с 1996 по 2005 г.

Одна из первых правовых позиций Конституционного суда РФ по данной проблеме была сформулирована в апреле 1996 г.²⁸ На тот момент Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» еще не был принят. В соответствии с Указом Президента РФ № 1969 в случае отсутствия у субъекта Российской Федерации собственного законодательства о выборах назначение на должность и освобождение от должности главы администрации осуществлялось главой государства. Конституционный суд РФ признал оспариваемые положения указа соответствующими Конституции РФ. Таким образом, в 1996 г. была впервые сформулирована правовая позиция, позволяющая президенту РФ назначать главу администрации субъекта Российской Федерации.

В 1999 г. был принят Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», закрепивший порядок избрания гражданами высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Данный порядок и ранее рассматривался Конституционным судом РФ в качестве наиболее точно соответствующего основам конституционного строя. Было бы вполне логично, если бы данный порядок стал объектом защиты Конституционного суда РФ и в дальнейшем. Однако в 2002 г. принцип «получения мандата непосредственно от народа» и ответ-

ственности перед ним стал объектом очередного острого спора. Принцип затрагивался не прямо, а опосредованно, поскольку речь шла о порядке отрешения главы субъекта Российской Федерации от должности²⁹. В соответствии с названным федеральным законом отрешение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности осуществляется указом президента РФ после ряда предварительных процедур, включающих решение суда общей юрисдикции. Конституционный суд РФ признал закрепленное за президентом РФ федеральным законом новое полномочие соответствующим Конституции РФ.

В 2004 г. в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» были внесены поправки, в соответствии с которыми глава администрации субъекта Российской Федерации избирается законодательным органом субъекта Российской Федерации по представлению президента РФ. Оспариваемые положения федерального закона, согласно которым гражданин РФ наделяется полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации по представлению президента РФ, были признаны соответствующими Конституции РФ. В аргументации Конституционного суда РФ имеется и такое утверждение: «... правовые позиции, сформулированные Конституционным судом Российской Федерации... применительно к проверяемому нормативному акту в системе прежнего правового регулирования и имевшей место в то время конституционной практики, могут уточняться либо изменяться, с тем, чтобы адекватно выявить смысл тех или иных конституционных норм, их букву и дух, с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования»³⁰.

Итак, Конституционный суд РФ в данном случае признал конституционными дополнительные полномочия президента, чем существенно скорректировал предыдущие собственные позиции в этом вопросе. Такое решение в какой-то мере способно нарушить реализацию принципа разделения властей, предусмотренного Конституцией. Эти «новые полномочия» позволяют президенту РФ де-факто контролировать кадровый состав Совета Федерации. Члены верхней палаты назначаются главами субъектов Российской Федерации, определять которых, в свою очередь, теперь может президент РФ. В результате утрачивают значение противовесы, связанные с функционированием верхней палаты, то есть последняя, будучи полностью контролируемой главой государства, не может быть полноценным элементом модели разделения властей, предусмотренной Конституцией РФ.

Все это в целом говорит о том, что позиции Конституционного суда РФ в отношении

сложившейся модели разделения властей очень осторожны и политически ориентированы на консервацию сложившегося порядка. Именно это вызывает довольно противоречивые суждения о необходимости введения нового института конституционного контроля – «политического трибунала», который, используя «согласительные процедуры, в конечном счете мог бы принимать решения, обязательные для всех участников конституционного процесса в РФ»³¹. По замыслу автора этого предложения, известного правоведа Н.М. Колосовой «трибунал» мог бы действовать наряду с КС, но полномочия его были бы шире полномочий последнего – «давать толкование “политической” конституции и тем самым изменять “правила игры” между органами власти»³². Полагаем, введение такого института в РФ может вызвать нежелательные столкновения в государственном механизме, осложнить его работу. Вполне вероятно использование его в качестве инструмента сведения политических счетов, так как «его санкции будут направлены в конечном счете на исключение из политической жизни тех лиц и органов, которые нарушили “правила игры”»³³, что не может стабилизировать развитие политического процесса. Кроме того, разведение компетенций регулирования КС и «трибунала» – текст Основного закона и «политическая конституция» соответственно – даст прецедент противопоставления этих составляющих всего конституционного поля России. Представляется необходимым очень взвешенно относиться к такого рода нововведениям, имея в виду зарубежный опыт³⁴. Гораздо более перспективным выглядит углубление имеющейся практики КС и, возможно, придание разумного динамизма его деятельности (принятием специальной поправки к федеральному конституционному закону, то есть без нарушения конструкции власти, закрепленной в Основном законе).

В этой связи стоит, на наш взгляд, внимательно отнестись к недавним публичным высказываниям известного отечественного правоведа и Председателя Конституционного суда РФ В.Д. Зорькина. Опытный российский политик обратил внимание участников первых «Сенатских слушаний» (публичных дискуссий, посвященных обсуждению идей и задач правового государства, в частности в условиях экономического кризиса) на то, что роль государства в России должна повышаться в связи с необходимостью преодоления последствий финансово-экономического кризиса и потребностью в модернизации. В.Д. Зорькин использовал музыкальный образ для того, чтобы обосновать свой тезис: фрагмент 40-й Симфонии Моцарта звучит в трех разных вариантах (искаженный замедленный темп символизировал бездействие государства, ускоренный – поспешность, а идеальный – эталон, золотая середина, к которой нужно стремиться). Найти эту золотую середину политикам должны помочь юристы: «вся

атмосфера способствует тому, чтобы КС проявил активность в сегодняшней сложной ситуации»³⁵. Журналисты обратили внимание на то, что в выступлении главы КС звучал тезис о неизбежности авторитаризма со ссылками на исторический опыт и лидеров – Франклина Делано Рузвельта и Шарля де Голля.

Таким образом, наблюдаемая в течение длительного времени осторожность и осмотрительность Конституционного суда РФ в определении своей позиции относительно реализации принципа разделения властей связана с пониманием руководством данного государственного института ценности государства, необходимости сохранения политической стабильности и правовой преемственности в развитии страны. Кроме того, по-видимому, играет важную роль личный опыт судей КС в исследовании политико-правовой жизни современных государств, наблюдении тенденций развития отечественного правопонимания и правосознания. Наконец, не стоит забывать и о том, что КС является, пожалуй, пока единственным важным государственным институтом, который пережил «переезд» из Москвы в Санкт-Петербург, что в какой-то степени формирует его несколько отстраненное от политических баталий положение.

Примечания

- 1 См.: *Нудель М.А.* Конституционный контроль в капиталистических государствах. М., 1968; *Туманов В.А.* Судебный контроль за конституционностью нормативных актов // Советское государство и право. 1988. № 3; *Бланкенгель А.* Теория и практика конституционного контроля в ФРГ // Советское государство и право. 1989. № 1; *Овсепян Ж.И.* Правовая защита Конституции. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Ростов н/Д, 1992; *Белкин А.А.* Конституционная охрана: три направления российской идеологии и практики. СПб., 1995; *Хабриева Т.Я.* Правовая охрана Конституции. Казань, 1995; и др.
- 2 *Фридман Л.* Введение в американское право. М., 1993. С. 152.
- 3 См.: *Согрин В.В.* В чем сила политической системы США // Общественные науки и современность. 1990. № 5. С. 76–83; Судебные системы западных государств. М., 1991; *Егоров С.А.* Политическая система, политическое развитие, право: критика не-марксистских политологических концепций. М., 1983. С. 168–172; *Мишин А.А., Власихин В.А.* Конституция США: политико-правовой комментарий. М., 1996; *Харрел М.Э., Андерсон Б.* Равное правосудие на основе закона. Верховный Суд в жизни Америки. М., 1995.
- 4 *Эбзеев Б.С.* Конституция. Демократия. Конституционный Суд. М., 1997. С. 121.
- 5 См.: *Катанян К.* Сам себе судья. Конституционный Суд РФ уточнил собственные полномочия // Независимая газета. 1998. 17 июня. С. 3.
- 6 *Румянцев О.Г.* Разрешить кризис обязан Конституционный Суд // Независимая газета. 1998. 23 апр.
- 7 Сравнительное конституционное право. М., 1996. С. 165.
- 8 См.: *Шульженко Ю.Л.* Конституционный контроль в России. М., 1995. С. 16.
- 9 Вопросы политической функции органов судебного конституционного контроля рассматривают также и другие. См.: *Егоров С.А.* Политическая роль судов: судебный конституционный контроль // Судебные системы западных государств. М., 1991; *Эбзеев Б.С.* Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5–14; *Хабриева Т.Я.* Толкование Конституции РФ. Теория и практика. М., 1998.
- 10 См.: Российская газета. 1995. 21 апр.
- 11 См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2–3.
- 12 Российская газета. 1996. 15 мая.
- 13 Российская газета. 1995. 17 февр.
- 14 Право и власть. М., 1990. С. 58.
- 15 Российская газета. 1996. 24 февр.
- 16 *Лучин В.О.* «Указное право» в России. М., 1996. С. 23.
- 17 *О’Доннел Г.* Делегативная демократия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem.01.htm> (Пределы власти. 1994. № 1) (дата обращения: 15.10.2001).
- 18 См.: Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России. М.: Ин-т права и публичной политики, 2005. С. 56–62.
- 19 См.: *Шохин А.Н.* Взаимодействие властей в законодательном процессе. М., 1997. С. 81.
- 20 Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П по делу о проверке конституционности Указа Президента РФ от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента РФ от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3424.
- 21 См.: Правовые аспекты чеченского кризиса: Материалы семинара. М., 1995; *Мизулина Е.Б.* Чеченский кризис и конституционное правосудие // Свободная мысль. 1995. № 9. С. 20–30.
- 22 См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 5.
- 23 См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Политико-правовые режимы: актуальные аспекты // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 68–69.
- 24 Определение понятия «дискреция» (лат. discretio – решение по своему усмотрению) встречается в некоторых современных словарях и энциклопедиях. Дискреция

- (дискреционные полномочия, дискреционная власть) определяется как потенциальное (скрытое) полномочие должностного лица или органа государственной власти, проявляющееся, как правило, в силу умолчания закона (подзаконного акта). См.: Современный словарь иностранных слов. М.: Русс. яз., 1994. С. 205; Юридическая энциклопедия. М.: Изд-во М.Ю. Тихомирова, 2000. С. 24.
- ²⁵ П. 3 ст. 81 Конституции РФ – типичный «пробел» или «каучуковая формулировка»: «одно и то же лицо не может занимать должность Президента РФ более двух сроков подряд». Это буквально могло означать реальную возможность для Б.Н. Ельцина, по крайней мере, быть кандидатом в президенты, участвовать в выборах, так как по «велению» главы государства можно было доказать, что точка отсчета – 1996 г., то есть первые выборы по новой Конституции.
- ²⁶ См.: Кувалдин В.Б. Уникальный шанс утвердить власть закона // Независимая газета. 1997. 24 окт.; Вишневецкий Б.Л. Борис Ельцин должен уйти в декабре 1999 г.? // Независимая газета. 1998. 28 февр.
- ²⁷ См.: Ильина С. Отголоски «весеннего противостояния» властей // Независимая газета. 1998. 14 нояб.
- ²⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 “О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации” и пункта 2.3 Положения о главе Администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 19. Ст. 2320.
- ²⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 04 апреля 2002 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с запросами государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и совета Республики государственного Совета–Хасэ Республики Адыгея» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 15. Ст. 1497.
- ³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3. Ст. 336.
- ³¹ Колосова Н.М. Нужны ли стране правовые катаклизмы? В условиях политического конфликта необходимо иметь специальную инстанцию для официального толкования Конституции // Независимая газета. 1997. 5 нояб.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ См., напр.: Крутоголов М.А. Конституционный Совет Франции. М., 1993.
- ³⁵ Пастухова Е., Пушкарская А. Конституционная симфония. Валерий Зорькин нашел музыкальный аналог вмешательству государства в экономику // Коммерсантъ. 2009. № 63(4118). 9 апр.

УДК 316.342.5

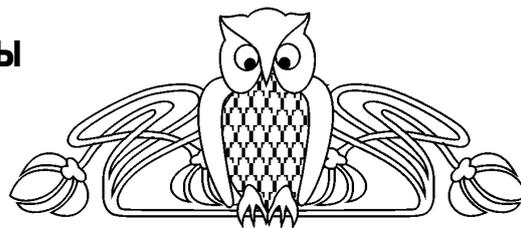
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ

В.А. Митрохин, С.С. Бигазиева

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: swetsb78@mail.ru

В статье исследуется эволюция научных взглядов на проблему политической оппозиции в процессе развития политических отношений в обществе. Анализируются сложившиеся подходы и представления разных авторов в западной и отечественной политологической традиции. Наряду с осмыслением самого понятия рассматриваются различные теоретико-методологические аспекты этого социально-политического феномена.

Ключевые слова: понятие, политическая оппозиция, теоретико-методологические аспекты, подходы, политические институты.

Theoretical and Methodological Aspects Explore the Concept of Political Opposition

V.A. Mitrokhin, S.S. Bigazieva

The article investigates the evolution of scientific views on the political opposition in the process of development of political relations in society. Analyzed existing approaches and views of various authors in the Western tradition of political and domestic. Along with the comprehension of the concept, discusses the various theoretical and methodological aspects of the socio-political phenomenon.

Key words: concept, political opposition, theoretical and methodological aspects, approaches, political institutions.

- (дискреционные полномочия, дискреционная власть) определяется как потенциальное (скрытое) полномочие должностного лица или органа государственной власти, проявляющееся, как правило, в силу умолчания закона (подзаконного акта). См.: Современный словарь иностранных слов. М.: Русс. яз., 1994. С. 205; Юридическая энциклопедия. М.: Изд-во М.Ю. Тихомирова, 2000. С. 24.
- ²⁵ П. 3 ст. 81 Конституции РФ – типичный «пробел» или «каучуковая формулировка»: «одно и то же лицо не может занимать должность Президента РФ более двух сроков подряд». Это буквально могло означать реальную возможность для Б.Н. Ельцина, по крайней мере, быть кандидатом в президенты, участвовать в выборах, так как по «велению» главы государства можно было доказать, что точка отсчета – 1996 г., то есть первые выборы по новой Конституции.
- ²⁶ См.: Кувалдин В.Б. Уникальный шанс утвердить власть закона // Независимая газета. 1997. 24 окт.; Вишневецкий Б.Л. Борис Ельцин должен уйти в декабре 1999 г.? // Независимая газета. 1998. 28 февр.
- ²⁷ См.: Ильина С. Отголоски «весеннего противостояния» властей // Независимая газета. 1998. 14 нояб.
- ²⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 “О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации” и пункта 2.3 Положения о главе Администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 19. Ст. 2320.
- ²⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 04 апреля 2002 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с запросами государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и совета Республики государственного Совета–Хасэ Республики Адыгея» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 15. Ст. 1497.
- ³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3. Ст. 336.
- ³¹ Колосова Н.М. Нужны ли стране правовые катаклизмы? В условиях политического конфликта необходимо иметь специальную инстанцию для официального толкования Конституции // Независимая газета. 1997. 5 нояб.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ См., напр.: Крутоголов М.А. Конституционный Совет Франции. М., 1993.
- ³⁵ Пастухова Е., Пушкарская А. Конституционная симфония. Валерий Зорькин нашел музыкальный аналог вмешательству государства в экономику // Коммерсантъ. 2009. № 63(4118). 9 апр.

УДК 316.342.5

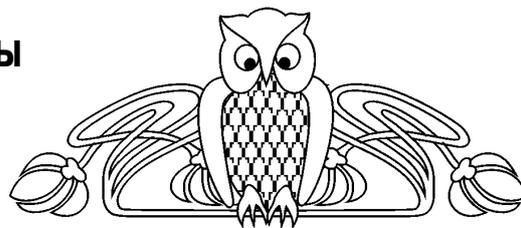
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ

В.А. Митрохин, С.С. Бигазиева

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: swetsb78@mail.ru

В статье исследуется эволюция научных взглядов на проблему политической оппозиции в процессе развития политических отношений в обществе. Анализируются сложившиеся подходы и представления разных авторов в западной и отечественной политологической традиции. Наряду с осмыслением самого понятия рассматриваются различные теоретико-методологические аспекты этого социально-политического феномена.

Ключевые слова: понятие, политическая оппозиция, теоретико-методологические аспекты, подходы, политические институты.

Theoretical and Methodological Aspects Explore the Concept of Political Opposition

V.A. Mitrokhin, S.S. Bigazieva

The article investigates the evolution of scientific views on the political opposition in the process of development of political relations in society. Analyzed existing approaches and views of various authors in the Western tradition of political and domestic. Along with the comprehension of the concept, discusses the various theoretical and methodological aspects of the socio-political phenomenon.

Key words: concept, political opposition, theoretical and methodological aspects, approaches, political institutions.

В современной политической науке считается неоспоримым утверждение, что наличие политической оппозиции является важнейшей предпосылкой успешного функционирования политического механизма в условиях демократического государства.

Сам же термин «оппозиция», происходящий от латинского слова «*oppositio*» – противопоставление, вошел в употребление еще в XVIII веке. Одним из первых, кто ввел его в научный оборот, стал английский лорд Г. Болингброк. Будучи одним из первых теоретиков оппозиции, он обосновал конституционный принцип, который определил сферу ее деятельности. Смысл этого принципа заключается в обеспечении баланса власти, контроля и критики со стороны оппозиции действий правительства, внесении предложений, направленных на реформирование государственных-правовых институтов. П. Бромхед отмечает, что в «специальном политическом смысле термин “оппозиция” обычно означает сплоченную группу людей, действующих совместно и способных представить себя электорату в качестве альтернативного правительства с альтернативной политикой»¹.

Анализ этого понятия получил отражение в работах таких мыслителей, как Ш.Л. Монтескьё, Ж.Ж. Руссо, Т. Джефферсон². Основным же средством против возможных злоупотреблений того или иного правления и его трансформации в «худшие» формы Монтескьё видел предложенную им систему разделения и взаимного сдерживания («контроля и баланса») властей. В отличие от Ж.Ж. Руссо, Джефферсон был сторонником институционализации политической оппозиции в рамках создания и деятельности политических партий. Идеологами либерализма настойчиво подчеркивалось, что, помимо постоянного контроля над деятельностью правительства, одной из главных функций оппозиции являются разработка и предложение альтернативных вариантов решения различных общественных проблем.

Но только в более поздние времена (в XIX в.) исследователи начали непосредственно и последовательно изучать оппозицию, связывая ее структуру с конституционно-правовыми конструкциями государства, парламентаризмом, партийной динамикой и институтами политической системы. Этот период обозначил поворот к развитию западных политических режимов в демократическом направлении. Оппозиция тогда стала пониматься исследователями как определенный политический институт, взаимодействующий с властными институтами по поводу влияния на принятие решений либо овладения властью. Основной идеей Ф. Гизо является обоснование необходимости участия оппозиции в процессе осуществления государственной власти. По его мнению, ее деятельность должна быть конструктивной, что в дальнейшем стало основой для представлений о конструктивной оппозиции³.

Вопросы, связанные с особенностями взаимодействия оппозиции с властными структурами, рассматривались в трудах К. Маркса, М. Вебера, А. Токвиля, Г. Лассуэлла, Р. Даля и др. По Марксу, недоверие к власти является нормальным состоянием для общественного мнения и политического сознания граждан в условиях отчуждения государства от гражданского общества. На основе такого подхода можно рассматривать оппозицию не только как критерий демократичности политического режима, но и как институт гражданского общества⁴.

Концептуальное становление и разработка понятия оппозиции в политической науке продолжались в XX–XXI вв. В начале XX в. произошло расширение избирательных прав и внедрение во многих странах института выборности должностных лиц. Это все сделало политику открытой для масс, что оказалось шагом на пути к демократизации. Оппозиция при этом рассматривалась уже как обязательный атрибут демократического политического режима.

На разработку понятия «оппозиция» в политической науке оказали влияние все основные подходы в западной политологии, в разные периоды определявшие вектор ее развития, – классический институционализм, бихевиоризм, неоинституционализм, транзитологический подход и др.⁵.

Понятие «оппозиция» в западной политической науке рассматривалось в основном в контексте изучения политических партий. Так, одна из первых попыток теоретического анализа и выявления закономерностей функционирования политической оппозиции была предпринята французским классиком политической мысли М. Дюверже в его книге «Политические партии». Он считал существование организованной оппозиции исключительной чертой западной демократии, а в ее отсутствии видел признаки несовершенной («восточной») демократии⁶. Р. Даль предложил определение понятия «оппозиция», которое можно отнести к числу «широких»: «Предположим, что А определяет курс правительства в определенной политической системе по тому или иному вопросу в течение некоторого промежутка времени... Предположим, что в течение этого промежутка времени В не может определять поведение правительства, и что В противостоит тому курсу правительства, что определяется А. Тогда В является тем, что в течение некоторого другого промежутка времени предопределять курс правительства может В, и тогда в оппозиции окажется А»⁷.

Важным этапом в развитии теоретических подходов к изучению оппозиции является теория элит В. Парето. Неправящую элиту Парето также называет контрэлитой, именно она и представляет собой потенциальную оппозицию правящей элите. В узком плане в качестве контрэлиты традиционно рассматривается весь высший эшелон политической оппозиции, а ее стержнем является

ограниченное контрэлитное ядро, связанное общим сознанием своего особого политического значения⁸.

Среди исследователей, внесших наиболее весомый вклад в изучение оппозиции в западной политической науке, необходимо назвать О. Киркхаймера, предложившего классическую модель «системная – антисистемная оппозиция», Р. Даля как основателя плюралистического подхода к анализу отношений, Х. Линца, внесшего значительный вклад в разработку понятия. Статья О. Киркхаймера «Ослабление оппозиции в западных демократиях» дала толчок дальнейшим исследованиям феноменов оппозиции и оппозиционности в западной политической науке. Надо отметить, что идеи О. Киркхаймера подтолкнули ряд исследователей во главе с Р. Далем к созданию масштабного компаративистского аналитического описания моделей оппозиции в западных странах.

Исследование политической оппозиции в 1970-е гг. шло преимущественно за счет расширения круга стран, попавших в поле зрения исследователей: вслед за странами западной демократии внимания удостоились незападные демократии, такие как Индия и Япония, а также ряд авторитарных и тоталитарных режимов. Новая классификация политической оппозиции была дана Х. Линцем и А. Степанам. По мнению Х. Линца, к непримиримой оппозиции могут быть отнесены те партии, движения и организации, которые четко и недвусмысленно отвергают существующую политическую систему.

В России второй половины XIX – начала XX в. проблема оппозиции изучалась в тесной связи с формированием соответствующих политических партий, их организационных структур, стратегий и фактов действий (К.П. Победоносцев, В.И. Ленин, П.П. Лавров, М.Я. Острогорский и др.).

Высмеивая «величайшее зло конституционного порядка» – формирование министерств, – К.П. Победоносцев отмечал стремление политической партии, составляющей большинство в парламенте, «ради утверждения власти» вести «борьбу с оппозицией»⁹. В.И. Ленин, в отличие от известного русского консерватора, подчеркивал положительное значение демократических начинаний в России – создание земских учреждений, – поскольку они вызвали конфликт избранных народом институтов самоуправления с царской бюрократией и питали оппозицию самодержавному правительству¹⁰.

В отечественной науке существенный вклад в исследование политической оппозиции внесли В.П. Пешков, И. Клямкин, В.Я. Гельман, Е.И. Пашенцев¹¹. Теоретические аспекты политической оппозиции как социально-политического феномена, связанного с выявлением ее типов и моделями оппозиционной деятельности, а также функций в обществе, затрагиваются в работах В.А. Васильева, В.Я. Гельмана, Д.П. Зеркина, Л.Н. Тимофеевой, С. Поршакова¹².

Трактовка оппозиции В.Я. Гельмана является, по сути, синтезом западных политологических теорий. Она сводится к разработке концептуальной карты политических оппозиций, для которой предлагается в качестве «сетки координат» использовать предложенные Р. Далем и Г. Смитом два основных проблемных измерения – цели и средства оппозиций. В отличие от «гельмановской» трактовки Г.А. Гаврилов отмечает, что большинство подходов к определению термина «политическая оппозиция» строится в двух направлениях – этимологическом и институциональном¹³. В рамках этимологического подхода оппозиция выступает как некий процесс, деятельность без привязки к конкретным политическим субъектам. В рамках институционального подхода наибольшее внимание уделяется институциональным формам организации оппозиции. Между тем многие исследователи, например А.П. Цыганков, понимают под оппозицией политический институт, созданный для выражения и отстаивания интересов, которые, формируясь в центре и регионах, отличаются от интересов, реализуемых в политике центральной власти (правительства)¹⁴. Как отмечает С.А. Сергеев, наиболее верным будет разграничение понятий «оппозиция» и «оппозиционность», которые не являются понятиями симметричными, ведь оппозиционность далеко не всегда предполагает наличие развитой институционализированной оппозиции и может существовать без нее. И наоборот, оппозиция, как правило, опирается на среду, в которой широко распространена оппозиционность. Как отмечает автор, в качестве субъектов оппозиции могут выступать практически все субъекты политического процесса, за исключением государства, взятого как целостность¹⁵.

Кроме того, существует еще и функциональная трактовка политической оппозиции, в которой внимание акцентируется на различных функциях оппозиции в политическом процессе (функции коммуникации, контроля, критики, альтернативности, мобилизации и др.). На наш взгляд, это основной канал выражения социального недовольства существующим порядком вещей, важный фактор будущих перемен, политического обновления общества и эффективного функционирования системы власти.

В силу многогранности феномена политической оппозиции не представляется возможным его изучение в рамках какого-либо одного теоретико-методологического подхода. Содержание понятия политической оппозиции зависит и от того, в каком ракурсе рассматривается понятие власти.

Как видим, в современной научной литературе существуют разные интерпретации понятия политической оппозиции. При этом большинство западных исследователей рассматривает ее как неотъемлемый элемент политической системы. Большинство российских авторов, соглашаясь в целом с позитивной оценкой ее как одного из

условий развития политической системы, подчеркивает то обстоятельство, что оппозиция способна стать фактором дестабилизации общественной обстановки. Вместе с тем наблюдается эволюция оценки роли и значения оппозиции в политической жизни общества в сторону признания ее в качестве неотъемлемого участника современного политического дискурса.

Исходя из вышесказанного можно отметить, что на протяжении истории мировой политической мысли в понятие «оппозиция» вкладывался разный смысл. Сегодня оппозиция является элементом политической системы общества и его политическим институтом. На наш взгляд, в целом под политической оппозицией следует понимать политические институты, не согласные с официальным политическим курсом, имеющие своей целью достижение власти или влияние на власть посредством предложения альтернативных путей развития общества.

Примечания

- ¹ Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция в России: особенности отношений // Социология власти. 2005. № 1. С. 150.
- ² См.: Томас Джефферсон о демократии / Сост.: Сол К. Падовер. СПб., 1992; Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. / Пер. с фр. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. М., 1998; Монтескьё Ш.Л. О духе законов. М., 1999.
- ³ См.: Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Классический французский либерализм. М., 2000.
- ⁴ См.: Кислицын С.А., Кривчук И.А. Демократическая и коммунистическая оппозиция в России как субъекты формирующегося гражданского общества // Социология власти. 2008. № 4. С. 203.
- ⁵ См.: Курбанов А.Р. Некоторые аспекты разработки понятия оппозиции в политической науке: история и

современность // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2008. № 3. С. 76.

- ⁶ См.: Дюверже М. Политические партии / Пер. с фр. М., 2005. С. 497.
- ⁷ Сергеев С.А. Политическая оппозиция и оппозиционность: смысл осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 125.
- ⁸ См.: Кривчук И.А. Политические оппозиции и контрэллиты в условиях российской демократической реформации: Автореф. дис ... канд. полит. наук. Ростов-н/Д, 2009.
- ⁹ Победоносцев К.П.: pro et contra / Вступ. ст., сост. и примеч. С.Л. Фирсова. СПб.: 1996. С. 110.
- ¹⁰ См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 5. Май–декабрь 1901. М., 1959. С. 64.
- ¹¹ См.: Клямкин И. Власть, оппозиция и российское общество осенью 1992. М., 1992; Пащенко Е.Н. Оппозиционные партии и движения современной России. М., 1998; Гельман В.Я. Политическая оппозиция: вымирающий вид? // Полис. 2004. № 4; 1999; Пешков В.П. Оппозиция и власть: общественное восприятие. М., 2000.
- ¹² См.: Поршаков С. Политическая оппозиция в странах Запада (Некоторые закономерности и особенности функционирования) // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 3; Васильев В.А. Оппозиция как социальное явление // Социально-политический журнал. 1996. № 5; Зеркин Д.П. Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал. 1998. № 5; Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция в России: особенности отношений // Социология власти. 2005. № 1; Гельман В.Я. Политические партии России: от конкуренции к иерархии // Полис. 2008. № 5.
- ¹³ См.: Гаврилов Г.А. Модели политической оппозиции: теоретико-методологический анализ. М., 2003. С. 16.
- ¹⁴ См.: Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995. С. 98.
- ¹⁵ См.: Сергеев С.А. Политическая оппозиция и оппозиционность: опыт осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 136.

Слово молодым политологам

УДК 323.3

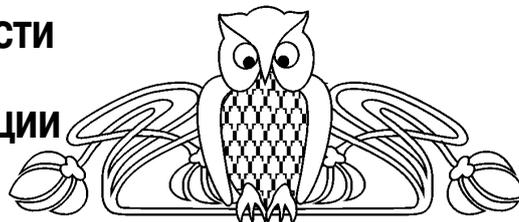
СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

А.В. Кучеров

Саратовский государственный университет
E-mail: alekskuchеров@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические возможности изменения представлений о включенности граждан Российской Федерации, находящихся на военной службе, в современные процессы модернизации.

Ключевые слова: политическая субъектность, идентичность военнослужащих, политическая модернизация, теория идентичности.

Features of Political Subjects and Identity of Military Men within Contemporary Modernization

A.V. Kuchеров

Theoretical possibilities of changes of views about participation of military citizens in contemporary modernization process are analyzed in this article.

Key words: political subject, identity of military men, political modernization, theory of identity.

условий развития политической системы, подчеркивает то обстоятельство, что оппозиция способна стать фактором дестабилизации общественной обстановки. Вместе с тем наблюдается эволюция оценки роли и значения оппозиции в политической жизни общества в сторону признания ее в качестве неотъемлемого участника современного политического дискурса.

Исходя из вышесказанного можно отметить, что на протяжении истории мировой политической мысли в понятие «оппозиция» вкладывался разный смысл. Сегодня оппозиция является элементом политической системы общества и его политическим институтом. На наш взгляд, в целом под политической оппозицией следует понимать политические институты, не согласные с официальным политическим курсом, имеющие своей целью достижение власти или влияние на власть посредством предложения альтернативных путей развития общества.

Примечания

- ¹ Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция в России: особенности отношений // Социология власти. 2005. № 1. С. 150.
- ² См.: Томас Джефферсон о демократии / Сост.: Сол К. Падовер. СПб., 1992; Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. / Пер. с фр. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. М., 1998; Монтескьё Ш.Л. О духе законов. М., 1999.
- ³ См.: Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Классический французский либерализм. М., 2000.
- ⁴ См.: Кислицын С.А., Кривчук И.А. Демократическая и коммунистическая оппозиция в России как субъекты формирующегося гражданского общества // Социология власти. 2008. № 4. С. 203.
- ⁵ См.: Курбанов А.Р. Некоторые аспекты разработки понятия оппозиции в политической науке: история и

современность // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2008. № 3. С. 76.

- ⁶ См.: Дюверже М. Политические партии / Пер. с фр. М., 2005. С. 497.
- ⁷ Сергеев С.А. Политическая оппозиция и оппозиционность: смысл осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 125.
- ⁸ См.: Кривчук И.А. Политические оппозиции и контрэллиты в условиях российской демократической реформации: Автореф. дис ... канд. полит. наук. Ростов-н/Д, 2009.
- ⁹ Победоносцев К.П.: pro et contra / Вступ. ст., сост. и примеч. С.Л. Фирсова. СПб.: 1996. С. 110.
- ¹⁰ См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 5. Май–декабрь 1901. М., 1959. С. 64.
- ¹¹ См.: Клямкин И. Власть, оппозиция и российское общество осенью 1992. М., 1992; Пащенко Е.Н. Оппозиционные партии и движения современной России. М., 1998; Гельман В.Я. Политическая оппозиция: вымирающий вид? // Полис. 2004. № 4; 1999; Пешков В.П. Оппозиция и власть: общественное восприятие. М., 2000.
- ¹² См.: Поршаков С. Политическая оппозиция в странах Запада (Некоторые закономерности и особенности функционирования) // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 3; Васильев В.А. Оппозиция как социальное явление // Социально-политический журнал. 1996. № 5; Зеркин Д.П. Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал. 1998. № 5; Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция в России: особенности отношений // Социология власти. 2005. № 1; Гельман В.Я. Политические партии России: от конкуренции к иерархии // Полис. 2008. № 5.
- ¹³ См.: Гаврилов Г.А. Модели политической оппозиции: теоретико-методологический анализ. М., 2003. С. 16.
- ¹⁴ См.: Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995. С. 98.
- ¹⁵ См.: Сергеев С.А. Политическая оппозиция и оппозиционность: опыт осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 136.

Слово молодым политологам

УДК 323.3

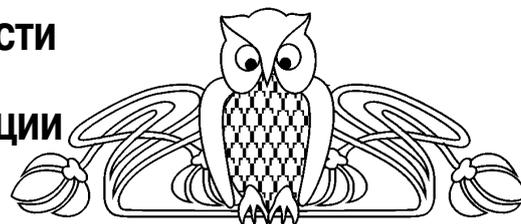
СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

А.В. Кучеров

Саратовский государственный университет
E-mail: alekskuchеров@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические возможности изменения представлений о включенности граждан Российской Федерации, находящихся на военной службе, в современные процессы модернизации.

Ключевые слова: политическая субъектность, идентичность военнослужащих, политическая модернизация, теория идентичности.

Features of Political Subjects and Identity of Military Men within Contemporary Modernization

A.V. Kuchеров

Theoretical possibilities of changes of views about participation of military citizens in contemporary modernization process are analyzed in this article.

Key words: political subject, identity of military men, political modernization, theory of identity.

В последние годы проблематика модернизации заметно доминирует в структуре отечественных политологических исследований. Одним из важных направлений этой исследовательской работы является анализ включенности в модернизационные процессы различных политических субъектов, прежде всего основных социальных и профессиональных групп. К настоящему моменту имеется в наличии большой массив исследований по участию учащейся молодежи в модернизационных процессах¹. В данном случае творческий поиск исследователей заметно облегчает то очевидное обстоятельство, что молодежь является социальной группой, объективно заинтересованной и потому неизбежно активной в проведении модернизации. Речь идет о том, что молодежь таким образом обеспечивает себе гарантированное благополучие в будущем. Поэтому исследователям проблемы «молодежь в современной российской модернизации» в принципе нет нужды тратить усилия на обоснование того, что молодежь может и должна участвовать в модернизации и ее участие достаточно значимо и естественно. Всем понятно, что молодежь – двигатель российской модернизации.

Конечно же, другим главным двигателем современной модернизации выглядят российские партийно-политические, административные и бизнес-элиты. С осознанием ими своей ответственности за судьбы общества и государства исследователи обычно связывают свои надежды на то, что построение в России правового государства и гражданского общества состоится вопреки историческим традициям авторитаризма и подданничества. В одной из диссертационных работ читаем: «... имеется возможность привлечения внимания государственных органов к решению конкретных проблем общественного самоуправления, повышения уровня гражданской самоорганизации, степени гражданского участия в реализации приоритетных национальных проектов, федеральных и региональных программ органов власти и управления»². Особенно роль элит как двигателя процессов модернизации становится значимой в кризисных условиях. Известный отечественный элитолог О.В. Гаман-Голутвина отмечает: «Анализ мировой политико-управленческой практики показывает, что в преодолении последствий кризиса ключевая роль принадлежит аффилированным с государством элитам, а эффективное использование ими институтов и ресурсов государства становится критически важным фактором преодоления кризиса»³.

Хотя вразрез с собственным оптимизмом отечественные элитологи отмечают, что «человеческий капитал» этих элит, который они потенциально способны инвестировать в модернизационные мероприятия экономического, политического, культурного и нормотворческого плана, в сущности, достаточно беден⁴. Не до конца еще пройденный Россией мировой эконо-

мический кризис особенно отчетливо показал, что концентрация в руках бизнеса ключевых ресурсов, способных обеспечить устойчивое прогрессирование экономики, политики и культуры, не тождественно готовности пожертвовать этими ресурсами в интересах общества и государства.

Другие социальные группы исследуются с точки зрения тормозящего влияния на модернизацию их мировоззренческих установок и экономических интересов. Вопрос о конструктивном и эффективном участии в модернизационных процессах российских пенсионеров действительно внешне выглядит абсурдным в самой своей постановке. Возможно, поэтому политическое участие пенсионеров исследуется преимущественно в русле тех проблем этой социальной группы, которые, как кажется исследователям, обременяют модернизационную динамику, увеличивают издержки при реализации реформ, генерируют внутрисоциальные конфликты. Один из современных исследователей утверждает: «Особенности постсоветских трансформационных процессов, а именно ускоренный процесс имущественной дифференциации в России, обозначил социальное расслоение общества, поляризовал возможности и интересы различных групп. Социальное расслоение, наряду с профессиональным, имеет также четко выраженную половую и возрастную специфику. Социальная политика России на данном этапе характеризуется спонтанностью и бессистемностью, вступает в противоречие с проводимыми экономическими реформами, сводится к попыткам нейтрализации уже возникшей социальной напряженности»⁵. Хотя, если вспомнить, что на заре нынешней российской модернизации, в частности в 90-е гг. прошлого столетия, значительная часть трудоспособного населения страны не только выжила на пенсии своих старших родственников, но даже пыталась каким-то образом встроиться в рыночную механику, то даже этот частный момент позволяет усомниться в разумности представлений о политическом участии пенсионеров как антимодернизационном факторе.

Почти выпала из поля зрения политологов (есть небольшое число специальных социологических исследований и небольшие разделы в комплексных исследованиях) проблематика участия в модернизации людей, занятых в производственной сфере⁶. Каков потенциал участия в модернизации людей среднего возраста не по факту их принадлежности к той или иной партии, национальности, не по факту доминирования у них тех или иных мировоззренческих установок, а по факту их включенности в производство тех материальных благ, накопление которых в итоге и должно дать новое, модернизированное качество жизни, – это, в сущности, и есть формулировка условия той исследовательской задачи, решение которой, как нам представля-

ется, может многое дать для понимания общих перспектив политического и экономического развития современной России. Следует отметить, что такой «провал» в предметном поле исследований современной политической субъектности и политической идентичности различных групп российского социума противоречит общей логике научно-исследовательской работы над проблемами модернизации в нашей стране, которая активно велась еще в советское время. Советские ученые как раз включенность человека или социальной группы в реальные производственные процессы рассматривали в качестве условия обладания ими реальным потенциалом участия в модернизации.

Современная же отечественная политическая наука ориентируется преимущественно на либеральный подход. А для последнего характерно понимание модернизационной ориентированности личности или группы как проявления предпринимательской и властной инициативы за пределами повседневных производственных практик, как своего рода «гражданский подвиг». Возможно, по этой причине наблюдается странность в подходе к изучению участия в модернизации хозяйствующих субъектов: политологами изучается участие в модернизации бизнесменов, которое, безусловно, сопряжено со множеством явных и скрытых рисков, прежде всего карьерного плана. Но не изучается участие тех, кто постоянно рискует потерять работу и вместе с ней все из чего состоит повседневная жизнь. Не изучается участие тех, чьим трудом создается тот капитал, который при посредничестве бизнесменов далее инвестируется в различные государственные и общественные программы, в научные разработки стратегии и тактики модернизации. Соответственно, по логике этого либерального подхода поведение значительной части современных российских граждан, чье повседневное политическое и экономическое участие четко регламентировано государственным законодательством, под это понимание «потенциала участия в модернизации» просто не подпадает.

Возможно, что вследствие доминирования этой самой либеральной парадигмы, требующей от исследователя непосредственно увязывать модернизационный потенциал субъекта с его готовностью публично демонстрировать особость своих политических, экономических и правовых интересов, идти на разного рода политические конфликты и связанные с ними риски, очень своеобразно выглядит и позиция отечественных исследователей в отношении модернизационного потенциала такой традиционно достаточно значительной в России социальной и профессиональной группы граждан, как военнослужащие. Этому потенциалу стараются не замечать, вероятно, потому, что с приходом в политику в конце 90-х гг. минувшего века достаточно большого числа военнослужащих

некоторые политические аналитики связывали свои прогнозы нарастания авторитарных тенденций во взаимоотношениях государственной власти в России и общества, нарастания милитаризации современной политической культуры в целом. Политическое участие и политическую идентичность военнослужащих практически не изучают, поскольку видят в них некий побочный продукт реализации различных политических и экономических программ, в ходе которых это участие и эта идентичность увязываются с разного рода издержками и рисками модернизационных инициатив российской государственной власти в центре и на местах, с одной стороны, и достаточно специфическими корпоративными традициями военной среды – с другой. В таком русле, например, построено большинство сообщений и докладов, представленных в 2008 г. на III Всероссийском конгрессе социологов, в рамках которого работала специальная секция военной социологии, результаты работы которой широко представлены в Интернете.

Общую научную позицию в отношении данной проблемы можно выразить так: факт, что военнослужащие участвуют в политике, но из этого не следует, что они могут быть признаны полноценными субъектами модернизации, что можно говорить о какой-то их «модернизационной» политической идентичности. Получается, что российские военнослужащие оказываются в качестве социальной группы и профессиональной корпорации на «обочине» российской модернизации, поскольку их участие объективно ограничивают правовая и культурная традиция, с одной стороны, и риски разного рода преобразований – с другой.

Приведенные выше суждения не следует понимать, как настойчивую рекомендацию современным отечественным политологам разом переключиться на исследование модернизационного потенциала профессиональной корпорации военнослужащих, которое даст науке какое-то «истинное» представление о сути перемен, переживаемых нашим обществом и государством. В данном случае речь идет о том, что есть некий парадокс в теоретических подходах науки к определению субъектности разных социально-политических сил в современной модернизации, который нуждается в объяснении.

При построении такого объяснения необходимо, как представляется, принять во внимание общую тенденцию в политологических представлениях о структуре модернизационного процесса. Суть этой тенденции состоит в том, что исследователи, осознанно или не осознанно, но, рассуждая о модернизации, имеют в виду прежде всего некие прогрессивные сдвиги в развитии различных политических, экономических и культурных систем, достижение этими системами некоторого принципиально лучшего, в сравнении с предшествующими, состояния. «Модернизация»

расшифровывается не как научная категория, за которой стоят реальные противоречия различных повседневных практик разных уровня, масштаба, направленности, а как символическое обозначение всего, что гарантирует прогресс. Имеют место, конечно, и другие позиции, связанные, например, с консервативным пониманием изменений в современной России как возвращения к «истокам», к традициям державности, имперскости, православноности и т.д. Но доминирует все-таки именно либеральная тенденция.

Если принять это во внимание, то становится понятным, почему в структуре исследований российской модернизации обнаружилась специфическая специализация исследователей. Одни из них изучают то, как в ходе нынешней модернизации прогрессирует российская социально-политическая и хозяйственная система, как она приближает нашу страну к «западным» стандартам либеральной демократии и рыночности. При этом на втором плане упоминается о трудностях адаптации общества и государства к этим процессам, и эти трудности связываются с наследием прошлого и «общественным менталитетом». Имеет место научная апологетика либеральной стратегии модернизации. А другие изучают вызовы и риски современной модернизации (часто в контексте глобализационных процессов), которые стратегию и тактику, успех этой модернизации ставят под большое сомнение и на втором плане упоминают о достижениях, которые на фоне издержек модернизации выглядят довольно скудно. Формируется направление исследований, связанное с критикой либеральной стратегии модернизации.

Поскольку решение проблем Российской армии действительно в течение всего периода российских либеральных реформ было одним из наиболее затратных модернизационных предприятий, постольку и происходит привязка всей направленности исследований по политической субъектности и идентичности военных преимущественно к этому, второму направлению, изначально предполагающему рассмотрение всех аспектов этой темы в ключе издержек, просчетов, не решаемых годами проблем и т.д. Внешне это выглядит довольно привлекательно: разговор о недостатках и просчетах современной военной политики выглядит как акт сочувствия и сопереживания научной общественности России проблемам военнослужащих. Наука занимает в этом случае критическую и граждански ответственную позицию. Но у этой ситуации есть и другая сторона. Если суммировать все издержки и трудности перестройки жизни военнослужащих на новый лад, представленные в современных исследованиях социологов и политологов, то получается, что для военнослужащих как особой социальной группы и профессиональной корпорации нет места в структуре нынешнего российского модернизационного процесса. Рос-

сийские военнослужащие предстают как сторона, страдающая от модернизации, фактически исключенная из участия в этих процессах. Это, по сути, обесмысливает как таковой разговор о какой-либо субъектности российских военнослужащих в модернизационном процессе и о каких-либо действительно конструктивных итогах нынешней либеральной военной политики. Вольно или невольно, но, акцентируя внимание именно на издержках нынешнего реформирования армии, ученые настраивают общественное сознание на мысль, что конструктивных итогов этого реформирования общество может и не дожждаться. А из этого следует, что, возможно, материальные ресурсы и время на реформирование Российской армии были затрачены впустую.

Сказанное не следует понимать в том смысле, что научная критика недостатков современной военной политики в нашей стране не нужна. Имеет смысл, как нам представляется, подумать об усовершенствовании тех теоретических позиций, с которых критика ведется, с тем чтобы эта критика настраивала общественное сознание на более оптимистический лад и самим военнослужащим Российской армии позволяла формировать не «комплекс неполноценности», а конструктивную социально-политическую идентичность, мироощущение полноценного субъекта современной модернизации, независимо от того, по какому идеологическому варианту она проводится. Связь с определенной идеологической детерминацией непродуктивна как основание для анализа ситуации в данном случае уже потому, что в сохранении дееспособности армии заинтересовано любое общество и государство, независимо от того, на почве какой идеологической доктрины строится их политическое взаимодействие.

Но возможно и другое понимание сути и структуры тех процессов, которые мы обозначаем понятием «модернизация». Допустимым представляется рассматривать все издержки по реализации преобразований как неотъемлемую, органичную часть самих процессов этих преобразований, можно сказать, суть того, что мы имеем в виду, говоря о модернизации. Можно в принципе представить модернизацию как некую макроисторическую «провокацию», организуемую политическими элитами в отношении массы рядовых граждан и имеющую целью побудить их к изменению базовых жизненных стратегий. Череда материальных и психологических трудностей и конфликтов, которой отмечен процесс любой модернизации в мировой истории, ставит индивидов и социальные группы в условия, при которых они вынуждены меняться в гораздо большей степени, нежели сами элиты, вырабатывать механизмы самозащиты от возникших угроз и вызовов и потому меняться структурно и качественно. В этом ракурсе конфликты и проблемы, которыми сопровождается всякая модернизация и которые обычно

рассматриваются в качестве побочного продукта работы основных механизмов модернизационного развития, можно рассматривать в качестве того, что составляет основу генезиса модернизационного процесса и далее придает этому процессу относительную устойчивость и определенную направленность.

Представляется, что такой теоретический подход точнее, чем охарактеризованный выше либеральный, «прогрессистский» взгляд на сущность современной российской модернизации, позволяет описать и проанализировать то, что произошло с нашим обществом и государством за последние двадцать лет. В том числе он позволяет представить и корпорацию военнослужащих не как образование, оказавшееся на обочине либерального реформирования, а как полноценного субъекта политических, экономических и культурных перемен. Военнослужащие, как и все рядовые граждане России, будучи поставлены перед рядом существенных проблем выживания в не просто трудных, а часто невыносимых для человеческого существования условиях, в течение всего периода реформ были вынуждены адаптироваться, искать способы оптимизации своих ресурсозатрат, менять свою социально-политическую идентичность в плане ключевых ценностей, ведущих мотиваций профессионального и гражданского поведения, вообще менять весь свой жизненный уклад. Собственно, в смене жизненного уклада и проявляется, вероятно, самая объективная характеристика включенности социальной группы в модернизационный процесс.

Такого рода изменения постоянно отслеживаются отечественными социологами, и опираясь на результаты их исследований в области адаптационных стратегий различных социальных групп, можно сказать, что наиболее полным выражением модернизационного потенциала социальной группы является как раз мера ее способности адаптироваться к издержкам социальных конфликтов, к переменам, которые эти конфликты порождают и поддерживают⁷.

Военнослужащие адаптировались к вызовам и издержкам российской модернизации не лучше и не хуже большинства рядовых российских граждан, чье существование связано с обслуживанием государственных интересов, а также соответствующих механизмов реализации этих интересов. В общем плане суть адаптационной стратегии, которая представляет собой модернизационный потенциал этой категории населения РФ, можно выразить так: переход от работы и жизни на гарантированную государством зарплату к работе и жизни на средства, объема и качества которых никто, включая и само государство, не гарантирует. Специфическим аспектом перехода к этому новому жизненному укладу разных категорий военнослужащих, прежде всего кадрового состава Российской армии, является то, что,

в отличие от гражданских лиц, военнослужащие фактически и юридически были более ограничены (присягой и законодательством о порядке прохождения воинской службы, а также фактическими условиями несения службы) в свободном выборе порядка и механизмов перехода к новому жизненному укладу. То, что этот переход со многими трудностями, вплоть до личных и семейных драм военнослужащих, все-таки происходил и происходит сегодня, свидетельствует о том, что корпоративная структура Российской армии как социального механизма обладала и обладает гораздо более значительным модернизационным потенциалом, чем структуры, объединяющие гражданское население России. Возможно, это явилось следствием того, что военнослужащие смогли использовать одновременно ресурсы государства и общества для выработки и реализации адаптационных жизненных стратегий, продемонстрировали значительную корпоративную сплоченность в сравнении с другими социальными и профессиональными группами. В отличие от гражданского населения военнослужащие в своем участии в модернизационном процессе изначально не были как корпорация ориентированы на какие-либо специфические идеологические мотивации.

Представляется, что исследование проблемы модернизационного потенциала военнослужащих в указанном теоретическом русле могло бы существенным образом повлиять на общую направленность современных научных поисков того социального ресурса, который мог бы обеспечить поступательное развитие российской модернизации. В большинстве случаев контур этого поиска задается понятием «гражданское общество». В типично либеральном духе это понятие трактуется отечественными исследователями как обозначение объединения гражданских лиц, максимально не связанных какими-либо обязательствами с государством и потому максимально самостоятельных в своем политическом выборе и политическом поведении. Однако из сказанного выше следует, что «гражданское общество» не может быть даже теоретически представлено как некий совокупный и универсальный субъект российской модернизации уже потому, что модернизационный потенциал групп населения, входящих в него, достаточно различен даже на уровне общих для них по принципиальным основаниям стратегий перехода к новому жизненному укладу. При этом, возможно, как раз наибольшим (наше теоретическое допущение нуждается, естественно, в предметном социологическом и политологическом изучении) модернизационным потенциалом могут по факту обладать как раз те группы российских граждан, которые либеральная традиция вообще не рекомендует ученому рассматривать как органичную часть гражданского общества.

Примечания

- ¹ О систематизации исследовательских достижений по разработке проблемы участия молодежи в модернизации см., напр.: *Крайнова Н.В.* Политическая социализация молодежи в условиях модернизации политической системы России и реформирования ее институтов (конец XX – начало XXI века): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ярославль, 2006; *Чекмарёва Э.В.* Роль молодежи в политической модернизации в постсоветской России: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2009.
- ² *Стеблецова Н.Н.* Гражданское общество в региональном социально-политическом процессе современной России: приоритеты деятельности, тенденции развития: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2010. С. 4.
- ³ *Гаман-Голутвина О.В.* Политическая элита РФ и проблемы эффективности государственного управления в условиях кризиса (Критерии, стратегии, технологии) // V Всерос. конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы»: Тез. докл. Москва, 2–22 ноября 2009 г. М., 2009. С. 100.
- ⁴ См.: *Косарук Д.В.* Образ России в представлениях современной российской бизнес-элиты // Актуальные пробле-

- мы современной политической психологии: Юбил. сб. кафедры / Под ред. Е.Б. Шестопал. М., 2010. С. 153–159; *Добрынина Е.П.* Влияние личностных особенностей губернаторов на их политическую роль в современной России (на основе анализа публичных выступлений региональных лидеров) // Актуальные проблемы современной политической психологии. С. 254–265.
- ⁵ *Михайлова Т.А.* Модели социальной политики России и Германии // V Всерос. конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». С. 285–286; См. об этом также: *Евсеева Я.В.* Актуальные вопросы современной социальной политики в отношении пожилых людей // Там же. С. 141–142.
- ⁶ См., напр.: *Проблемы социально-политической стабильности в условиях глобализации.* М., 2008. С. 137–143; *Общественное мнение.* М., 2009. С. 58–65.
- ⁷ См.: *Маркина Н.Л.* Политическая адаптация граждан России в условиях мирового финансово-экономического кризиса // V Всерос. конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». С. 273; *Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов.* Аналитический доклад Рабочей группы Института социологии РАН // Политические исследования. 2009. № 5. С. 91–93.

УДК 323.212

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Л.А. Волынкина

Саратовский государственный университет
E-mail: optimis.ya@mail.ru

В статье анализируется роль политической экспертизы в процессе принятия политических решений. В ходе исследования раскрываются основные функции политической экспертизы, которые характеризуют ее как самостоятельный механизм, способный к автономной работе, и к интеграции в другие политические механизмы, в том числе и в процесс принятия политических решений. **Ключевые слова:** политическая экспертиза, принятие политических решений.

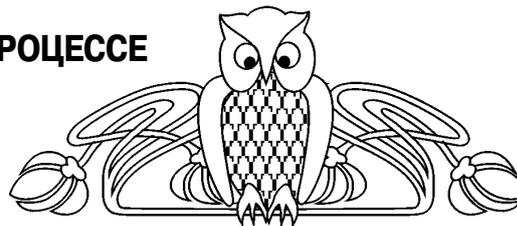
The Role of Political Expertise in Political Decision-Making Process

L.A. Volynkina

The article examines the role of political expertise in political decision-making process. The research investigates major functions of political expertise which characterize it as an independent mechanism capable of autonomous work and integration into other political mechanisms including the process of political decision-making.

Key words: political expertise, political decision-making.

«Политическая экспертиза» и «принятие политических решений» – категории, характеризующие состояния политической коммуникации

в государственном управлении. В современной политической науке существует путаница в толковании смысла двух этих понятий. Часть исследователей склоняется к их отождествлению, рассматривая их как взаимозаменяемые, другие включают политическую экспертизу в процесс принятия политических решений¹. Наконец, имеется и третья точка зрения, в соответствии с которой политическая экспертиза является самостоятельной процедурой².

При этом развернутого обоснования того или иного авторского понимания обычно не приводится. Такое обоснование необходимо, поскольку в данном случае речь идет о понятиях, служащих своеобразными дискурсивными индикаторами, позволяющими, например, определить качество реально совершающейся политики. В частности, речь идет об определении такого ее ключевого качества, как публичность или непубличность. Определение состояния политической сферы будет в данном случае прямо увязано с тем, какого рода процессы взаимодействия политических субъектов мы обозначим тем или иным понятием.

Примечания

- ¹ О систематизации исследовательских достижений по разработке проблемы участия молодежи в модернизации см., напр.: *Крайнова Н.В.* Политическая социализация молодежи в условиях модернизации политической системы России и реформирования ее институтов (конец XX – начало XXI века): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ярославль, 2006; *Чекмарёва Э.В.* Роль молодежи в политической модернизации в постсоветской России: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2009.
- ² *Стеблецова Н.Н.* Гражданское общество в региональном социально-политическом процессе современной России: приоритеты деятельности, тенденции развития: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2010. С. 4.
- ³ *Гаман-Голутвина О.В.* Политическая элита РФ и проблемы эффективности государственного управления в условиях кризиса (Критерии, стратегии, технологии) // V Всерос. конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы»: Тез. докл. Москва, 2–22 ноября 2009 г. М., 2009. С. 100.
- ⁴ См.: *Косарук Д.В.* Образ России в представлениях современной российской бизнес-элиты // Актуальные пробле-

- мы современной политической психологии: Юбил. сб. кафедры / Под ред. Е.Б. Шестопал. М., 2010. С. 153–159; *Добрынина Е.П.* Влияние личностных особенностей губернаторов на их политическую роль в современной России (на основе анализа публичных выступлений региональных лидеров) // Актуальные проблемы современной политической психологии. С. 254–265.
- ⁵ *Михайлова Т.А.* Модели социальной политики России и Германии // V Всерос. конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». С. 285–286; См. об этом также: *Евсеева Я.В.* Актуальные вопросы современной социальной политики в отношении пожилых людей // Там же. С. 141–142.
- ⁶ См., напр.: *Проблемы социально-политической стабильности в условиях глобализации.* М., 2008. С. 137–143; *Общественное мнение.* М., 2009. С. 58–65.
- ⁷ См.: *Маркина Н.Л.* Политическая адаптация граждан России в условиях мирового финансово-экономического кризиса // V Всерос. конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». С. 273; *Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов.* Аналитический доклад Рабочей группы Института социологии РАН // Политические исследования. 2009. № 5. С. 91–93.

УДК 323.212

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Л.А. Волынкина

Саратовский государственный университет
E-mail: optimis.ya@mail.ru

В статье анализируется роль политической экспертизы в процессе принятия политических решений. В ходе исследования раскрываются основные функции политической экспертизы, которые характеризуют ее как самостоятельный механизм, способный к автономной работе, и к интеграции в другие политические механизмы, в том числе и в процесс принятия политических решений. **Ключевые слова:** политическая экспертиза, принятие политических решений.

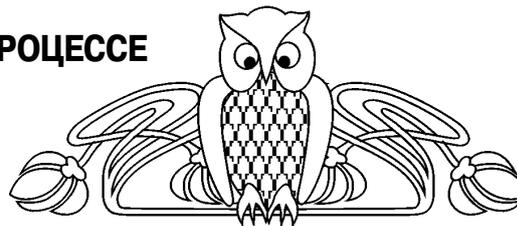
The Role of Political Expertise in Political Decision-Making Process

L.A. Volynkina

The article examines the role of political expertise in political decision-making process. The research investigates major functions of political expertise which characterize it as an independent mechanism capable of autonomous work and integration into other political mechanisms including the process of political decision-making.

Key words: political expertise, political decision-making.

«Политическая экспертиза» и «принятие политических решений» – категории, характеризующие состояния политической коммуникации

в государственном управлении. В современной политической науке существует путаница в толковании смысла двух этих понятий. Часть исследователей склоняется к их отождествлению, рассматривая их как взаимозаменяемые, другие включают политическую экспертизу в процесс принятия политических решений¹. Наконец, имеется и третья точка зрения, в соответствии с которой политическая экспертиза является самостоятельной процедурой².

При этом развернутого обоснования того или иного авторского понимания обычно не приводится. Такое обоснование необходимо, поскольку в данном случае речь идет о понятиях, служащих своеобразными дискурсивными индикаторами, позволяющими, например, определить качество реально совершающейся политики. В частности, речь идет об определении такого ее ключевого качества, как публичность или непубличность. Определение состояния политической сферы будет в данном случае прямо увязано с тем, какого рода процессы взаимодействия политических субъектов мы обозначим тем или иным понятием.

Б.Г. Капустин совершенно справедливо отмечает это уникальное по отношению к другим человеческим практикам свойство практики политической: «... политические предметы становятся таковыми вследствие наделения их политическими смыслами определенным образом ориентированными действиями людей. Политика и есть специфический вид духовно-практической деятельности людей, создающей некоторые предметы в качестве политических, равно как и границы, структуру той зоны общественной жизни»³.

Поскольку «принятие политических решений» более общее понятие, начнем с него. Исследователи, анализируя процесс принятия политических решений, по-разному определяют данное явление. Однако в различных трактовках мы можем выделить некие общепринятые характеристики.

В современной политической науке можно выделить два основных подхода к трактовке процесса принятия политических решений – нормативный и поведенческий. Сторонники первого подхода рассматривают принятие политических решений как процесс рационального выбора политических целей и путей их достижения в проблемных ситуациях. Теоретики второго подхода полагают, что это, прежде всего, специфическая форма взаимодействия людей, целью которого является анализ разнообразных факторов, влияющих на принятие решений в конкретной ситуации⁴.

Эти два подхода демонстрируют двойственный характер процесса принятия политических решений, в ходе которого, с одной стороны, важнейшее значение приобретают техническое и материальное обеспечение, регламент, а с другой – преобладают неформализованные процедуры, напрямую зависящие от личности людей, принимающих решения, их мировоззрения и их межличностных связей.

Существование двух этих, в сущности, вполне самодостаточных подходов, позволяющих подвести под определение процесса принятия политических решений любой акт придания политического смысла любому предмету или субъекту, как раз и обуславливает путаницу в толковании смыслов принятия политических решений и политической экспертизы, способствует возникновению точки зрения, в соответствии с которой эти два понятия тождественны.

Относительно структуры процесса принятия политических решений существуют различные точки зрения, которые тоже не добавляют в вопрос ясности. Согласие исследователей заканчивается на этапе констатации, что данный процесс включает в себя отдельные функциональные этапы или стадии. Дальше некоторые исследователи ограничивают его этапом разработки альтернативных вариантов решения поставленной проблемы, итогом которой становится выбор одного из них. Например, Г. Саймон, один из первых американ-

ских политологов, применивших проблематику принятия решений в политологии, следующим образом представлял себе последовательность действий в процессе принятия политических решений: постановка проблемы, сбор информации, определение возможных альтернатив, выбор одной из них в соответствии с иерархией ценностей лиц, принимающих решение⁵.

Если трактовать процесс принятия политических решений шире (точка зрения, у которой тоже немало сторонников среди политологов), то он включает в себя также стадию практической реализации принятого решения⁶. Такой взгляд более близок для российской политической науки⁷. Но у него есть существенный аспект: пространственные и временные границы принятия решения раздвигаются до неопределенных масштабов, поскольку (чему свидетельством современная российская модернизация) реализация решения может растягиваться на десятилетия, вследствие чего о разработчиках решения его исполнители успевают даже забыть.

На наш взгляд, в структуре процесса принятия политических решений наиболее целесообразно рассматривать следующие основные этапы: определение проблемы и формирование политической «повестки дня», поиск решения проблемы, обсуждение и лоббирование вариантов решения, принятие решения, реализация решения, контроль и корректировка решения при выявлении отклонений.

В данном контексте политическую экспертизу можно охарактеризовать как одну из форм обсуждения проектов решения, которая может быть осуществлена на соответствующих этапах процесса принятия политических решений. На этапе непосредственного принятия решения политическая экспертиза чаще всего не задействуется.

За принятие и реализацию решения несут ответственность лица или органы власти структурами. Эксперты и экспертные сообщества фактически несут реальную ответственность только перед заказчиком их аналитических услуг. Проблема ответственности эксперта почти всегда опосредована свойственным ему пониманием того, что есть общество и есть власть, интересы которых он стремится отразить в своих аналитических действиях и с интересами которых соотносит успех и неудачу своих прогнозов. Этим обусловлены основные различия между политической экспертизой и механизмом принятия политических решений, и это делает политическую экспертизу не настолько органичной со всей структурой последнего, чтобы ее можно было бы рассматривать как простой элемент или этап принятия политических решений, а тем более отождествлять с ним.

Для повышения качества политических решений необходимым становится привлечение различных ресурсов из внешней среды, в том

числе и интеллектуальных. В некоторых случаях возможностей государственной власти оказывается недостаточно и она нуждается в компетентной экспертной поддержке. Но в то же время, как показывает практика, в большинстве случаев принятие политических решений вполне обходится без какой-либо предварительной политической экспертизы. Таковую заменяет личный и коллективный опыт самих управленцев, которые во многих случаях сами обладают полномочиями экспертов, и более того, в силу включенности их в «вертикаль ответственности» их экспертные заключения вызывают больше доверия у участников принятия решений, во всяком случае у тех из них, которые ассоциируют себя с политической и административной властью.

Если говорить о политической экспертизе только как о знании, привнесенном в процесс принятия политических решений извне, то у лиц, принимающих решения, тоже могут быть различные цели использования экспертного знания, например, желание получить объективную информацию в виде экспертного заключения с целью повышения качества принимаемого решения, легитимация уже принятого решения в глазах общественности, укрепление своих позиций ссылкой на соответствующую научную экспертизу, необходимость отвлечь внимание от конкретного принимаемого решения путем проведения множества публичных обсуждений иных проектов, наконец, желание добиться осуждения и отмены уже принятых иными властными органами решений.

Все это говорит в пользу того, чтобы считать политическую экспертизу вполне самостоятельной процедурой. Следует заметить, вместе с тем, что очертания этой процедуры (что и вызывает сомнения в ее структурной принадлежности) трудноуловимы в силу многообразия ее конкретных проявлений, о чем говорилось выше, а также в силу институциональной неоформленности экспертных действий. Если экспертиза не является внутренним элементом в структуре процесса принятия политических решений, то есть ли перспектива ее институционализации в качестве самостоятельной процедуры? Предположить такое было бы вполне логично, и именно этой логике следуют те политологи, которые в расширении «площадок» политической экспертизы и в формировании «экспертных сообществ» видят реальный путь к превращению гражданского общества в России из стратегической цели в реальность, считают важным моментом продвижения к демократии. Принятие политических решений невозможно вне институционального поля. Его технология неразрывно связана со стабильным функционированием институтов власти и гражданского общества. А политическая экспертиза зачастую функционирует в рамках неформальных институтов и не имеет четкой правовой, финансовой, технической базы. Институты

политической экспертизы – как фантомы. Они могут быть созданы под конкретную задачу и исчезнуть, когда эта задача будет решена.

Думается, что такой перспективы в принципе не может быть в силу внутренних свойств самой этой процедуры. Специфика политической экспертизы состоит в том, что она осуществляет переход от сугубо формальной технологической к междисциплинарной экспертизе и широкой публичной дискуссии. В интеллектуальном смысле это означает «переход от узкотехнологической экспертизы к совместному обсуждению, предполагающему критический анализ исходных представлений и предпосылок, как своих собственных, так и оппонентов»⁸. В моральном смысле это – отказ от узкой схемы сопоставления «затраты – выгоды», в основе которой лежат не долговременные, а ближайшие приоритеты, и переход на позиции морали. В политическом же смысле это отказ от ограниченных меркантильных интересов рынка и переход к такой политической культуре, которая базируется на совместной ответственности⁹.

Все это говорит о том, что любая процедура политической экспертизы есть, в сущности, процедура или канал связи политики с моралью. В этом и суть ее дополнительной функции по отношению к любому принятию политических решений, основанному на рациональном соотношении затрат и выгод. Апелляция к нормам общественной морали – основное структурное отличие политической экспертизы. В данном контексте политическая экспертиза приобретает важнейшее значение, так как, помимо учета всех материальных факторов, она выполняет функцию актуализации общественно значимых проблем и ставит вопрос о морали в политике.

Таким образом, отождествлять политическую экспертизу и процесс принятия политических решений, на наш взгляд, неверно. По своей сущности политическая экспертиза представляет собой самостоятельный механизм, способный и к самостоятельной работе, и к интеграции в другие политические механизмы. Она обладает автономностью за счет того, что основывается прежде всего не на решении задач, но на их постановке, а следовательно, обладает большой вариативностью.

Самостоятельность политической экспертизы также обусловлена ее мобилизационной функцией. Именно в силу своей автономности она может функционировать как часть самых разных политических механизмов так же, как, например, политическая идеология. Политическая экспертиза может входить и в структуру процесса принятия политических решений в том числе. В то же время она может быть частью механизмов, связанных с функционированием оппозиции, с протестными явлениями.

Политическая экспертиза, представляя собой своеобразный механизм диалога между

обществом и государством, оказывает влияние на политическую культуру общества, может служить предпосылкой гражданского выбора для каждого человека. Политическая экспертиза поднимает вопрос морали в политике. Она подобна хорошему топливу, не являющегося обязательной частью машины, которая может простаивать и с пустым баком, и притом не переставать быть машиной. Но топливо может быть залито в бак любой машины и в зависимости от своего качества сообщить ей большую или меньшую способность движения.

Примечания

¹ См.: Митрошенков О.А. Экспертиза как социальный институт: трудности роста и отношений с властью // Социология власти. 2004. № 6. С. 85–109.

² См.: Райков А.Н. Российская «экспертотократия» // Экономические стратегии. 2009. № 3. С. 128–132.

³ Капустин Б.Г. Тезисы о политической философии // Полис: Политические исследования. 2010. № 2. С. 22.

⁴ См.: Пугачёв В.П., Соловьёв А.И. Введение в политологию. М., 2000. С. 388.

⁵ См.: Зеленков М.Ю. Политология для юристов. М., 2003. С. 163.

⁶ См.: Вавилов С.В. Политические решения: от спонтанности к научности // Российская Федерация сегодня. 2006. № 10. С. 16.

⁷ См.: Дегтярёв А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений // Полис: Политические исследования. 2003. № 1. С. 159–170.

⁸ Киселёв А.С. Социологическая перспектива инновационного общества. М., 2007. С. 78.

⁹ Там же. С. 80.

УДК 32

КОНСТИТУЦИОННОЕ СОБРАНИЕ РФ: МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ

В.Е. Бормотов

Саратовский государственный университет
E-mail: victor.bormotov@yandex.ru

В статье проведен сравнительный анализ моделей формирования Конституционного собрания, представленных в законопроектах «О Конституционном собрании», показаны политические причины отсутствия данного закона в правовом пространстве.

Ключевые слова: Конституционное собрание, модель формирования, принципы формирования, конституционная система.

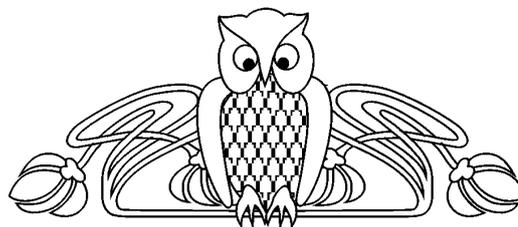
Constitutional Assembly: Formation Models

V.E. Bormotov

This article is devoted to the comparative analysis of the Constitutional Assembly formation models introduced by the legislative proposal «About the Constitutional Assembly». It is focused on the political reasons of lack of this law in legal framework.

Key words: Constitutional Assembly, formation model, formation principles, Constitutional system.

Неизменность Конституции является одним из важных факторов и показателей стабильности функционирования политической системы. Конституция, определяя общественное и государственное устройство, порядок, структуру и принципы формирования органов власти, избирательную систему государства и процедуры передачи властных полномочий, оказывает решающее влияние на политические процессы. Однако сегодня многие ученые, общественные деятели, указывая на юридические неточности, размытость понятий, несоответствие реалиям политической

жизни, внутренние противоречия, заложенные в тексте основного закона, считают необходимым изменить Конституцию¹. Официальная власть в виде «тангема» осторожна в своих заявлениях по поводу возможности пересмотра положений Конституции², что, однако, входит в противоречие с политической практикой. Внесение поправок в Конституцию, изменение избирательной системы, расширение полномочий президента и многое другое расценивается не иначе как изменение конституционного строя³.

В России уже сейчас активно обсуждаются возможные изменения модели власти, параметры государственно-территориального устройства, реализация принципа разделения властей и другое на уровне новых конституционных проектов⁴. В Конституции заложен прочный механизм ее изменения, зафиксированный в 9 главе. Пересмотром Конституции должен заниматься специально для этого создаваемый орган – Конституционное собрание (КС), порядок формирования которого должен определить федеральный конституционный закон (ФКЗ). Однако закон этот до сих пор не принят, хотя на сегодняшний день создано немало проектов его осуществления, многие из которых в разное время вносились на рассмотрение в Государственную думу, так и не дойдя даже до пленарного заседания.

Создание Конституционного собрания означало бы появление в стране нового мощного центра власти, открывающего возможности для переустройства государства в любом направлении. Конституционное собрание, разрабатывая и при-

обществом и государством, оказывает влияние на политическую культуру общества, может служить предпосылкой гражданского выбора для каждого человека. Политическая экспертиза поднимает вопрос морали в политике. Она подобна хорошему топливу, не являющегося обязательной частью машины, которая может простаивать и с пустым баком, и притом не переставать быть машиной. Но топливо может быть залито в бак любой машины и в зависимости от своего качества сообщить ей большую или меньшую способность движения.

Примечания

¹ См.: Митрошенков О.А. Экспертиза как социальный институт: трудности роста и отношений с властью // Социология власти. 2004. № 6. С. 85–109.

² См.: Райков А.Н. Российская «экспертотократия» // Экономические стратегии. 2009. № 3. С. 128–132.

³ Капустин Б.Г. Тезисы о политической философии // Полис: Политические исследования. 2010. № 2. С. 22.

⁴ См.: Пугачёв В.П., Соловьёв А.И. Введение в политологию. М., 2000. С. 388.

⁵ См.: Зеленков М.Ю. Политология для юристов. М., 2003. С. 163.

⁶ См.: Вавилов С.В. Политические решения: от спонтанности к научности // Российская Федерация сегодня. 2006. № 10. С. 16.

⁷ См.: Дегтярёв А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений // Полис: Политические исследования. 2003. № 1. С. 159–170.

⁸ Киселёв А.С. Социологическая перспектива инновационного общества. М., 2007. С. 78.

⁹ Там же. С. 80.

УДК 32

КОНСТИТУЦИОННОЕ СОБРАНИЕ РФ: МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ

В.Е. Бормотов

Саратовский государственный университет
E-mail: victor.bormotov@yandex.ru

В статье проведен сравнительный анализ моделей формирования Конституционного собрания, представленных в законопроектах «О Конституционном собрании», показаны политические причины отсутствия данного закона в правовом пространстве.

Ключевые слова: Конституционное собрание, модель формирования, принципы формирования, конституционная система.

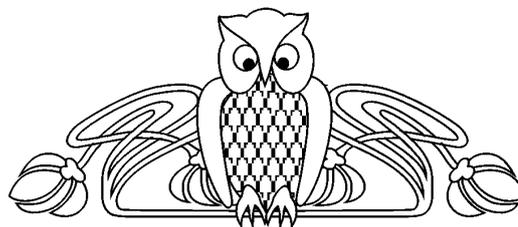
Constitutional Assembly: Formation Models

V.E. Bormotov

This article is devoted to the comparative analysis of the Constitutional Assembly formation models introduced by the legislative proposal «About the Constitutional Assembly». It is focused on the political reasons of lack of this law in legal framework.

Key words: Constitutional Assembly, formation model, formation principles, Constitutional system.

Неизменность Конституции является одним из важных факторов и показателей стабильности функционирования политической системы. Конституция, определяющая общественное и государственное устройство, порядок, структуру и принципы формирования органов власти, избирательную систему государства и процедуры передачи властных полномочий, оказывает решающее влияние на политические процессы. Однако сегодня многие ученые, общественные деятели, указывая на юридические неточности, размытость понятий, несоответствие реалиям политической

жизни, внутренние противоречия, заложенные в тексте основного закона, считают необходимым изменить Конституцию¹. Официальная власть в виде «тандема» осторожна в своих заявлениях по поводу возможности пересмотра положений Конституции², что, однако, входит в противоречие с политической практикой. Внесение поправок в Конституцию, изменение избирательной системы, расширение полномочий президента и многое другое расценивается не иначе как изменение конституционного строя³.

В России уже сейчас активно обсуждаются возможные изменения модели власти, параметры государственно-территориального устройства, реализация принципа разделения властей и другое на уровне новых конституционных проектов⁴. В Конституции заложен прочный механизм ее изменения, зафиксированный в 9 главе. Пересмотром Конституции должен заниматься специально для этого создаваемый орган – Конституционное собрание (КС), порядок формирования которого должен определить федеральный конституционный закон (ФКЗ). Однако закон этот до сих пор не принят, хотя на сегодняшний день создано немало проектов его осуществления, многие из которых в разное время вносились на рассмотрение в Государственную думу, так и не дойдя даже до пленарного заседания.

Создание Конституционного собрания означало бы появление в стране нового мощного центра власти, открывающего возможности для переустройства государства в любом направлении. Конституционное собрание, разрабатывая и при-

нимая Конституцию России, фактически явилось бы учредительным органом государственной власти в стране в целом, определяя полномочия всех органов государственной власти всех ветвей и уровней⁵. Следовательно, принятие закона о Конституционном собрании – фундаментальный вопрос государственного устройства в целом, затрагивающий интересы многих политических сил. Несомненно, что к способу формирования КС должен быть применен особый и взвешенный подход исходя из тех значимых функций, которые оно должно выполнять.

Мы будем выделять четыре наиболее, на наш взгляд, важных критерия, которые должны быть реализованы при создании КС. Во-первых, это принципы и способы образования института, от которых в решающей степени зависит, представители каких общественных сил войдут в Конституционное собрание и в какой степени эти люди смогут эффективно выполнить возлагаемую на них столь сложную задачу – пересмотреть Конституцию.

Во-вторых, это срок полномочий, что воздействует на стабильность и эффективность существования института. Принятие Конституции – вопрос один из основополагающих для развития общества и государства. Непродуманные решения могут привести к необратимым негативным последствиям. Именно успешность разработки и принятия Конституции РФ указывается как один из главных факторов нестабильности и необходимости ее корректировки в соответствии с существующими условиями.

В-третьих, количество членов Конституционного собрания. Ведь если Конституция – закон учредительного характера, то он, несомненно, должен отражать общие интересы всего народа, и чем больше сил будет мобилизовано для его создания, тем более эффективным он должен стать.

Необходимо отметить, что принятие Конституции 12 декабря 1993 г. стало результатом острого конфликта законодательной и исполнительной ветвей власти, переросшего в силовое столкновение. Многие вопросы были проигнорированы по политическим соображениям, так как не было сформулировано четкого представления о том, как должны развиваться эти отношения (например, вопрос об избирательной системе). Конституция лишь обозначила векторы развития российской государственности в долгосрочной перспективе, а в тогдашней политической ситуации закрепила доминирующее положение Президента РФ, вышедшего победителем из политической борьбы. Вполне естественной в таких условиях стала проблема нереализованности многих положений Конституции в текущей политической практике, что получило отражение в критике курса реформ, проводимых Б.Н. Ельциным. Это побудило многих ученых и общественных деятелей «настаивать на ее скорейшем пересмотре»⁶. Уже в 1994 г. была предпринята первая попытка внесения в нее изменений⁷.

На этом фоне О.Г. Румянцевым⁸ были представлены два проекта ФКЗ «О Конституционном собрании». В них предлагалось две возможных модели образования КС. Если в первом случае «созыв Конституционного собрания осуществляется путем избрания его членов непосредственно гражданами Российской Федерации в субъектах Российской Федерации»⁹, то во втором – «в Конституционное собрание входят члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы Федерального Собрания России созыва, поддержавшего предложение о пересмотре положений глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации 1993 года, а также полномочные делегации представителей субъектов Российской Федерации»¹⁰.

Проект «Порядок созыва – выборы» предусматривал прямое избрание депутатов Конституционного собрания по мажоритарной избирательной системе от каждого субъекта РФ по норме, предусмотренной для выборов депутатов ГД РФ¹¹. Такой вариант формирования КС вполне соответствовал «духу времени». Трансформация российского политического режима на рубеже 80–90-х гг. XIX в. вызвала к жизни демократические процедуры образования политических институтов, отражавших мнение народа относительно органов власти. На тот момент (1994 г.) путем прямого голосования формировались практически все органы государственной власти, в том числе и Совет Федерации. Естественно, что, используя первый или второй вариант образования, мы получили бы два совершенно разных органа, отражавших интересы разных политических сил. Именно Румянцевым были заложены основные векторы дискуссии по поводу формирования Конституционного собрания: формирование, избрание или же делегирование¹². Проект закона «Порядок созыва – формирование» в большей степени отражал расклад сил в уже действующей конституционной системе, отдавая приоритет Федеральному Собранию. В условиях, когда президент стремился закрепить и упрочить свое положение доминирующего актора политики, усиление ФС для него было недопустимым. Именно поэтому сторонники президента Ельцина в I и II Государственной Думе (большая часть «Выбора России», ПРЕС, затем – НДР) не выдвигали никаких предложений по поводу создания Конституционного Собрания.

Прописывая одинаковый срок полномочий КС (не более 1 года), проекты кардинально по-разному смотрят на количественный состав собрания: 1028 – в случае формирования и 225 (вариант – 403) – в проекте выборов. Численно проект «Порядок созыва – формирование» наиболее радикальный из всех существующих на сегодняшний день. Однако учитывая то, что ныне Совет Федерации наполовину формируется путем назначения, наполовину делегированием от законодательного органа субъекта РФ¹³, депутаты ГД избираются по пропорциональной избирательной системе, во многом закрывшей доступ к власти

оппозиционным партиям. При вышеперечисленных условиях в случае реализации сегодня Конституционное собрание выглядело бы совершенно иначе, нежели это предполагал О.Г. Румянцев.

Проект «Порядок созыва – выборы» скопировал мажоритарную избирательную систему, предусмотренную для выборов половины депутатов Государственной Думы. Однако выборы 1993–1995 гг. показали их второстепенное значение для политической жизни, поскольку они «стали не столько важнейшим этапом перехода к демократии, сколько одним из элементов становления гибридного политического режима, препятствующего дальнейшей демократизации»¹⁴. Ядром такого режима стал и президент и исполнительная власть, которые свою власть отдавать не собирались ни в коем случае. Срок полномочий не более 1 года, обозначенный в проекте, видится оптимальным, хотя и недостаточным, ведь, например, на принятие бюджета у Федерального Собрания уходит практически столько же времени. Функция же КС определена вполне конкретно – рассмотрение не менее важного вопроса об изменении Конституции. Однако если увеличивать срок полномочий КС или же вообще сделать его постоянно действующим органом, то переписывание Конституции вполне может стать нормой политической жизни и неминуемо приведет, как минимум, к дестабилизации, а как максимум – к конституционному кризису.

Перипетии общественной жизни 1994–1998 гг. снизили актуальность проблемы издания закона о Конституционном собрании в политической повестке. Однако принятие в марте 1998 г. Федерального закона «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» вызвало активизацию интереса к данному вопросу. Рост интереса к проблеме внесения изменений в Конституцию диктовался политическими причинами – подготовкой к очередным выборам в Государственную Думу, проблемой здоровья президента РФ, широкой общественной дискуссией о возможности перераспределения полномочий в треугольнике президент – правительство – Федеральное Собрание и многое другое.

В начале своего первого президентского срока В.В. Путин высказал мысль о возможности внесения некоторых изменений в Конституцию РФ. Как отклик на эти процессы появляется законопроект группы депутатов ГД РФ III созыва Б.А. Надеждина (фракция СПС), А.И. Лукьянова (фракция КПрФ), Е.А. Мизулиной (фракция СПС), В.В. Володина («Отечество вся Россия») и В.А. Крюкова (фракция КПрФ). Данный проект предполагает вхождение в КС членов СФ РФ, 100 депутатов ГД РФ. По должности членами КС становятся «Президент Российской Федерации, судьи Конституционного Суда Российской Федерации, Председатель Верховного Суда Российской Федерации и Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации», а также «сто членов Конституционного собрания из числа граждан

Российской Федерации, имеющих высшее юридическое образование и обладающих признанной квалификацией в области права»¹⁵, назначаемых президентом РФ. Абсолютное большинство в КС получают представители Федерального Собрания, что не исключает принятия именно ими новой Конституции, а это по действующей Конституции является недопустимым.

Это противоречие отмечается в официальном отзыве Правительства РФ на данный законопроект¹⁶.

К тому же, КС, несомненно, теряет в плане «неангажированности» от непредставленности в нем членов, избранных непосредственно народом. Большие возможности оказания влияния на процесс формирования КС в данном проекте получает президент, который, во-первых, напрямую назначает 100 членов; во-вторых, состав Совета Федерации в существующем формате его образования в решающей степени зависит от президента. Иными словами, мы получим институт учредительной власти, формируемый властью действующей. Общество же лишь опосредованно участвует в создании КС, делегируя свою власть президенту и Федеральному Собранию. Не случайно уже при внесении этого проекта на рассмотрение в ГД он был назван «прокремлёвским»¹⁷, поскольку именно в режиме, предлагаемом этим проектом, процесс формирования КС оказывается подконтрольным власти, а конкретно – президенту РФ. Таким образом, данный проект явился ответом «лояльной оппозиции» на запрос правящей элиты.

Проект ФКЗ «О Конституционном собрании» С.А. Ковалёва¹⁸ отражал все более нарастающее недовольство оппозиционных партий политикой централизации власти, проводимой Кремлём. Данный проект предлагает выборы по избирательной системе, которая создавалась бы специально для «народных избранников – членов Конституционного собрания»¹⁹. Предполагается создание 225 двухмандатных округов с единой нормой представительства, что должно, по мысли автора, обеспечить общенациональное представительство без привязки к территории, профессионализму, причастности к институтам действующей власти, чему также должна способствовать облегченная процедура выдвижения и регистрации кандидатов. Однако такая демократичность таит в себе ряд серьезных опасностей. Во-первых, проведение общенациональных выборов – дорогостоящая и длительная процедура, и в случае неоднократной поддержки пересмотра Конституции (2–3 раза в год) процесс формирования КС заполнит собой значительную часть политики как во временном, так и в объемном аспектах; во-вторых, выборность сама по себе не является гарантией от появления в Конституционном собрании людей, как минимум, случайных, а как максимум, далеких от цели создания КС – органа, учреждающего основной закон государства.

В период нахождения В.В. Путина на должности президента интерес к созданию КС пере-

местился от институтов власти в научное сообщество, в среду специалистов по конституционному праву. Политическое пространство заняло решение вопросов государственного строительства, укрепления «вертикали власти», стабилизации политического режима. Среди таковых особо нужно отметить С.А. Авакьяна, предложившего собственный проект ФКЗ «О Конституционном собрании»²⁰. В нем наблюдается попытка нахождения компромисса между основными принципами и способами формирования КС РФ: выборность, профессионализм, статусность, территориальность и вхождение по должности, избрание и назначение.

Избегая вступления в противоречие с Конституцией, представительство ФС РФ в Конституционном собрании ограничено председателями и заместителями председателя палат парламента, комитетов Совета Федерации и Государственной думы, а также руководителями фракций Государственной думы. Членство в КС по должности предусмотрено для Президента РФ, председателей высших судов РФ, Председателя ЦИК РФ, Генерального прокурора РФ, Уполномоченного по правам человека в РФ. Большинство в КС должны составить представители от субъектов РФ (по 2 от каждого), избираемые «законодательным (представительным) органом субъекта на его заседании тайным голосованием на альтернативной основе». Оставшиеся члены КС (всего их 300) назначаются президентом из числа ученых-юристов.

Приближавшиеся выборы президента породили широкую дискуссию по поводу возможного третьего срока В.В. Путина. В связи с этим вероятное изменение основного закона вызвало к жизни проект ФКЗ «О Конституционном собрании», внесенный на рассмотрение Государственной думы в 2007 г. депутатами С.Н. Бабуриным и В.А. Алкснисом. По нему членами Конституционного собрания по должности становятся действующий и бывшие президенты России, те кто на момент принятия постановления о созыве собрания являются членами Совета Федерации от исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, депутатами Госдумы, членами Общественной палаты РФ. Кроме того, по одному представителю субъектов РФ (член законодательного органа субъекта РФ), а также представители государственных академий наук (все по одному представителю, исключая РАН, квота которой составляет 10 человек). По мнению авторов законопроекта, предлагаемый состав Конституционного собрания представляет собой разумное сочетание принципа представительности (включая представительство политическое, региональное, а также законодательной, исполнительной и судебной власти) и принципа профессионализма и компетентности членов Конституционного собрания²¹. Среди особенностей данного проекта следует отметить то, что в нем не предусмотрен пункт о вынесении проекта Конституции на референдум,

что придает Конституционному собранию статус высшего органа власти.

Таким образом, в настоящее время обозначено несколько подходов к проблеме формирования Конституционного собрания. Во-первых, это выборность как главный принцип создания КС (проект ФКЗ О.Г. Румянцева «О Конституционном собрании», вариант А «Порядок созыва – выборы», проект ФКЗ «О Конституционном собрании» С.А. Ковалёва), отражающий представления о реализации принципа выборности при формировании политических институтов как неотъемлемом элементе становления демократии. Во-вторых, подход к формированию на должностном и статусном принципах, основанный на стремлении институтов власти, созданных Конституцией, поставить под свой контроль образование новых (проект ФКЗ О.Г. Румянцева «О Конституционном собрании», вариант Б «Порядок созыва – формирование», проект ФКЗ «О Конституционном собрании» Б.А. Надеждина, А.И. Лукьянова, Е.А. Мизулиной, В.В. Володина и В.А. Крюкова, проект ФКЗ «О Конституционном собрании» С.Н. Бабурина и В.А. Алксниса). В-третьих, стремление к сбалансированию подходов (проект ФКЗ «О конституционном собрании» С.А. Авакьяна).

В эволюционировании подходов явно прослеживается тенденция снижения роли принципа выборности при образовании Конституционного собрания. Главной причиной здесь видится то, что существование КС было бы большой угрозой для всей существующей системы власти. В силу своих полномочий оно в принципе может упразднить и сам существующий государственный строй, причем даже не вынося его на общенациональный референдум²². Из этого исходит вполне естественное стремление институтов власти обезопасить и упрочить свое существование. Мажоритарная система выборов в Конституционное собрание, предлагаемая в проектах С.А. Ковалёва и О.Г. Румянцева, делает непредсказуемым персональный состав КС, и соответственно, его деятельность. Также «болезненным» недостатком многих проектов является приоритет в распределении мест в пользу Федерального Собрания, которое по Конституции не может пересмотреть ее. Исходя из критериев, предложенных нами в начале статьи, проект С.А. Авакьяна видится наиболее осуществимым, так как в равной степени аккумулирует принципы образования КС. Однако в современных условиях даже такой компромиссный проект вряд ли сможет быть воплощен в действующий закон. Доминирование института президентства и поддерживающей его «партии власти» «Единая Россия» на политической арене – свершившийся факт. Всплеск интереса в обществе к проблеме формирования Конституционного собрания приходился на переходные моменты в развитии государственности (1994–1995, 1999–2001, 2007–2008), однако последнее слово оставалось за властью, которая склонилась к тому, что нет

необходимости в пересмотре Конституции, а следовательно, и в существовании Конституционного собрания. Изменение же Конституции необходимо лишь в той степени, в которой оно способствует укреплению положения доминирующих институтов власти. Вопрос о создании Конституционного собрания – это вопрос о пересмотре баланса полномочий в существующей системе.

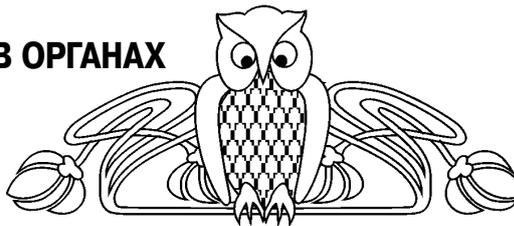
Примечания

- 1 См.: *Авакьян С.А.* Конституция Российской Федерации: нормы и действительность // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 5. С. 12–26; *Адамович А.* Конституционное совещание или Конституционное собрание? // *Деловая жизнь*. 2001. № 9–10. С. 29–35; *Варламова Н.* Конституционная модернизация: игра в термины, игра в реформу или игра с огнем // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. 2000. № 2. С. 122–125; *Скуратов Ю.И.* Развитие Конституции РФ 1993: поправки в Конституцию или конституционная реформа // *Рос. юрид. журн.* 2009. № 3. С. 40–47; *Макаров Б.А.* Еще раз про Конституцию и время. [Электронный ресурс]. URL: <http://ashpi.asu.ru> (дата обращения: 21.09.10); *Ремизов М., Карев Р., Межуев Б., Белковский С.* Смена власти–2008 и необходимость конституционной реформы в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru> (дата обращения: 21.09.10); *Бурлацкий Ф.* Нужны ли поправки к Конституции России // *Известия*. 2004. 10 нояб.
- 2 Например, на одной из встреч со студентами 5 июня 2003 г. тогдашний президент РФ В.В. Путин заявил: «Мы должны бережно относиться к Конституции нашей страны. Не позволять ее менять по вкусу тех людей, которые в данный момент оказались у власти. К ней надо бережно относиться. Я категорически против ее изменения» (*Газета «Коммерсантъ»*, 2008. № 201(4018) от 06 ноября).
- 3 См.: *Нисневич Ю.А.* Вертикаль никуда. Очерки политической истории России: 1991–2008. М., 2010. С. 5.
- 4 См.: *Кузнецов И.И.* Политические механизмы разделения властей в современной России. Саратов, 2010. С. 142.
- 5 См.: Сравнительная характеристика норм Конституции России и законопроектов «О Конституционном собрании» // *Аналит. вестн. Совета Федерации ФС РФ*. 2002. № 12(168). С. 44.
- 6 См.: *Захаров А.В.* К проблеме совершенствования Российской Конституции 1993 // *Пробелы в российской Конституции и возможности ее совершенствования*. М., 1998. С. 52.
- 7 См.: Проект ФКЗ «О поправках к частям 3 и 4 статьи 105 Конституции Российской Федерации». Постановление Совета Федерации от 17 декабря 1994 г. № 306-1 СФ // *Свод законов РФ*. 1994 № 35. Ст. 3665.
- 8 Румянцев Олег Германович. 1990–1993 – народный депутат, член Верховного Совета РФ, ответственный секретарь Конституционной комиссии, принимал активное участие в разработке проекта Конституции РФ.
- 9 См.: Проект Федерального конституционного закона «О Конституционном собрании». Вариант Б: «Порядок созыва – выборы» (01.12.1994). Ст. 4 пункт 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rumiantsev.ru/> (дата обращения: 21.09.10).
- 10 Проект Федерального конституционного закона «О Конституционном собрании». Вариант Б: «Порядок созыва – формирование» (01.12.1994). Ст. 3 пункт 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rumiantsev.ru/> (дата обращения: 21.09.10).
- 11 Проект Федерального конституционного закона «О Конституционном собрании». Вариант Б: «Порядок созыва – выборы». (01.12.1994). Ст. 3 пункт 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rumiantsev.ru/> (дата обращения: 21.09.10).
- 12 Так как напрямую Конституция РФ избирательную систему не прописывает, в проекте во многом отразились те общественные дискуссии, которые велись по этому вопросу.
- 13 Необходимо отметить, что практически во всех законодательных органах субъектов РФ доминирующее положение занимает «партия власти» – «Единая Россия».
- 14 *Гельман В.Я., Елезаров В.П.* «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации // *Первый электоральный цикл в России (1993–1996)*. М., 2000. С. 42.
- 15 Проект Федерального конституционного закона «О Конституционном собрании». Глава III. Ст. 10.3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.i-stroy.ru/govdoc/komitet> (дата обращения: 11.09.2010).
- 16 См.: Официальный отзыв правительства на проект Федерального конституционного закона «О Конституционном собрании». [Электронный ресурс]. URL: www.i-stroy.ru/govdoc/ (дата обращения: 11.09.2010).
- 17 Законотворческий процесс в Государственной Думе. Пятнадцатый выпуск оперативной информации 18 сентября 2000 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrighs.ru> (дата обращения: 10.09.2010).
- 18 С.А. Ковалёв играл ведущую роль в разработке 2 главы ныне действующей Конституции России. На момент внесения законопроекта (2001 г.) депутат ГД РФ от фракции СПС. На выборах в декабре 2003 г. баллотировался в Государственную думу по региональному списку Российской демократической партии «Яблоко» в Санкт-Петербурге. Представитель оппозиции действующей власти. 10 августа 2008 г. осудил позицию российского руководства в грузино-южноосетинском конфликте. В марте 2010 г. подписал обращение российской оппозиции «Путин должен уйти».
- 19 *Ковалёв С.А.* Проект Федерального конституционного закона «О Конституционном собрании». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrighs.ru/laws/law15.htm/> (дата обращения: 14.09.2010).
- 20 *Авакьян С.А.* Конституционное собрание Российской Федерации: концепция и проект федерального конституционного закона // *Вестн. МГУ. Сер. 11. Право*. С. 48–92.
- 21 *Уриханян А.* Вершина конституционной вертикали. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.PolitJournal.ru.](http://www.PolitJournal.ru/) (дата обращения: 21.10.2010).
- 22 См.: Конституция РФ. Ст. 136 // *Рос. газ.* 2009. № 7. С. 4.

УДК 323.212

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (на примере Пермского края)

Ю.В. Коннова

Саратовский государственный университет
E-mail: optimis.ya@mail.ru

В статье рассматривается роль органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в процессе противодействия коррупции. В ходе работы раскрывается система мер противодействия коррупции, реализуемая в органах исполнительной власти Пермского края.

Ключевые слова: коррупция, органы исполнительной власти, меры борьбы с коррупцией, противодействие коррупции.

The Measures Against Corruption in the Executive Authorities of Subjects of the Russian Federation (the Example of the Perm Region)

Yu.V. Konnova

The article considers the role of executive authorities of subjects of the Russian Federation in their process of resistance to the corruption. This work reveals a system of measures against corruption that is realized in the executive power of the Perm Region.

Key words: corruption, executive power, anti-corruption measures, resistance to the corruption.

Проблема коррупции и противодействия ей в последнее время как в целом в мире, так и в России резко актуализировалась. Россия приобрела стойкий имидж глубоко коррумпированного государства не только внутри страны, но и за рубежом, а коррупция достигла таких масштабов, что самым привычным стало рассматривать ее как преграду к социально-экономическому развитию страны, оказывающую отрицательное воздействие практически на все сферы жизни общества. Уровень и масштабы существующей в стране коррупции сдерживают экономическое развитие России, негативно отражаются на инвестиционном климате, снижают международную заинтересованность в сотрудничестве с нашей страной. Поражение коррупцией властных структур неизбежно приводит к снижению роли государства в регулировании социально-экономических процессов.

Противодействие коррупции на различных уровнях органов власти и управления признано одним из приоритетных направлений государственной политики. Показателен тот факт, что Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ № 1300 от 17 декабря 1997 г., относит коррупцию к угрозам национальной безопасности¹.

Несмотря на все вышесказанное, официальное определение коррупции на законодательном уровне было впервые дано Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»². Согласно ему под коррупцией понимается злоупотребление служебными полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица. По мнению А.М. Цирина, «определение коррупции может выглядеть следующим образом: коррупция есть использование должностным лицом своего служебного положения в целях получения выгоды либо предоставление выгоды должностному лицу, сопровождаемые нарушением законности»³.

Как показывает анализ практики борьбы с коррупцией, деятельность органов исполнительной власти больше других органов власти подвержена коррупции, так как она «осуществляет оперативное управление материально-техническими, экономическими, финансовыми, информационными, кадровыми и иными ресурсами»⁴. Помимо этого, повышенную подверженность коррупции органов исполнительной власти детерминируют «высокая интенсивность контактов с физическими и юридическими лицами, относительно невысокий уровень вознаграждения служащих, отсутствие реальной ответственности за коррупционные проступки»⁵.

Рассмотрим деятельность субъектов РФ в вопросе противодействия коррупции на примере Пермского края. «В соответствии с «Национальной стратегией противодействия коррупции и национальным планом противодействия коррупции на 2010–2011 годы», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460, разработана «Программа мероприятий по противодействию коррупции в Пермском крае на 2010–2011 годы» (утверждена указом губернатора от 20.05.2010 г. № 28)»⁶. Программа охватывает весь комплекс антикоррупционных мер, предусмотренных федеральным законодательством в данной сфере. Определен государ-

ственный орган, уполномоченный по реализации антикоррупционной политики – Администрация губернатора Пермского края, а именно Контрольный департамент.

Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг., одобренная распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р⁷ (далее Концепция), в качестве неотъемлемого условия достижения своих целей предусматривает разработку действенных механизмов противодействия коррупции. Среди мер антикоррупционного характера Концепцией предусмотрены подготовка и реализация антикоррупционных программ для федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, внедрение практики антикоррупционной экспертизы законопроектов и иных нормативных правовых актов, механизмов противодействия коррупции в сферах деятельности органов исполнительной власти.

Одной из ключевых задач реформы обозначены разработка и внедрение стандартов государственных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти, а также административных регламентов в органах исполнительной власти.

В первом квартале 2010 г. административные регламенты исполнения государственных функций и административные регламенты предоставления государственных услуг разработали 13 исполнительных органов государственной власти Пермского края. Большая часть регламентов носит узкоспециализированный характер⁸. Проанализировав данные регламенты, можно выделить несколько имеющих антикоррупционную составляющую. Например, Региональная энергетическая комиссия разработала Административный регламент по исполнению государственной функции по установлению цен (тарифов) на регулируемые виды деятельности. Министерством общественной безопасности разрабатывается проект административного регламента исполнения министерством государственной функции использования государственного информационного ресурса персональных сведений населения Пермского края «Эталонный регистр населения Пермского края». «Регламент устанавливает процедуры сверки, подтверждения достоверности, обезличивания и актуализации персональных данных, содержащихся в базах данных информационных систем исполнительных органов государственной власти, государственных органов, территориальных органов федеральных органов власти и органов местного самоуправления муниципальных образований Пермского края»⁹. Инспекцией государственного строительного надзора Пермского края разработаны и размещены на ее сайте для публичного обсуждения административные регламенты: «по исполнению государственной функции по контролю (надзору) в области долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости при анализе ежеквартальной отчетности застройщика

об осуществлении деятельности, связанной с привлечением денежных средств участников долевого строительства; по исполнению государственной функции по контролю (надзору) в области долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости при анализе проектной документации»¹⁰. В соответствии с пунктом 21 статьи 7 Федерального закона № 273 «О противодействии коррупции»¹¹ одним из основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции является оптимизация и конкретизация полномочий государственных органов и их работников, которые должны быть отражены в административных и должностных регламентах. В должностные регламенты государственных гражданских служащих, отвечающих в структурных подразделениях исполнительных органов государственной власти Пермского края за противодействие коррупции, должны быть внесены соответствующие изменения. Новые регламенты в I квартале 2010 г. утвердили 16 исполнительных органов государственной власти¹².

Важным направлением антикоррупционной деятельности исполнительных органов государственной власти Пермского края является контроль за соблюдением законодательства при осуществлении государственных и муниципальных закупок (далее – госзакупок). В I квартале 2010 г. закупки осуществляли 15 исполнительных органов государственной власти края. Из представленных отчетов следует, что фактов нарушения законодательства при размещении государственного заказа не выявлено¹³.

Однако по данным отдела контроля Министерства общественной безопасности, в I квартале 2010 г. в указанной сфере был выявлен ряд фактов нарушения законодательства в области госзакупок. Обнаружены они в результате внеплановых проверок. «Коррупционные факты были выявлены в действиях государственных учреждений, руководство которыми осуществляет Агентство по управлению государственными учреждениями. В результате мероприятий по профилактике и пресечению коррупции, проведенных совместно с правоохранительными и контролирующими органами в I квартале 2010 г., Прокуратура Пермского края выявила нарушения законодательства, допущенные Министерством социального развития»¹⁴.

Большое значение в противодействии коррупции в области госслужбы имеет внедрение антикоррупционных механизмов в государственное управление. Один из них определен в ст. 9 Федерального закона «О противодействии коррупции»¹⁵. Статья устанавливает, что государственные и муниципальные служащие обязаны уведомлять нанимателя (работодателя), органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений. Согласно пункту 5

данной статьи, «порядок уведомления представителя нанимателя (работодателя) о фактах обращения в целях склонения государственного или муниципального служащего к совершению коррупционных правонарушений, перечень сведений, содержащихся в уведомлениях, организация проверки этих сведений и порядок регистрации уведомлений определяются представителем нанимателя (работодателем)»¹⁶. В связи с этим в каждом исполнительном органе государственной власти Пермского края должен быть утвержден соответствующий порядок уведомления. На данный момент он принят почти во всех исполнительных органах государственной власти края¹⁷.

В деятельности исполнительных органов государственной власти Пермского края по противодействию коррупции можно условно выделить несколько направлений – это организационные, информационные и профилактические меры. И если все вышеописанные меры можно отнести к организационным, то сейчас мы рассмотрим меры информационного характера.

Согласно статье 7 федерального закона о противодействии коррупции¹⁸ к основным направлениям деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции относится обеспечение доступа граждан к информации о деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Помимо этого, информацию о своей деятельности исполнительные органы государственной власти (ИОГВ) обязаны публиковать в соответствии с Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹⁹. Согласно представленным в контрольный департамент отчетам²⁰, в I квартале 2010 г. в СМИ информацию о своей деятельности опубликовали 19 исполнительных органов государственной власти. Перечень предоставляемых исполнительным органом государственных услуг и формы документов, запросов, уведомлений размещены на интернет-сайтах 29 исполнительных органов государственной власти.

Согласно пункту 17 статьи 7 ФЗ о противодействии коррупции²¹, исполнительные органы государственной власти должны усилить контроль за решением вопросов, содержащихся в обращениях граждан и юридических лиц. На данный момент во всех исполнительных органах государственной власти края утвержден порядок учета и рассмотрения обращений граждан. По данным, представленным в отчетах, в I квартале 2010 г. сообщений от жителей края о фактах коррупции в ИОГВ не поступало²². В соответствии с представленными Контрольным департаментом отчетами, должностные лица всех исполнительных органов государственной власти участвуют в совещании по вопросам антикоррупционной

деятельности, проводимом председателем правительства Пермского края.

Проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов является одним из ключевых направлений в противодействии коррупции. Правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы устанавливает Федеральный закон № 172-ФЗ от 17.07.2009 г. «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»²³.

Важность проведения указанной экспертизы подтверждается активной позицией федеральных органов власти в этой сфере. Например, Управление Министерства юстиции Российской Федерации провело обзор законодательства субъектов Приволжского федерального округа за I квартал 2010 г.²⁷. Анализ нормативных правовых актов был проведен с целью выявления в них положений, способствующих проявлению коррупции.

Стоит отметить, что самостоятельно исполнительные органы государственной власти Пермского края антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов не проводят. Однако в текущем году в двух ИОГВ проводился анализ проектов правовых актов на предмет присутствия коррупциогенных фактов²⁵. Это агентство по занятости населения и Государственная инспекция вневедомственного контроля. Определено подобной меры можно рассматривать как положительный момент. В первом случае проводилась экспертиза Административного регламента исполнения агентством по занятости населения Пермского края государственной функции по осуществлению регионального государственного контроля (надзора) в области содействия занятости населения. Факторов коррупциогенного характера выявлено не было. Во втором случае инициатива проверки исходила от Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Приволжскому округу. Специалисты министерства провели юридическую экспертизу Административного регламента отдела гостехнадзора Государственной инспекции вневедомственного контроля предоставления государственной услуги по приему квалификационных экзаменов на право управления самоходными машинами и выдаче удостоверений тракториста-машиниста (тракториста). В ходе экспертизы были выявлены положения, способствующие созданию условий для проявления коррупции. В настоящий момент юридическим отделом инспекции ведется работа по изучению заключения экспертизы.

Отчеты, размещенные исполнительными органами государственной власти Пермского края в интегрированной системе электронного документооборота (далее – ИСЭД), показали, что сегодня министерства не разрабатывают собственных регламентов для проведения антикоррупционной экспертизы. Тем не менее самостоятельная работа исполнительными органами государственной власти в этом направлении все же ведется. Согласно

дополнительной информации, представленной министерством сельского хозяйства²⁶, при разработке проектов нормативных правовых актов (далее – проекты НПА) министерством привлекаются независимые эксперты – представители общественных объединений. Все проекты НПА направляются для рассмотрения в Агропромышленный союз Пермского края, обсуждаются на ежемесячных совещаниях с руководителями управлений сельского хозяйства муниципальных образований и размещаются на официальном сайте министерства в сети Интернет. Кроме того, финансово-правовое управление министерства осуществляет экспертизу правовых актов, издаваемых министерством, на предмет соответствия действующему законодательству и отсутствия положений коррупционного характера, в том числе распорядительных документов и административных регламентов.

Отдельным блоком хотелось бы рассмотреть повышение уровня информированности государственных гражданских служащих о данной проблеме как одну из мер противодействия коррупции, действующих в Пермском крае. Департаментом государственного управления Пермского края в тестовые задания для сдачи государственными гражданскими служащими квалификационных экзаменов включены вопросы по знанию ими законодательства в сфере противодействия коррупции. В нескольких учебных заведениях Пермского края, таких как Пермский филиал ГУ, Высшая школа экономики, Академия безопасности и специальных программ, Пермский филиал Уральской академии государственной службы, прошли дополнительное обучение по антикоррупционному образованию сотрудники исполнительных органов государственной власти и аппарата правительства Пермского края. Аппаратом правительства Пермского края со служащими юридических подразделений исполнительных органов государственной власти Пермского края проведен семинар-совещание по теме «Проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов». Согласно протоколу данного мероприятия, размещенному в ИСЭД Пермского края, в рамках совещания участникам даны рекомендации по проведению антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов, а также участники были ознакомлены с перечнем правовых актов, регламентирующих отношения в сфере противодействия коррупции. Администрацией губернатора Пермского края²⁷ в Институте повышения квалификации проведен семинар с представителями органов местного самоуправления по теме построения системы противодействия коррупции в Пермском крае, в ходе которого даны рекомендации по разработке необходимых муниципальных нормативных правовых актов по вопросам противодействия коррупции.

Подводя итог, можно констатировать, что, несмотря на все предпринимаемые меры, сегодня основной упор делается на борьбу с последствия-

ми коррупции, в то время как причины коррупции остаются практически без внимания. Несомненно, реализация вышеуказанных мер будет способствовать предупреждению коррупции, но для комплексного решения проблемы необходимы целенаправленные усилия со стороны не только государства, но и общества в целом. Вместе с тем хочется надеяться, что борьба с коррупцией продолжит свое развитие; совершенствование законодательства будет идти по пути минимизации возможностей проявления коррупции, включать в себя комплекс мер, направленных не только на решение проблемы несовершенства законодательства, но и на формирование нетерпимости к коррупционному поведению, выработку устойчивого антикоррупционного стандарта поведения в обществе, повышение правового сознания граждан и правовой культуры общества в целом.

Примечания

- 1 Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Рос. газ. 1997. № 247.
- 2 Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Рос. газ. 2008. № 4823.
- 3 *Цирин А.М.* Формирование институциональной основы противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти // Журн. рос. права. 2009. № 3. С. 28–34.
- 4 *Четвериков В.В.* Административно-правовые меры противодействия коррупции в деятельности исполнительной власти // Право и политика. 2008. № 2. С. 304.
- 5 Там же.
- 6 Официальный сайт Администрации губернатора Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admin.permkrai.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 7 Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 г. № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.consultant.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 8 Официальный сайт Администрации губернатора Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admin.permkrai.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 9 Официальный сайт Министерства общественной безопасности Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://mbkrai.perm.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 10 Официальный сайт Инспекции государственного строительного надзора. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.igsn-permkrai.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 11 Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Рос. газ. 2008. № 4823.
- 12 Официальный сайт Администрации губернатора Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admin.permkrai.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 13 Там же.
- 14 Официальный сайт Министерства общественной безопасности Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://mbkrai.perm.ru/> (дата обращения: 15.10.10).

- 15 Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Рос. газ. 2008. № 4823.
- 16 Там же.
- 17 По данным Контрольного департамента Администрации губернатора Пермского края, размещенным в интегрированной системе электронного документооборота Пермского края.
- 18 Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
- 19 Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Рос. газ. 2009. № 4849.
- 20 Официальный сайт Администрации Губернатора Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admin.permkrai.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 21 Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
- 22 По данным Контрольного департамента Администрации губернатора Пермского края, размещенным в интегрированной системе электронного документооборота Пермского края.
- 23 Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.consultant.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 24 Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minjust.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 25 Официальный сайт Администрации губернатора Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admin.permkrai.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 26 Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agro.perm.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 27 Официальный сайт Администрации Губернатора Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admin.permkrai.ru/> (дата обращения: 15.10.10).

УДК 32+004.9:659.4

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ

В.Н. Выводцев

Саратовский государственный университет
E-mail: m838om@mail.ru

В статье речь идет об особенностях политической модернизации в России и роли информационно-коммуникационных технологий в этом процессе. Особое внимание уделено развитию информационно-коммуникационных технологий в политике, становлению информационного общества.

Ключевые слова: модернизация, информационно-коммуникационные технологии, информационное общество.

Info-Communication Technologies and Political Modernization in Russia

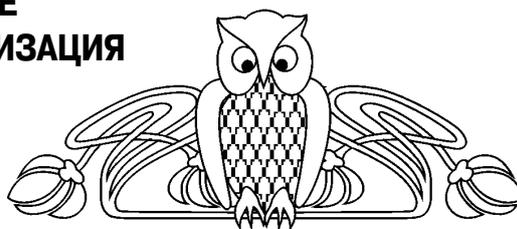
V.N. Vyvodtcev

The article deals with some peculiarities of political modernization in Russia. Besides, the article analyzes the role of info-communication technologies in the given process. Special attention is given to the background of info-telecommunication technologies in politics and the formation of information society.

Key words: modernization, info-communication technologies, information society.

Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию 2009 г. определил в качестве одной из приоритетных сфер модернизации информационные технологии¹.

Новые информационно-коммуникационные технологии, активно внедряясь в сферу политики,

не только качественно видоизменили прежние установки и стереотипы, но и повлияли на трансформацию моделей взаимоотношений политических институтов и индивидов. Весьма активно развивается процесс формирования нового канала политической коммуникации, динамика развития которого меняет представление о политической власти и государственном управлении, об оценке эффективности их деятельности. Изменение коммуникативных традиций сигнализирует и об определенных изменениях в политических стратегиях.

Общество, в котором мы сейчас живем, получило название информационного, для него характерны увеличение роли информационных технологий, создание глобального информационного пространства, удовлетворение потребностей населения в информационных продуктах и услугах.

В информационном обществе отчетливо прослеживается тенденция изменения приоритетов традиционно важных для развития государств и обществ ресурсов, в рамках которой на первый план выходит ресурс информационный. Информация является наиболее важным фактором, влияющим на формирование политического пространства в XXI веке. В связи с ускорением изменений,

- 15 Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Рос. газ. 2008. № 4823.
- 16 Там же.
- 17 По данным Контрольного департамента Администрации губернатора Пермского края, размещенным в интегрированной системе электронного документооборота Пермского края.
- 18 Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
- 19 Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Рос. газ. 2009. № 4849.
- 20 Официальный сайт Администрации Губернатора Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admin.permkrai.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 21 Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
- 22 По данным Контрольного департамента Администрации губернатора Пермского края, размещенным в интегрированной системе электронного документооборота Пермского края.
- 23 Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.consultant.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 24 Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minjust.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 25 Официальный сайт Администрации губернатора Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admin.permkrai.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 26 Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agro.perm.ru/> (дата обращения: 15.10.10).
- 27 Официальный сайт Администрации Губернатора Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admin.permkrai.ru/> (дата обращения: 15.10.10).

УДК 32+004.9:659.4

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ

В.Н. Выводцев

Саратовский государственный университет
E-mail: m838om@mail.ru

В статье речь идет об особенностях политической модернизации в России и роли информационно-коммуникационных технологий в этом процессе. Особое внимание уделено развитию информационно-коммуникационных технологий в политике, становлению информационного общества.

Ключевые слова: модернизация, информационно-коммуникационные технологии, информационное общество.

Info-Communication Technologies and Political Modernization in Russia

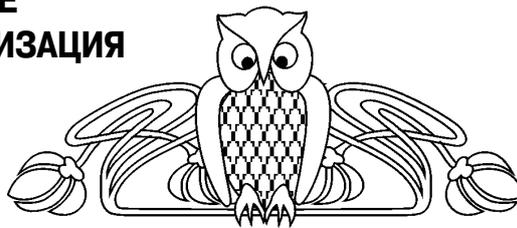
V.N. Vyvodtcev

The article deals with some peculiarities of political modernization in Russia. Besides, the article analyzes the role of info-communication technologies in the given process. Special attention is given to the background of info-telecommunication technologies in politics and the formation of information society.

Key words: modernization, info-communication technologies, information society.

Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию 2009 г. определил в качестве одной из приоритетных сфер модернизации информационные технологии¹.

Новые информационно-коммуникационные технологии, активно внедряясь в сферу политики,

не только качественно видоизменили прежние установки и стереотипы, но и повлияли на трансформацию моделей взаимоотношений политических институтов и индивидов. Весьма активно развивается процесс формирования нового канала политической коммуникации, динамика развития которого меняет представление о политической власти и государственном управлении, об оценке эффективности их деятельности. Изменение коммуникативных традиций сигнализирует и об определенных изменениях в политических стратегиях.

Общество, в котором мы сейчас живем, получило название информационного, для него характерны увеличение роли информационных технологий, создание глобального информационного пространства, удовлетворение потребностей населения в информационных продуктах и услугах.

В информационном обществе отчетливо прослеживается тенденция изменения приоритетов традиционно важных для развития государств и обществ ресурсов, в рамках которой на первый план выходит ресурс информационный. Информация является наиболее важным фактором, влияющим на формирование политического пространства в XXI веке. В связи с ускорением изменений,

происходящих в окружающей среде, информация выступает в качестве мощного и эффективного ресурса государственного управления.

Сегодня становится очевидным преобладание информационной составляющей деятельности людей над всеми ее другими формами и компонентами. В развитых странах сфера высоких технологий постепенно становится основным источником экономического роста, определяет структурные сдвиги в экономике, способствуя модернизации. Именно поэтому информационно-коммуникационные технологии рассматриваются как основной инструмент модернизации всей системы промышленного производства, развития социальной инфраструктуры, структурной перестройки экономики.

Информационные процессы и информационно-коммуникационные технологии играют определяющую роль в обеспечении взаимодействия людей, различными социальными группами и общественными структурами, между гражданским обществом и властью, а также в системах подготовки и распространения массовой информации.

Находящееся в стадии становления постиндустриальное общество породило ряд тенденций в сфере информации, которые уже сейчас, изменяя способы и технологии политической коммуникации, качественно трансформируют информационное поле. Так, если для индустриального общества характерны разнообразные способы организации информационных полей, потоков и политических дискурсов, то новый этап развития человечества отличается, по мнению А.И. Соловьёва, прежде всего преобразованиями качественного характера в содержании информационных потоков и приобретении информацией статуса нового в политической жизни².

Самым революционным изменением следует признать возникшую в 70-х гг. XX столетия форму цифровой передачи информации. С появлением компьютеров предельно расширился диапазон трансляции информации, снизилась ее стоимость и исчезли многие барьеры на пути передачи и получения сообщений в информационно-коммуникационном пространстве. Благодаря изменениям в информационном поле расширились возможности участия граждан в политике, усилилась децентрализация власти и существенно выросли управленческие полномочия локальных сообществ и местных правительств. Резко возросла информационная открытость, прозрачность государства. Этому способствуют регулярное информирование населения государственными органами, готовность государства вести диалог с общественностью, а также предоставление гражданам услуг в информационной форме. Весьма показательным, что государство стремится как можно шире использовать возможности новых информационных технологий для выполнения своих функций, специально берет на себя выпол-

нение новых задач, основанных на применении цифровых способов передачи сообщений.

При рассмотрении влияния массовых коммуникаций на политические процессы российские политологи отмечают, что в постиндустриальном обществе решающим управленческим ресурсом оказывается наличие знаний и владение информацией, тогда как роль финансов и государственного принуждения становится менее значительной. Государственное, административное и другое силовое давление сменяется информационным и психологическим. Иметь важную информацию значит иметь власть, уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью, возможность распространять важную информацию или замалчивать ее означает иметь двойную власть – так характеризуют когнитивный ресурс власти влиятельные немецкие политологи³.

В политической сфере информационно-коммуникативные связи представляются в качестве социального целого, структуры и институты которого предназначены для выработки, получения и переработки информации, обуславливающей осуществление политическими субъектами различных ролей и функций. Информационно-коммуникационные технологии выступают в качестве связывающего процесса, обеспечивающего взаимодействие и интеграцию всех уровней и сегментов политической системы и выполнение ее институтами всех основных функций – регулирования общественных отношений, организации, мотивации и контроля, – наделяют деятельность субъектов и носителей власти свойствами самоорганизации и саморазвития, способностью к преодолению неблагоприятных условий своего развития.

Развитие инновационных информационно-коммуникационных технологий выступает важным элементом политической модернизации страны. Итогом их внедрения становится формирование информационного общества, характеризующегося высоким уровнем развития информационных и телекоммуникационных технологий и их интенсивным использованием гражданами, бизнесом и органами государственной власти⁴.

Однако среди политологов существуют различные оценки взаимосвязи и взаимозависимости понятий «модернизация» и «инновационное развитие»⁵, которые выступают в качестве разноразрядных понятий. Модернизация институциональной среды предполагает создание благоприятного социального и политического климата, задавая определенный вектор инновационному развитию.

Характеризуя основное содержание модернизации, ученые также выделяют различные подходы к сути данного явления. С одной стороны, это переход от традиционного общества к современному, а с другой – политическая модернизация – это процесс, однажды начавшийся и

незавершаемый в принципе. Модернизация может пониматься либо как быстрое и качественное изменение институтов, ценностей, либо как длительная последовательность различных исторических этапов, необходимых для преобразования всего социального организма.

Политическая модернизация современного российского общества представляет собой совокупность важнейших процессов качественного преобразования политической системы, в результате которого эта система переходит на новый, качественно более сложный этап развития, определенную роль в котором играют информационно-коммуникационные технологии.

Примечания

- ¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 09.09.10).
- ² См.: Политические коммуникации / Под ред. проф. А.И. Соловьёва. М., 2004.

- ³ См.: Грачёв Г.В. Информационные технологии политической борьбы в российских условиях // Полис. 2000. № 3. С. 15.
- ⁴ См.: Стратегия развития информационного общества: Указ Президента Российской Федерации от 07.02.2008 № Пр-212 // Рос. газ. 2008. № 34; План реализации Стратегии развития информационного общества до 2011 года: решение заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию информационного общества в Российской Федерации от 13.02.2010 № Пр-357. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infosovet.ru/actioplan> (дата обращения: 09.09.10).
- ⁵ См.: Теория и политика инновационного развития и инновации в политике. Круглый стол журнала «Полис» и ИС РАН // Полис. 2010. № 2. С. 128–145; Семенов И.С. Повестка дня российской модернизации: об акторах, уровнях и механизмах модернизационного проекта // Модернизация, авторитаризм и демократия: Сб. материалов конф. ИМЭМО РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imemo.ru/> (дата обращения: 29.03.10).

УДК 316.75:32

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ГРАЖДАНИН: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

С.С. Плято

Саратовский государственный
социально-экономический университет
E-mail: Codessp@rambler.ru

В статье рассматриваются особенности развития в РФ «электронного правительства», проанализировано взаимодействие граждан и власти посредством применения информационных технологий. Приведены результаты авторского исследования интернет-ресурсов органов власти, а также рассмотрен ряд проблем, препятствующих реализации «электронного правительства». **Ключевые слова:** электронное правительство, гражданин, информационные ресурсы.

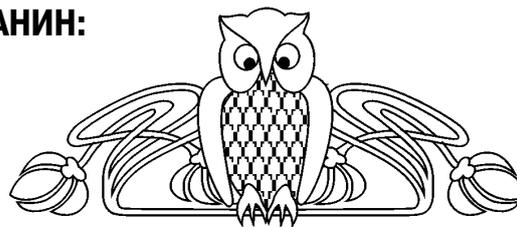
Electronic Government and Citizen: Features of Interaction

S.S. Pliato

The article discusses the features of development in the Russian Federation «electronic government», analyzed the interaction of citizens and government through the application of information technology. The results of original research Internet resources authorities, and also reviewed a number of problems impeding the implementation of «electronic government».

Key words: electronic government, citizen, information resources.

Идея создания «электронного правительства» не нова. Так, страны – лидеры по развитию демократических институтов власти имеют богатый опыт его реализации. В силу наметившейся тенденции совершенствования институтов власти в нашей стране на основе внедрения концепции

«электронного правительства» следует отметить, что она затрагивает интересы всего общества.

Для граждан интернет-порталы и сайты органов государственной власти в первую очередь являются единым источником актуальной, полной, непротиворечивой и точной информации о государственных услугах, а также возможностью получения государственных услуг по принципу «одного окна».

Для бизнес-структур это – прозрачная система государственных закупок, широкий доступ к необходимым нормативным актам, а также механизм взаимодействия бизнеса и государства, который, как и для простых граждан, влечет за собою уменьшение затрачиваемого времени для получения необходимых государственных услуг.

Для органов власти это – фактор совершенствования системы управления в области результативности и эффективности предоставления государственных услуг, а также механизм организации межведомственного взаимодействия и наиболее эффективного использования информационного ресурса.

Таким образом, целью проекта создания системы порталов государственных услуг являются повышение информационной открытости и прозрачности деятельности органов государ-

незавершаемый в принципе. Модернизация может пониматься либо как быстрое и качественное изменение институтов, ценностей, либо как длительная последовательность различных исторических этапов, необходимых для преобразования всего социального организма.

Политическая модернизация современного российского общества представляет собой совокупность важнейших процессов качественного преобразования политической системы, в результате которого эта система переходит на новый, качественно более сложный этап развития, определенную роль в котором играют информационно-коммуникационные технологии.

Примечания

- ¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 09.09.10).
- ² См.: Политические коммуникации / Под ред. проф. А.И. Соловьёва. М., 2004.

- ³ См.: Грачёв Г.В. Информационные технологии политической борьбы в российских условиях // Полис. 2000. № 3. С. 15.
- ⁴ См.: Стратегия развития информационного общества: Указ Президента Российской Федерации от 07.02.2008 № Пр-212 // Рос. газ. 2008. № 34; План реализации Стратегии развития информационного общества до 2011 года: решение заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию информационного общества в Российской Федерации от 13.02.2010 № Пр-357. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infosovet.ru/actioplan> (дата обращения: 09.09.10).
- ⁵ См.: Теория и политика инновационного развития и инновации в политике. Круглый стол журнала «Полис» и ИС РАН // Полис. 2010. № 2. С. 128–145; Семенов И.С. Повестка дня российской модернизации: об акторах, уровнях и механизмах модернизационного проекта // Модернизация, авторитаризм и демократия: Сб. материалов конф. ИМЭМО РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imemo.ru/> (дата обращения: 29.03.10).

УДК 316.75:32

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ГРАЖДАНИН: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

С.С. Плято

Саратовский государственный
социально-экономический университет
E-mail: Codessp@rambler.ru

В статье рассматриваются особенности развития в РФ «электронного правительства», проанализировано взаимодействие граждан и власти посредством применения информационных технологий. Приведены результаты авторского исследования интернет-ресурсов органов власти, а также рассмотрен ряд проблем, препятствующих реализации «электронного правительства». **Ключевые слова:** электронное правительство, гражданин, информационные ресурсы.

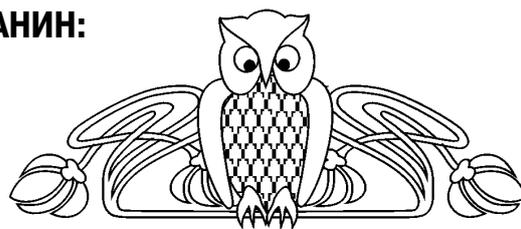
Electronic Government and Citizen: Features of Interaction

S.S. Pliato

The article discusses the features of development in the Russian Federation «electronic government», analyzed the interaction of citizens and government through the application of information technology. The results of original research Internet resources authorities, and also reviewed a number of problems impeding the implementation of «electronic government».

Key words: electronic government, citizen, information resources.

Идея создания «электронного правительства» не нова. Так, страны – лидеры по развитию демократических институтов власти имеют богатый опыт его реализации. В силу наметившейся тенденции совершенствования институтов власти в нашей стране на основе внедрения концепции

«электронного правительства» следует отметить, что она затрагивает интересы всего общества.

Для граждан интернет-порталы и сайты органов государственной власти в первую очередь являются единым источником актуальной, полной, непротиворечивой и точной информации о государственных услугах, а также возможностью получения государственных услуг по принципу «одного окна».

Для бизнес-структур это – прозрачная система государственных закупок, широкий доступ к необходимым нормативным актам, а также механизм взаимодействия бизнеса и государства, который, как и для простых граждан, влечет за собою уменьшение затрачиваемого времени для получения необходимых государственных услуг.

Для органов власти это – фактор совершенствования системы управления в области результативности и эффективности предоставления государственных услуг, а также механизм организации межведомственного взаимодействия и наиболее эффективного использования информационного ресурса.

Таким образом, целью проекта создания системы порталов государственных услуг являются повышение информационной открытости и прозрачности деятельности органов государ-

ственной и муниципальной власти; большая осведомленность граждан и организаций об оказываемых услугах и исполняемых функциях органов власти; удобство и комфорт; повышение эффективности межведомственного информационного обмена и взаимодействия при обеспечении доступа к информации о деятельности органов исполнительной власти и предоставлении государственных и муниципальных услуг; снижение финансовых и временных затрат при получении государственных и муниципальных услуг.

Следует отметить тот факт, что интернет-порталы органов власти рассматриваются только на федеральном и региональном уровне, тем самым исключая из поля зрения первичный для граждан муниципальный уровень. Однако не согласимся с мнением авторов концепции¹. Региональные порталы, являясь лишь промежуточным звеном, отражающим информацию и оказывающим государственные услуги на уровне региона или области, должны содержать ссылки на следующее звено цепочки. На этом, самом низшем уровне системы, который затрагивает муниципальные и районные органы власти, размещается основной массив информации, напрямую касающейся жизнедеятельности гражданина, начиная от районной администрации и заканчивая информационными ресурсами размещенных в районе медицинских и общеобразовательных учреждений.

Главным препятствием на пути развития проекта «Электронное правительство» в России на сегодняшний день является неподготовленность соответствующей законодательной базы. Существующие бюрократические процедуры не могут быть перенесены в качестве основы для «электронной бюрократии». Даже если предположить возможность полностью внедрить существующую бюрократическую логику в электронный вид, то это мало повысило бы эффективность государственного управления. Это наглядно продемонстрировал опыт Великобритании, где основные бюрократические процедуры были перенесены в электронный вид, что не привело к повышению эффективности. Поэтому одна из важных задач сегодня – пересмотр логики внутригосударственных транзакций для реального упрощения и оптимизации бюрократических процедур.

Для анализа эффективности работы интернет-ресурсов органов муниципальной власти региона Нижнего Поволжья, а также информационной наполненности автором было проведено их исследование.

В большинстве случаев получение данных о доступности информации на сайтах органов власти основывается на интернет-серфинге, то есть непосредственном изучении состава открытых информационных ресурсов, за поддержку которых отвечают соответствующие органы власти.

К настоящему времени оценка информационной наполненности интернет-сайтов российских органов власти проводилась неоднократно. Был реализован комплекс исследований, направленных как на изучение отдельных интернет-ресурсов органов власти, так и на выяснение целостного положения дел в данном направлении.

Однако из поля зрения исследователей выпадает целый пласт информационных ресурсов, созданных на муниципальном уровне. Следует отметить, что интернет-сайты муниципальных органов власти существуют и довольно активно развиваются. Размещаемые же на них данные также нуждаются в оценке и активном стимулировании дальнейшей разработки интернет-сайтов. С целью их изучения автором было проведено исследование.

В качестве административно-территориальной базы для оценки информационной наполненности муниципальных сайтов органов власти нами изучен регион Нижнего Поволжья, включающий Саратовскую, Волгоградскую, Астраханскую области и Республику Калмыкия.

Выборка составила 15% от генеральной совокупности по каждой области региона Нижнего Поволжья.

Основные направления оценки – определение полноты размещаемой информации, работа с обращениями граждан, наличие базовых электронных услуг.

Рассматривая современную тенденцию предоставления информации о деятельности государственных органов власти, а также услуг в электронном виде с возможностью удаленного их получения для граждан посредством создания для этих целей интернет-порталов, следует выделить ряд проблем по отмеченным ранее оцениваемым направлениям, без решения которых невозможно функционирование развивающегося «электронного правительства» в России.

Значительной проблемой, по мнению автора, является отсутствие должного внимания к наполняемости информационных ресурсов, созданных в рамках реализации концепции «электронного правительства».

Данный вывод был получен в ходе проведенного исследования наполненности интернет-ресурсов муниципальных образований региона Нижнего Поволжья. Информация, представленная на них, не соответствует в полной мере требованиям по раскрытию информации, обозначенным в постановлении правительства «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти»².

Не менее значимая проблема официальных сайтов во всем регионе Нижнего Поволжья была выявлена в сфере работы с обращениями граждан. Можно констатировать, что работа с обращениями граждан в орган власти с по-

следующим размещением результатов их рассмотрения на официальных сайтах не ведется, что, в свою очередь, наглядно показывает закрытость существующей структуры власти, несмотря на все усилия сделать ее максимально прозрачной. Обратная связь со стороны «гражданин—>власть—>гражданин» не работает. Это подтверждается еще и тем, что на сайтах не размещается информация о подразделениях по работе с обращениями граждан, не обозначены ни телефоны, ни электронная почта для работы с гражданами, а также не прописан порядок работы с обращениями.

Концепция «электронного правительства» тесно связана с предоставлением услуг гражданам в электронном виде. Однако в реальности фиксируется факт отсутствия на сайтах простых форм заявлений, с которыми гражданин мог бы обратиться в орган власти, а также перечня исполняемых им функций, информационных ресурсов и услуг, предоставляемых гражданам и организациям. Такое положение дел вызывает сомнение в проработанности механизмов концепции и ее направленности на совершенствование государственного аппарата и облегчение получения предоставляемых гражданам услуг.

Следует отметить, что наличие образцов форм заявлений на сайте позволило бы оптимизировать процесс приема граждан, снизить время ожидания в очереди, поскольку граждане имели бы возможность заполнить все необходимые формы дома, а также принести полный комплект документов согласно перечню, размещенному на сайте, который необходим для решения возникших у граждан затруднений.

Наиболее заполняемым разделом официальных сайтов муниципальных образований стал информационный блок о тендерах и конкурсах, проводимых органом власти. Так, в подавляющем большинстве случаев на сайтах размещается информация об условиях проведения тендеров и конкурсов, а также порядок участия в них физических и юридических лиц. Данное положение дел не удивительно, поскольку, согласно принятому закону о порядке проведения тендеров и конкурсов в организациях, информация о них должна размещаться на информационных ресурсах для всеобщего обозрения, в том числе и на официальных сайтах.

Возможность получения базовых электронных услуг полностью не реализована на официальных сайтах муниципальных образований региона Нижнего Поволжья. Фиксируется отсутствие даже обычной процедуры персонализации на официальном сайте посредством прохождения регистрации.

Отсутствие развития данного направления можно лишь отчасти отнести к «минусам», поскольку оно является непосредственным продолжением развития и использования гражданами электронной цифровой подписи и применения

интерактивных форм документов в государственных и муниципальных органах власти.

В силу отсутствия реализации использования электронной цифровой подписи становится невозможным заполнять и отправлять интерактивные формы документов. Правда, данный факт вряд ли сильно скажется на заполнении и отправлении интерактивных форм документов, поскольку они также не реализованы на официальных сайтах муниципальных образований.

Отсутствие перечня электронных услуг также является подтверждением существенного пробела в данном направлении.

Возможность оплатить государственную пошлину или налог посредством использования электронных платежей также не реализована.

Таким образом, можно констатировать, что для граждан внедрение «электронного правительства» является мифической химерой, как отметил президент РФ Д.А. Медведев в своем выступлении на заседании Совета по информационным технологиям³.

Подобный вывод был сделан из-за отсутствия значительных прорывов в области создания «электронного правительства» и облегчения для граждан взаимодействия с властью при получении услуг в электронном виде. Информация, размещаемая на сайтах органов государственной и муниципальной власти, зачастую противоречива при использовании ее в реальности в силу ее устаревания. Более того, работа по информированию граждан об опасностях в результате возможных чрезвычайных ситуаций, информация о которых должна присутствовать на сайтах, полностью отсутствует.

Активный перенос государственных услуг в сеть Интернет, предоставление доступа к различной государственной информации порождают ряд организационно-технических вопросов, связанных с тем, какую информацию необходимо выкладывать на информационных ресурсах сети, чтобы не нанести вреда государству, коммерческим структурам и гражданину.

С учетом повышенной актуальности внедрения технологий электронного государственного управления, о чем неоднократно говорилось в выступлениях президента РФ Д.А. Медведева, ныне особое внимание необходимо уделить сохранности критически важной информации⁴, сопряженной с массовым внедрением механизма электронной цифровой подписи (ЭЦП). Без широкого распространения ЭЦП идея электронных государственных услуг не только теряет свой смысл, но и потенциально опасна с точки зрения сохранности, достоверности передаваемых данных и адресности оказания услуг гражданам.

Примечания

¹ См.: Постановление Правительства РФ «Концепция единой системы информационно-справочной поддер-

- ки граждан и организаций по вопросам взаимодействия с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет» от 15.06.2009 № 478. [Электронный ресурс]. URL: www.base.consultant.ru (дата обращения: 10.10.10).
- ² Постановления Правительства «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти» № 98 от 12 февраля 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: www.base.consultant.ru (дата обращения: 10.10.10).
- ³ Интернет-сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 10.10.10).
- ⁴ Плято С.С. Сохранность критически важной информации и обеспечение открытости власти // Вестн. ПАГС. Саратов, 2010. № 1(22).